

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А.П. Уманский, Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
НАСЕЛЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ПРИЧУМЫШЬЯ
(по материалам могильника Кытманово)**

МОНОГРАФИЯ

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2007

УДК 392

ББК 63.4(2Рос – 4Алт)-7

У521

Научный редактор: академик РАН *А.П. Деревянко*

Рецензенты: д.и.н., профессор *В.В. Бобров*;

д.и.н., профессор *И.Г. Глушков*

У521

Уманский А.П.

Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово) : монография / А.П. Уманский, Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 132 с. : ил.

ISBN 978-5-7904-0631-7

Монография посвящена публикации материалов могильника Кытманово, раскопанного в Причумышье в середине XX в. В работе рассматриваются основные аспекты погребального обряда, культурной принадлежности и датировки комплекса. Книга предназначена для археологов, этнологов, преподавателей вузов, студентов и всех интересующихся древней историей Алтая и сопредельных территорий.

УДК 392

ББК 63.4(2Рос – 4Алт)-7

Подготовлено и издано в рамках грантов Российского гуманитарного научного фонда (проект №05-01-01183а, тема «Алтай в системе Евразийской металлургической провинции бронзового века» и проект №06-01-00375а, тема «Этнокультурное и этногенетическое взаимодействие на Алтае в эпоху развитой и поздней бронзы»), НИР Института гуманитарных исследований (тема «Освоение предгорно-равнинной части юга Западной Сибири в эпоху позднего плейстоцена – среднего голоцена»)

ISBN 978-5-7904-0631-7

© Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2007

© Алтайский государственный университет, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Характеристика погребальных комплексов	7
Глава II. Погребальный обряд и инвентарь	22
Глава III. Культурная принадлежность и датировка.....	33
Заключение.....	37
Библиографический список.....	40
Список сокращений.....	46
Приложения	47
Summary.....	129

ВВЕДЕНИЕ

Изучение андроновских комплексов на территории Верхнего Приобья насчитывает около ста лет. За этот период времени накоплено огромное количество материала, исследованы сотни погребальных объектов, получена представительная коллекция керамики и вещевого комплекса. К сожалению, подавляющее большинство этих источников не введены в научный оборот, они разбросаны по разным публикациям, тезисам докладов и статьям, которые не позволяют составить целостное представление о том или ином археологическом комплексе. Это затрудняет дальнейшую разработку андроновской тематики не только применительно к Верхнему Приобью, но и ко всему региону распространения таких древностей. Сделанные выводы, гипотезы и обобщения остаются малообоснованными или вообще не поддаются научной верификации.

Примером такого рода ситуации могут служить материалы погребального комплекса Кытманово, раскопки которого были осуществлены еще в 60-х гг. XX в. За время, прошедшее с момента раскопок, информация о нем публиковалась в различных отечественных и даже зарубежных изданиях, однако полноценной публикации материалов по разным объективным и субъективным причинам до настоящего времени так и не состоялось. Такое положение дел затрудняет всестороннюю характеристику комплекса, определение его места среди других памятников бронзового века юга Западной Сибири и сопредельных территорий. Данная книга вводит в научный оборот материалы археологических комплексов древнего некрополя Кытманово.

К глубокому сожалению, на определенном этапе написания монографии с нами не стало Алексея Павловича Уманского – автора раскопок памятника и соавтора работы, что, несомненно, значительно осложнило подготовку материалов к публикации. Но благодаря всемерной помощи, оказанной супругой и неизменным спутником Алексея Павловича Тамарой Аверьяновной Уманской, работа была завершена. Пользуясь случаем, соавторы выражают ей искреннюю благодарность за понимание и сотрудничество.

Кытмановский могильник андроновской эпохи наряду с другими некрополями периода развитой бронзы, такими как Чекановский Лог-I, Фирсово-XIV, Рублево-VIII, Нижняя Суетка и другими, является одним из самых крупных некрополей андроновской эпохи в лесостепном и степном Алтае. По самым скромным подсчетам, на его территории насчитывалось не менее 80 древних захоронений. К сожалению, часть из них была разрушена рабочими кирпичного завода при механизированной выборке глины. Около 60 погребений было в аварийном порядке исследовано кемеровским и алтайскими краеведческими музеями на средства Кемеровского областного и Алтайского краевого управлений культуры. Извлеченный из древних погребений вещевой материал (частью также собранный с рук) хранится ныне в музеях Барнаула, Санкт-Петербурга, Кемерово и Бийска.

Наиболее ценные в качестве археологических источников предметы ювелирного искусства в 1963 г. были переданы на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Отдельные предметы опубликованы в научных трудах отечественных ученых, а также изданы в Западной Европе (Франция, Бельгия, Швейцария). Экспонаты из Кытмановского некрополя представляют большую ценность для исторической науки, так как содержат богатую научную информацию о религиозной, производственной и культурно-бытовой жизни скотоводческих племен и народов, населявших во 2-й половине II тыс. до н.э. обширные пространства евразийских степей от Нижней Волги и до Енисея. Без преувеличения можно сказать, что в известном

смысле этот материал, в первую очередь ювелирные изделия – личные украшения из золота (серьги, кольца, подвески, бляшки и др.), которые не так уж часто встречаются в весьма обширной ойкумене эпохи бронзы, в археологии они справедливо расцениваются как важный индикатор социального развития древних сообществ.

Материалы Кытмановского некрополя содержат в себе неопровержимые свидетельства о сложных и бурных процессах этногенетического развития племен и народностей, о тесном взаимодействии не только в области производства, хозяйственной деятельности, но и во взаимном обогащении самобытных культур и искусства. Судя по расположению древних погребений на могильном поле, можно предположить, что какая-то часть некрополя все еще находится под заводскими постройками, за пределами заводских построек и выкопанных траншей.

История исследования могильника. Осенью 1959 г. в управление культуры Алтайского крайисполкома и Алтайский краевой краеведческий музей поступили сведения о непреднамеренном разрушении (во время хозяйственных работ), не состоявших на государственном учете памятников древности в Кытмановском и Целинном районах Алтайского края (рис. 1). На верхней террасе левого берега Чумыша близ сел Кытманово и Степной Чумыш были устроены карьеры для выборки глины с целью изготовления кирпича (рис. 4–6), в частности, в с. Кытманово был сооружен кирпичный завод (рис. 3).

Распоряжением крайисполкома районным властям было предписано временно, до обследования и проведения аварийных работ на участках местности, занятых археологическими памятниками, разработку карьеров и выборку глины приостановить. Но, к сожалению, в 1960 г. аварийные раскопки ни в Кытманово, ни в Степном Чумыше организовать не удалось.

В 1961 г. группа школьников под руководством учителя школы №12 (г. Мыски Кемеровской области) Владимира Ивановича Каца во время лодочного похода вниз по Чумышу попутно выявляла и обследовала памятники древности на обоих берегах реки. Во время остановки в Кытманово туристы-краеведы обследовали карьер кирпичного завода в Кытманово и доисследовали 10 древних могил, частично разрушенных при возобновлении работы кирпичного завода на мысе реки. В следующем году, по информации А.П. Уманского, ими было раскопано еще около 20 могил.

Летом 1962 г. Алтайский государственный краеведческий музей направил в с. Кытманово экспедицию под руководством А.П. Уманского, которая должна была обследовать территорию мыса, выявить все древние погребения. В состав экспедиции входили младший научный сотрудник Алтайского краевого музея Т.А. Уманская, старшеклассники Налобихинской средней школы во главе с учителем истории Н.Д. Абельдиновым, выполнявшим чертежные работы, фотограф А. Никулин. В этот полевой сезон экспедицией АГКМ было раскопано и доисследовано 26 могил.

В 1963 г. аварийные работы на Кытмановском древнем могильнике были продолжены экспедицией Бийского краеведческого музея им. Бианки, в составе которой работали студенты-историки Барнаульского педагогического института под руководством А.П. Уманского. В этот год было исследовано еще 11 древних могил. Эта же экспедиция провела небольшие аварийные работы в окрестностях с. Степной Чумыш.

Основная задача работ 1962 и 1963 гг. состояла в том, чтобы исследовать разрушающиеся объекты древности, а также по мере возможности выявить еще неизвестные и неучтенные памятники. В связи с тем, что в Кытманово часть древнего могильника

могла оказаться под постройками кирпичного завода, а работы по разработке карьеров для добычи глины продолжались, первоначально исследовались те участки местности, которым угрожало разрушение в ближайшее время.

Керамический комплекс, бронзовый и каменный инвентарь из раскопок 1962 г. хранятся в настоящее время в Алтайском государственном краеведческом музее (акт приема-передачи №75 от 1964 г., АГКМ-1187). Золотые предметы (110 экз. – ГЭ-2315/1-27) были сданы на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж, г. Ленинград (справка Эрмитажа №1608 от 9 октября 1963 г.). Материалы экспедиции 1963 г. (в том числе 65 предметов из золота) хранятся в Бийском краеведческом музее (БКМ) (справка от 8 июня 1964 г., БКМ-4159).

Антропологические материалы находятся на постоянном хранении в Музее антропологии и этнографии (г. Санкт-Петербург). Отчеты об итогах аварийных раскопок в 1962 и 1963 гг. представлены в Отдел полевых исследований Института истории материальной культуры АН, а копии отчетов о раскопках в Кытманово и в Степном Чумыше в 1963 г. – в Алтайский краевой и в Бийский краеведческий музеи. В этих музеях хранятся полевая документация и негативы фотографий.

Часть материалов, полученных В.И. Кацем в ходе раскопок 1961 г., поступила в фонды Кемеровского областного краеведческого музея (акт приемки-сдачи №70 от 25 июня 1962 г., в нем перечислены 14 предметов: 8 сосудов, каменный топор, «срез» дерева, два черепа и две золотые серьги). В музее хранятся еще три депортированных сосуда с шифром «Кыт». По словам сотрудников, их принадлежность к коллекции из Кытманово очень велика. Возможно, что они поступили позже и происходят из раскопок В.И. Каца 1962 г.

Таким образом, в настоящее время в фондах Кемеровского областного краеведческого музея хранятся 11 керамических сосудов (рис. 59; 60; 61.-4; 62), каменный шлифованный топор (рис. 61.-1), две золотые серьги (рис. 61.-2, 3) и фрагмент деревянной обкладки погребения. Отчетов, полевую документацию работ, а также материалов из раскопок 1962 г. В.И. Каца нам обнаружить не удалось.

В настоящей работе публикуются материалы, полученные в ходе аварийных раскопок 1962–1963 гг. на могильнике Кытманово экспедициями АГКМ и БКМ под руководством А.П. Уманского и экспедицией школьников под руководством В.И. Каца в 1961 г. После 1963 г. из Кытманово поступали отдельные находки, например, сосудов и др. Это свидетельствует о том, что площадь, занятая древним кладбищем, исследована не полностью. Еще в 1962 г., по информации А.П. Уманского, одна из обжигательных печей завода была сооружена на месте древних могил: концы продольных бревенчатых обкладок могил выступали из-под печи.

Рисунки вещевого комплекса, а также элементы реконструкций выполнены: А.Л. Кунгуровым, графические таблицы отдельных сосудов – А.П. Уманским, Ю.Ф. Кирюшиным и С.П. Грушиным. Все половозрастные определения антропологического материала сделаны В.А. Дремовым и В.А. Козьминым. В заключение благодарим бывших школьников с. Налобихи и студентов Барнаульского педагогического университета за активное участие в работах по спасению Кытмановского некрополя.

Авторы выражают глубокую благодарность всем, кто оказывал добрую помощь в подготовке материалов к публикации: Т.А. Уманской, А.Л. Кунгурову, А.А. Тишкину, Я.В. Фролову, Л.Л. Барковой, Л.С. Марсадалову, А. Баркову, К.В. Чугунову, С.В. Хаврину, И.В. Ковтуну, А.Б. Шамшину, Д.В. Палену, Ю.И. Тихонову, сотрудникам Кемеровского областного краеведческого музея и др.

Глава I

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Могильник Кытманово находится на верхней террасе левого берега Чумыша, примерно в 1 км к юго-востоку от райцентра (рис. 1). У основания большого мыса, широким языком выступающего в надпойменную террасу реки (рис. 2), располагались заводские постройки кирпичного завода (обжигательная печь, сараи для сушки сырца-кирпича, глиномешалка с прессом и др.).

Надпойменная терраса достигает высоты от 3 до 6 м (рис. 3–6). Основную толщу ее составляют песчанистые глины, прикрытые почвенным слоем мощностью 0,4 м. Глина здесь очень высокого качества, и местные жители около 20 лет (до 1959 г.) добывали ее, врезая в склоны мыса небольшие карьеры (рис. 4), при этом иногда находили отдельные предметы (керамику, кости животных и пр.), но не обращали на них внимания.

В 1959 г. был построен завод, и началась механизированная выборка глины. Заводские постройки заняли всю юго-западную часть мыса площадью более 2 га (рис. 5). В северо-западной его части были заложены карьеры (к моменту раскопок их площадь была около 0,35 га).

Свободная от заводских построек и выработанных карьеров (в процессе разработки их заводом в 1962–1963 гг.) оставшаяся часть мыса, когда с нее бульдозерами был снят дерновый и почвенный слой, была исследована А.П. Уманским (а именно западная половина – в 1962 г., восточная – в 1963 г.). При этом на уцелевшей от хозработ части мыса в 1962 г. был установлен столб с охранным текстом. Однако, несмотря на это, в 1963 г. по инициативе администрации завода столб снесли, почвенный слой с участка срезали бульдозерами и даже начали на нем выборку глины. И только своевременный сигнал с завода и экстренный выезд специалистов на место для продолжения охранных работ в с. Кытманово помогли предотвратить разрушение ряда древних могил, обнаруженных позднее на этом участке.

Визуально точно определить площадь, занятую древним могильником, не удалось. В ходе аварийных работ в 1962–1963 гг. была сделана попытка установить размеры могильника, выявить его контуры путем зачисток стенок выработанных карьеров и разведочных траншей. На северо-западе, севере и северо-востоке граница древнего могильника, очевидно, проходила по перелому склона мыса: разведочные траншеи, заложенные по линии перелома, не обнаружили ни одного древнего захоронения. Ниже этой линии на северном конце мыса были выявлены одна могила с останками взрослого субъекта и три детские (рис. 7). Юго-западная граница могильника проходила, видимо, юго-западнее обжигательной печи и траншей, выкопанных В.А. Кацем. На юго-востоке и юге могильник кончается под заводскими постройками: две траншеи, заложенные с этой стороны, оказались, как видно, за его пределами.

Таким образом, хотя площадь, занятая древним кладбищем, и вырисовывается весьма приближенно, можно уверенно утверждать, что оно занимало большую часть мыса, протянувшись от его основания до окончания, т.е. с северо-запада на юго-восток (рис. 7). Его общая площадь более 2 га.

А.П. Уманскому удалось собрать часть предметов из разрушенных в 1962 г. погребений: кости людей, черепки от сосудов, несколько медных, обернутых золотом украшений, хранившихся у рабочих кирпичного завода. Возможно, в связи с такими находками небольших золотых предметов среди жителей села и прежде всего рабочих

кирпичного завода бытовали легенды о находке крупного самородка золота, сдав в скупку который, человек, нашедший этот самородок, разбогател и построил новый дом. Рассказывали, что самородок был найден в одной из древних могил. Рассказывали также о том, что якобы позже, в 1959 г., когда началась механизированная разработка глины на мысе, была найдена некая золотая «коробочка». Находки небольших украшений в древних могилах, видимо, способствовали тому, что долгое время о разрушении этого памятника древности не было никаких сведений.

Ниже приводятся описания погребальных комплексов, раскопанных в 1962–1963 гг. А.П. Уманским.

Могила №1 (рис. 8.-1). Часть захоронения была разрушена бульдозером. Она находилась на спуске в основной карьер с северной стороны (рис. 7). По рассказу бульдозериста И.И. Горбачева, им была срезана верхняя часть погребения – бревна перекрытия и обкладки могилы по периметру dna могильной ямы и стоявший в ней керамический горшок. Рабочий подивился орнаментации сосуда, но все же бросил его в глиномешалку.

Правая половина скелета человека, включая череп, большая часть бревен обкладки частично попали в пресс. Кости и мелкие предметы могильного инвентаря были либо смещены со своих мест, либо рассеяны по пути бульдозера к прессу, вследствие чего об истинном положении их в могиле судить трудно. Размеры, ориентировка могилы, положение и ориентировка скелета были определены по остаткам, тлену обкладки и сохранившимся *in situ* костям скелета. Прямоугольной формы яма была размерами 1,40x0,90 м, глубиной от уровня современной поверхности около 2 м, ее ориентировка длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Продольные бревна обкладки лежали на поперечных. На дне четко видны следы меловой подсыпки и бурого тлена.

Захоронение было совершено по обряду труположения. Умерший был уложен на левый бок, в скорченном положении: ноги согнуты в коленях, руки в локтях, кисти были подложены под голову, головой на юго-запад-запад. От черепа осталась лишь левая височная кость. Судя по инвентарю и остаткам скелета, в могиле была погребена молодая женщина (?).

Основная часть предметов располагалась на дне могилы между костей левой половины скелета. Всего в могиле и за ее пределами, т.е. на пути к прессу, было найдено 49 золотых и обернутых золотой фольгой бронзовых украшений. Большинство их оказалось в верхней части скелета – меж ребер левого бока, а также у костей левой руки, левой ноги и позвоночника.

Из золотых украшений найдены два обломка длинной гофрированной пронизи (рис. 11.-10; цветная вклейка I.-11), 16 коротких гофрированных пронизок (рис. 10.-3; цветная вклейка I.-12), 15 нашивных трапециевидных бляшек (рис. 10.-2; цветная вклейка V.-1) с одним закругленным концом, две длинных (рис. 11.-11,12; цветная вклейка V.-6), одна средняя (рис. 10.-4; цветная вклейка V.-5) и 8 коротких по размерам прямоугольных нашивных бляшек (рис. 10.-1; цветная вклейка V.-2, 3, 4), одна трапециевидная бляшка с четырьмя выпуклостями, так называемая «лапчатая» привеска (рис. 10.-5; цветная вклейка IV.-3, 4), 4 подвески в полтора витка (рис. 11.-13–16; цветная вклейка III.-3, 5, 7). Видимо, из этой могилы происходит и золотая серьга (рис. 11.-7; цветная вклейка II.-9).

Коллекция бронзовых предметов состоит из фрагментов двух желобчатых браслетов со спиральными окончаниями (рис. 9.-2,3; 8.-3), 65 бусин (рис. 8.-4; 9.-1; цветная вклейка VII.-1), 7 больших и 5 малых «ножевидных» подвесок, еще нескольких мелких

обломков от таких же предметов. Некоторые из них украшены пуансоном, в верхней части имеется отверстие (рис. 8.-2; 9.-4; цветная вклейка VI.-2, 3). В районе грудной клетки погребенного оказались шесть створок раковин *corbicula fluminalis* (рис. 11.-1-6; цветная вклейка VI.-1), семь пастовых пронизей голубого цвета с отверстием в виде как бы «спекшихся» 3–6 бусин (рис. 11.-8, 9).

Могила №2. Могильная яма была обнаружена при зачистке восточной стенки центрального останца в карьере (рис. 12.-2). Большая часть (северо-восточная) могилы разрушена бульдозером при выборке глины. Ее размеры полностью установить не удалось, но яма была прямоугольной, с закругленными углами. Глубина ее 2,4 м от уровня современной поверхности, ширина в верхней части – 1,65 м, ко дну она сужалась до 1,15 м. В засыпке хорошо просматривались норы грызунов и включения древней почвы. Ориентировка могилы длинной осью по линии ЮЗ–СВ. По периметру ямы зафиксирована деревянная обкладка.

Инвентарь могилы представлен высоким плоскодонным сосудом хорошей сохранности, на две трети своей поверхности украшенным оттисками гребенчатого штампа. Венчик орнаментирован рядом штрихованных гребенкой косоугольных треугольников, слабо выраженная шейка и плечико – двумя лентами счетверенного зигзага, подчеркнутых опоясывающей лентой из четырех рядов оттисков гребенки, а тулово – еще тремя лентами таких же счетверенных гребенчатых зигзагов (рис. 12.-1; цветная вклейка VI.-4). При шурфовке и зачистке спуска в большой карьер с севера были выявлены еще два захоронения – могилы №3 и 4.

Могила №3. Могильная яма имела прямоугольную форму с закругленными углами, размерами 0,95х0,55–0,62 м, глубиной от дна карьера приблизительно 0,6 м, ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 13.-2; 14.-1). Вокруг ямы зафиксированы 10 круглых ямок диаметром 6–8 см, глубиной 20–25 см. Вероятно, могила имела оградку. Еще две таких же ямки обнаружены в северо-восточном и юго-западном углах могильной ямы, внутри ее. Возможно, непосредственно над захоронением была устроена какая-то крыша, опиравшаяся как на внутримогильные, так и на внешние столбы, расположенные вокруг могильной ямы в форме неправильного эллипса (рис. 13.-1).

В могиле был погребен ребенок возрастом до 4-х лет. Кости его были разбросаны в юго-восточной половине ямы. От черепа остались лишь часть нижней челюсти и часть черепной крышки. Предполагаемое положение умершего – на левом боку, с подогнутыми ногами и согнутыми руками, головой на юго-запад-запад. В юго-западном углу ямы, между черепом и столбиком, наклонно во внутрь могилы, стоял сосуд баночной формы, плохой сохранности. Под венчиком он был орнаментирован оттисками гребенки в виде «счетверенного» зигзага. Верхний слой сосуда частично разрушился, обнажив черное по цвету тесто внутреннего слоя (рис. 14.-2). При расчистке могилы обнаружено шесть черепов сусликов.

Могила №4. Объект был расположен поблизости от могилы №3. Подпрямоугольная яма имела размеры 2,3х1,1–1,2 м, глубину около 2,2–2,3 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. В заполнении ямы встречались угли. На дне могилы, по периметру, – бревенчатая обкладка, перекрытая поперек пятью бревнами и горбылями. Длина бревен обкладки 2,2–2,25, горбылей – до 0,8 м, ширина – до 0,45 м.

На дне ямы обнаружен скелет мужчины зрелого возраста, в положении на левом боку, скорченно, кисти согнутых рук перед лицом (правая) и под черепом (левая), стопы сильно подтянуты к тазу, черепом на юго-запад-запад; (рис. 15.-1). Сохранность костей удовлетворительная, но фаланги пальцев растащены грызунами по всему дну могилы.

В изголовье стоял небольшой плоскодонный горшок со слабо выраженной шейкой и плечиком. Он украшен рядом ямок по срезу венчика, ниже его – резная горизонтальная «елочка», три мелких каннелюра – по плечу, счетверенный зигзаг, выполненный гребенчатым штампом по тулову, и ряд мелких круглых ямок – у самого дна (рис. 15.-4, 5). Около горшка обнаружены три ребра и две неопределенных кости животного (барана?). На затылочной кости и шейных позвонках человека найдены две кованные золотые серьги с раструбом (рис. 15.-2, 3; цветная вклейка II.-12, 13).

Могила №5. Подквадратная яма размерами 0,9x0,75–0,80 м, глубиной 0,68 м. Вокруг нес зафиксировано восемь ямок диаметром 5–8 см, глубиной до 12 см, видимо, могила имела оградку из колев формой, близкой к кругу (рис. 16.-1). На дне ямы обнаружено захоронение взрослого человека (пол не определен, вероятно, женщина), уложенного на правом боку, в сильно скорченном положении: руки в локтях согнуты, кисти располагались под головой, лицом повернутой вниз; ноги также сильно согнуты (колени подтянуты к подбородку). Ориентировка – головой на юго-запад-запад.

Сохранность скелета удовлетворительная, но некоторые кости смещены со своих мест, фаланги правой ноги вообще отсутствуют, отдельные мелкие кости растащены грызунами и располагались за позвоночником, в районе таза. Левая височная кость и фаланги правой руки, лежавшей под черепом, были окрашены в слабый зеленоватый цвет. Вероятно, в правом ухе или на пальце правой руки были бронзовые украшения – серьга или кольцо.

Могила №6 (рис. 17.-1). Могильная яма прямоугольной формы, размерами 0,8x0,55 м, глубиной от уровня современной поверхности – 0,5–0,7 м. Ориентирована длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. Почва над могилой была срезана слоем в 15 см толщиной. Обнаружена по могильному пятну (0,80x0,55 м), содержащему включения почвы (в разрезе) и остатки продольного бревна с одной стороны (его длина 0,8 м, ширина 25–30 см). На противоположной стороне сохранились лишь обломки обкладки. На дне ямы захоронение ребенка (возраст 2–3 года), уложенного на правый бок, с чуть подогнутыми ногами, головой на юго-запад-запад.

Сохранность костей неудовлетворительная – череп раздавлен, многих костей нет (лучше сохранились лишь кости ног). В юго-западном углу – фрагменты керамического горшка (рис. 17.-2). За пределами ямы лежали два ребра, видимо, утащенные грызунами.

Могила №7 (рис. 18.-2). Размеры могильной ямы 0,9x0,55 м, глубина – около 0,8 м, ориентировка длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. В засыпке встречались мелкие косточки скелета. Дно прямоугольной ямы размерами 0,9x0,52 м, глубиной 0,7 м от погребенного грунта, частично срезанного бульдозером.

На дне могильной ямы найден скелет ребенка (возраст около 1 года), в положении на левом боку с согнутыми ногами и руками, причем левая рука – кистью под раздавленным черепом, правая – поверх остальных костей грудной клетки. Ориентация младенца – головой на юго-запад. Многих фаланг рук и ног в могиле не было. Около черепа ребенка лежали керамический сосуд баночной формы (рис. 18.-1; цветная вклейка IX.-6) и череп суслика.

Могила №8 (рис. 19). Могильное пятно размерами 0,7–0,95x0,8–0,70 м, имело форму трапеции с закругленными углами. Яма сохраняла форму пятна. Ее размеры по дну 1,1x1,0 м, глубина 0,9 м от уровня современной поверхности. Ориентировка длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Здесь обнаружено парное захоронение двух детей:

6–7 лет (скелет №1) и грудного возраста (скелет №2). Положение первого – на левом боку, руки и ноги согнуты, кисти рук под головой, а второго не вполне ясно, но расположен он за спиной старшего и также, по-видимому, скорченно на левом боку. Ориентировка обоих – головой на юго-запад.

Сохранность костей плохая, от скелета №2 остались лишь часть черепной крышки и несколько ребер.

Инвентарь могилы составляют крупный сосуд (рис. 19.-5; цветная вклейка IX.-5) и небольшой горшок (рис. 19.-2), стоявшие за головами погребенных. У скелета №2 на правом виске найдена бронзовая серьга (рис. 19.-4; цветная вклейка VII.-18).

Сосуд у скелета №1 представляет собой высокую плоскодонную асимметричную банку, слабо обожженную на костре. Почти вся его поверхность украшена рядами насечек, прочерченных острием ножа, верхний ряд под венчиком состоит из коротких косых насечек, ниже по тулову – два ряда вертикально стоящих «полуелочек» (полуовал черточек), еще ниже горизонтальная «елочка». Орнамент прочерчен небрежно по сырой поверхности сосуда. В верхнем ряду насечек (в стенке сосуда) – два отверстия.

Сосуд у скелета №2 – плоскодонный горшок с чуть оббитым венчиком, несколько асимметричный, украшен орнаментом в виде ряда косых вдавлений под обрезом венчика, четырех широких, но мелких каннелюры (по слабо выраженным шейке и плечикам), двух узких, но глубоких бороздок и горизонтальной «елочки» (по тулову).

Могила №9 (рис. 16.-2) зафиксирована в юго-восточной половине останца в большом карьере. Он был выработан на небольшую глубину и затем завален почвой, срезанной бульдозером с соседнего участка мыса (именно здесь были разрушены девять погребений, доисследованные кемеровскими туристами в 1962 г.), при этом могилы, расположенные глубже дна карьера, не пострадали.

Яма прямоугольной формы с округлыми углами. Размеры сохранившейся части погребения 2,2х1,1 м, глубина от уровня современной поверхности 2,1 м, ориентировка ее длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. На ее дне находились остатки обкладки из бревен длиной до 2,1 м, сохранившейся не полностью (длина поперечного бревна обкладки около 0,5 м), а также продольного перекрытия (длина до 0,35 м, толщина – 15–16 см). Яма была выявлена при зачистке стенки останца. Для уточнения конфигурации и размеров могилы в стенку останца была сделана врезка.

В могиле похоронена пожилая женщина, она была уложена на левый бок, головой на юго-запад-запад, в сильно скорченном положении: колени вплотную подтянуты к голове, повернутой лицом вниз, на дно, стопы ног – к тазу. Скелет разрушен в плечевом поясе (еще до выборки глины бульдозером над могилой). Кости позвоночника, ног и таза, а также черепная коробка оказались в северо-восточной половине ямы, кости плечевого пояса – в юго-западной части ямы, тут же нижняя челюсть. Их сохранность хорошая. На затылочных костях черепа – два симметрично расположенных уплощения (прижизненная деформация?). Инвентаря в могиле не оказалось.

Могила №10 (рис. 20.-1). Обнаружена при зачистке северо-восточной стенки западной половины большого карьера, только что начатого разработкой. Овальная по форме яма имела размеры 0,8х0,5 м, глубину 1,2 м от уровня современной поверхности. Ориентирована длинной осью по линии СЗЗ–ЮВВ.

На дне могилы находился плохо сохранившийся скелет ребенка возрастом до 4 лет. Его положение было, скорее всего, на правом боку скорченно, но утверждать это трудно, так как анатомический порядок костей скелета нарушен, видимо, они были

расташены грызунами и потому разбросаны по всей могиле. Рядом обнаружены несколько костей (бедро, лопатка), которые, вероятно, принадлежат другому скелету (?). У северо-западной стенки могилы стоял небольшой горшок (рис. 20.-2,3), распавшийся на две половинки. Он был украшен тремя рядами косых насечек в виде полуторной горизонтальной «елочки» по тулову, выполненных гребенчатым орудием.

Могила №11 (рис. 21.-5) располагалась рядом с могилкой №7. Сделав врезку в бровку, могильное пятно удалось выявить полностью. Яма подпрямоугольной формы, с восточной стороны закруглена (при копке ямы эта часть могилы была разрушена и позже завалена гумусом); в ней оказались в беспорядке несколько костей взрослого человека. Размеры сохранившейся части могилы 0,7x0,5 м, глубина около 2,2 м. Ориентирована длинной осью по линии З-В.

На дне могилы зафиксирован скелет подростка (14–15 лет), уложенного на левый бок, руки и ноги, судя по всему, сильно согнуты, пяточные кости, колени подтянуты к поясничным позвонкам; согнутые в локтях руки кистями протянуты к сохранившейся *in situ* нижней челюсти; череп отсутствовал. Располагался он в строгом анатомическом порядке. Сохранность костей вполне удовлетворительная. Его ориентация – черепом на запад. Сопроводительного инвентаря в могиле не найдено.

Могила №12 (рис. 22). Обнаружена при глубокой зачистке северо-западной стенки карьера, заложенного западнее центрального останца. После фиксации могильного пятна площадь раскопа была расширена и углублена до 1,45 м от уровня современной поверхности. Могильное пятно имело ориентировку длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Размеры могилы (по дну ямы) 1,4x0,75 м. Яма подпрямоугольной формы, юго-восточная сторона ее немного закруглена. В засыпке могилы встречены кости предплечья ребенка (?), в частности, лучевая кость и несколько орнаментированных черепков от трех разных сосудов.

На дне ямы находился скелет женщины зрелого возраста (до 40 лет). Располагался он на правом боку, в скорченном положении: ноги сильно согнуты и подтянуты к поясу и тазу, кисти рук под черепом, позвоночник прогнут вперед. Обращает на себя внимание положение скелета: череп как бы повернут налево и даже отчасти вверх глазами, а кости плечевого и тазового поясов свалились на грудь (лопатки и кости таза лежат сверху, выше остальных костей скелета). Ориентация – черепом на юго-запад. Сохранность костей хорошая – нет лишь некоторых фаланг пальцев.

В юго-западном углу ямы наклонно стоял плоскодонный горшок (рис. 24.-1). Между ним и костями рук лежало остро срезанное ребро животного, около горшка обнаружен уголек, среди фаланг кисти правой руки найдено бронзовое кольцо (рис. 22.-2; цветная вклейка VII.-11); у берцовых костей – обломок раковины речного моллюска.

Могила №13 (рис. 23). Погребение обнаружено в центре раскопа, западным углом оно располагалось под бровкой (в ней зафиксированы остатки продольной обкладки (рис. 23.-1)). Прямоугольная яма имела размеры 2,3x1,2 м, глубину от уровня современной поверхности – 2,75 м. На дне ямы со всех сторон был уступ шириной 15–25 см, высотой 15 см, где располагалась деревянная обкладка (сохранность ее неплохая). Длина продольных обкладок 1,85–1,9 м, толщина – 0,15–0,2 м, размеры поперечной – 0,8x0,1 м. Таким образом, рама, образованная обкладками, имела размеры 1,85x0,92 м. Поверх обкладки могила была поперек перекрыта полубревнами или толстыми горбылями. Ориентировка могилы длинной осью по линии ЮЗЗ-СВВ.

На дне могилы найден скелет мужчины (40–45 лет), уложенного на левый бок, скорченно: ноги и руки сильно согнуты, кисти рук перед нижней челюстью и под че-

репом, колени почти достают локтей, пятки подтянуты к тазу. Череп раздавлен, недостает ряда мелких костей (фаланги и др.). Крупные кости рук, ног, таза хорошей сохранности. Ориентирован умерший головой на запад (рис. 23.-2,3).

За черепом стоял плоскодонный горшок слабого обжига и профилировки, грубой лепки, орнаментированный по венчику поясом из подтреугольных вдавлений; тремя каннелюрами – по шейке и плечу и вертикальными рядами резной «елочки» – по тулову (рис. 24.-2).

Могила №14 (рис. 21.-1–2). Объект выявлен по остаткам продольной деревянной обкладки на глубине около 0,38 м от уровня современной поверхности и черепу, обнаруженному сразу под почвенным слоем. Форма и размеры могильной ямы точно не установлены, глубина 0,58–0,68 м от уровня современной поверхности. Ориентировка ямы по длинной оси – ЮЗ–СВ.

На дне ямы обнаружен скелет (площадь, занятая им, составляет 0,6х0,6 м) мужчины зрелого возраста в необычной позе. Судя по ней, умерший был похоронен на левом боку в сильно скорченном положении: руки согнуты в локтях, кисть левой руки сжата в кулак, голова – на правом плече. Ориентация погребенного – головой на юго-запад, что совпадает с ориентировкой могильной ямы. Берцовых костей одной ноги в могиле не оказалось. Часть мелких костей разбросана по могильной яме (позвонки, фаланги и др.). Уцелевшие кости имеют хорошую сохранность. Инвентаря в могиле не обнаружено.

Могила №15 (рис. 20.-5) обнаружена при зачистке западной стенки раскопа, заложенного вдоль верхнего края восточной половины мыса. Для выявления могильного пятна в стенку была сделана врезка размерами 2х1 м. Пятно имело прямоугольную форму с округлыми углами и размерами 2,1х1,2 м и ориентировано длинной осью по линии З–В. Глубина могилы от уровня современной поверхности 1,5 м. Ее заполнение составляли смешанная земля, зола, угольки, жженые кости человека.

На дне могилы обнаружено овальное пятно размерами 0,57х0,32 м, мощностью 8–10 см, заполнение состояло из золы, углей, пережженных костей человека. Трупосожжение совершено за пределами могильной ямы. Ближе к южной стенке среди остатков сожжения найдены черепки от нескольких сосудов (рис. 20.-6–11).

Могила №16 (рис. 21.-3). Захоронение выявлено в раскопе, заложенном в западной половине останца. Могильное пятно имеет прямоугольную форму размерами 1,7х0,8 м. Яма, глубиной около 1,1 м, сохраняет ориентировку длинной осью по линии ЮЗ–СВ и размеры могильного пятна. Края могильной ямы и ее углы немного закруглены.

На дне ямы обнаружено захоронение женщины 50–55 лет, уложенной на левом боку, головой на юго-запад-запад, в сильно скорченном положении (голова повернута налево). Верхняя часть скелета развернута на спину. Кисть согнутой под острым углом левой руки находилась напротив нижней челюсти, кисть правой руки – на левом бедре, а рука согнута под прямым углом. Очень сильно согнуты ноги: колени – у самого локтя левой руки, а кости стоп – у костей таза. Сохранность скелета удовлетворительная, хотя несколько мелких костей в могиле отсутствовали. На левом виске пятно окислов меди от несохранившейся серьги или нашивной бляшки на головном уборе. За черепом и у кисти левой руки два небольших камня неясного назначения, в изголовье – раздавленный горшок (рис. 21.-4). Недалеко от могилы найдены каменное тесло и нуклеус (рис. 57.-1, 4).

Могила №17 (рис. 25: 26) Могильная яма имела размеры 1,6x1,0 м, глубину около 1,0 м, ориентировка ямы и пятна по продольной линии ЮЗ–СВ (рис. 25; 26.-8).

Погребение серьезно потревожено: только череп лежит *in situ* на правом виске, нижняя челюсть – в куче костей скелета в юго-западной половине ямы. Кости рук и ног, таза и грудной клетки находились в полном беспорядке. Одно ребро оказалось посередине ямы; на раздавленной черепной коробке – лопатка и кость руки. Скелет принадлежит взрослой (женщине?).

Среди костей найдена бронзовая серьга (рис. 26.-5; цветная вклейка VII.-17), на височных костях с обеих сторон черепа – круглые выпуклые бронзовые бляшки с отверстиями (рис. 26.-2, 3, цветная вклейка VII.-7, 16), рядом с ними – по прямоугольной обойме, свернутых из медных листочков, с остатками ремешков внутри (рис. 26.-6, 7; цветная вклейка VII.-3, 4). В области таза обнаружен обломок бронзовой бляшки.

У юго-западной стенки могильной ямы, в изголовье, стояли два горшка, по форме и орнаментации типичные для эпохи поздней бронзы. В одном из горшков лежало ребро (?). Горшок №1 – реповидной формы, с раздутым туловом и прямым венчиком, широкой горловиной и узким донцем, орнаментирован тремя желобчатыми поясками по шейке и плечу (рис. 26.-1). Горшок №2 аналогичной формы, но с менее раздутым туловом, сильно задымленный, орнаментирован двумя выпуклыми валиками по шейке, рядом выдавленных изнутри выпуклин по плечу, двумя рядами насечек в виде сеточки и рядом глубоких ямок – по тулову (рис. 26.-4).

Могила №18 (рис. 27). Прямоугольная яма размерами 1,7x1 м, глубиной 1,1 м, ориентирована длинной осью по линии З–В. На дне зафиксировано захоронение зрелого мужчины высокого роста, уложенного на левый бок, головой – на юго-запад-запад, в сильно скорченном положении: кисти согнутых в локтях рук у лицевой части, колени подтянуты к самым локтям; стопы – до уровня таза. Отдельные зубы найдены между ребрами, фалангами пальцев. Инвентарь: на правом виске – обломок бронзовой обоймы с отверстием (рис. 27.-2).

Могила №19 (рис. 28). Прямоугольная яма имела размеры 2,1x1,2 м, глубину 2,15 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. По периметру дна вдоль длинных сторон ямы обложена толстыми бревнами в два ряда (рис. 28.-1). Длина продольных обкладок с одной стороны достигает 1,87 м, а в поперечнике – 0,15–0,2 см. С другой стороны обкладка сохранилась фрагментарно. Судя по остаткам, продольные бревна (размерами 0,8x0,1 м) были уложены концами на поперечные. Продольные обкладки верхнего ряда были несколько сдвинуты внутрь могилы (с юго-восточной стороны) и образовали часть продольного перекрытия ямы: перекрытие не фиксируется. Сохранившиеся части поперечин длиной 0,6–0,7 м и толщиной 6–10 см.

На дне ямы найден скелет мужчины пожилого возраста. Его положение – на левом боку, скорченно: кости рук кистями дотягиваются до лицевой части черепа; согнутые под острым углом в коленях ноги достигают локтей, а кости стоп – почти уровня таза. Ориентация – черепом на юго-запад. Скелет немного потревожен: зубы, кости пястья и запястья, межпозвонки и другие мелкие косточки рассеяны между крупными костями.

В районе черепа найдены ребро и пара мелких костей овцы (?). Между ними вертикально стоял плоскодонный и широкогорлый, слабо профилированный горшок, орнаментированный каннелюрами (по одной – под венчиком и по плечу), рядом коосугольных (по венчику) и равнобедренных, также штрихованных треугольников (по

придонной зоне) и двумя рядами счетверенных оттисков гребенки в виде зигзагов (у меандров) (рис. 28.-3). В южном углу могильной ямы обнаружен обломок горелого горбыля.

Могила №20 (рис. 29; 30) имела прямоугольную форму размерами 1,9x1 м, глубиной 1,7–1,65 м. Ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На дне ямы зафиксированы останки трех человек: одного взрослого (женщины?) и двух детей. Положение всех скелетов скорченное, ориентация черепом – на юго-запад (рис. 29.-1; 30.-3).

Похоронены они были одновременно. Женщина была положена между детьми, в центре могилы, на левом боку с разворотом налево, ноги согнуты почти под прямым углом к позвоночнику и под острым углом (пяточные кости от таза – всего в 10–12 см). Правая рука почти под прямым углом, левая согнута меньше (рис. 29.-2). Рядом положен грудной ребенок, также в скорченном положении, но на правом боку. За спиной взрослого на левом боку в скорченном положении: ноги согнуты под острым углом (колени на уровне груди), руки – перед лицом, уложен второй ребенок.

Скелет №2 принадлежит женщине в возрасте 30–35 лет, скелет №1 – грудному младенцу до 1 года, а скелет №3 – ребенку 4–6 лет. Некоторые кости взрослого скелета оказались не на месте: так, грудная кость найдена в районе таза и бедер. Истлели и мелкие косточки грудного младенца.

Инвентарь могилы состоял из трех бронзовых бляшек (найлены на обоих висках скелета №2); бронзовой обоймы с отверстием (рис. 30.-2). На правом плече скелета №2 – круглая выпуклая бляшка с отверстиями (рис. 30.-1; цветная вклейка VII.-2, б). В изголовье стояли сосуды: две небольшие банки, а у скелета №2 – большой горшок баночной формы (корчага?). Банка, стоявшая за черепом скелета №1, небольшая, грубой работы, небрежно орнаментированная двумя рядами мелких ямок под венчиком и одним рядом таких же ямок у самого дна (рис. 30.-4). Сосуд, принадлежавший старшему ребенку, исполнен аккуратнее, поверхность его хорошо заглажена. Орнамент представлен двумя рядами отпечатков угла лопатки под венчиком и вертикальными рядами косых насечек, иногда переходящих в «елочку», – по всему тулову (рис. 30.-5); под венчиком мелким, по тулову – крупным. Дно и придонная часть сосуда были украшены концентрическими кругами, выполненными наколом (рис. 31). Самый большой сосуд баночной формы был у женщины. Он орнаментирован горизонтальной «елочкой», исполненной гребенчатым орудием.

Могила №21 (рис. 32; 33). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 2,5x1,3 м, глубину 1,75 м от уровня современной поверхности, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. По периметру дна была обложена полубревнами длиной до 2,45 м, шириной около 0,25 м при толщине до 0,23 м, причем продольные обкладки своими концами лежали на концах поперечин длиной 0,9 м и шириной до 0,18 м. Поперек яма перекрыта пятью толстыми горбылями шириной 0,2–0,25 м и длиной до 1,2 м.

В могиле зафиксированы останки взрослой женщины (30 лет) и ребенка (до одного года). Женщина (скелет №1) была уложена на левый бок скорченно с разворотом плечевого пояса на спину, головой на юго-запад-запад. Ноги согнуты в коленях почти под прямым углом к позвоночнику, берцовые кости слабо подогнуты к тазу. Левая полусогнутая рука протянута к коленям (на нее был положен младенец), правая, согнутая под острым углом, лежала на младенце (рис. 32.-1, 2; 33.-1).

Ребенок, насколько удалось определить, был положен на правый бок, также в скорченном положении (череп его почти касался нижней челюсти взрослого). Со-

хранность костей очень плохая: череп раскошен, нет многих мелких косточек или они рассеяны между костей рук женского скелета. Кости левой половины скелета №1 – плечевая кость, ключица, лопатка – сохранились не полностью, многие мелкие кости смещены со своих мест. Так, фаланги пальцев ребенка оказались за черепом матери, рядом с ее позвонком, а фаланги рук и ног взрослого рассеяны по всей яме; грудная кость лежала справа на ребрах.

Могила богата сопроводительным инвентарем. В юго-западном углу стоял плоскостной, симметричный, профилированный горшок хорошего обжига. По венчику он украшен рядом косоугольных треугольников, заштрихованных мелкозубчатой гребенкой. Шейку обрамляли с двух сторон круговые каннелюры, между которыми шли гребенкой же штрихованные два ряда прямоугольных треугольников. По плечу – еще три узких, но более глубоких каннелюры, по туловищу – редкий ряд подвесных треугольников, а ниже их – счетверенный гребенчатый зигзаг с «отростками». В придонной части сосуд был украшен рядом треугольников (рис. 34.-1, 2; цветная вклейка IX.-2, 4). На виске скелета №1 была найдена небольшая обойма.

Среди костей младенца обнаружена золотая (рис. 33.-2; цветная вклейка I.-5) и пастовая (рис. 35.-3) пронизки, две золотые серьги: одна – под черепом (рис. 33.-4; цветная вклейка II.-5), другая разомкнутая (рис. 32.-2; 33.-3; цветная вклейка II.-6) – на нижней челюсти. Три золотые в полтора витка подвески располагались на правом виске, одна – на челюсти, еще одна – у подбородка (всего 5 экз.) и пять золотых украшений аналогичного типа – под черепом, где они располагались по овалу (рис. 34.-3–12; цветная вклейка III.-2); в подвесках сохранились остатки волос. Вокруг берцовых костей обеих ног скелета взрослого человека собрано более 110 бронзовых бусин (рис. 35; цветная вклейка VII.-9, 10, 14, 15); вероятно, они украшали обувь. Нижние концы берцовых костей, а также левое плечо, левые ключица и лопатка окрашены окислами меди. По всему дну могильной ямы видны белые пятна (возможно, меловая подсыпка). Под локтевым изгибом левой руки дно было посыпано чистым речным песком и золой.

Могила №22 (рис. 36). Захоронение обнаружено в центре раскопа, на северо-западной стороне мыса, за большим карьером. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 2,15x1,03 м, глубиной 1,7 м. Ориентирована длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. На дне ямы обнаружен скелет пожилого мужчины, уложенного на левый бок, скорченно, головой на юго-запад-запад. Верхняя часть скелета развернута на спину, череп повернут направо; левая рука согнута в локте под острым углом, правая – под еще более острым, так что кисти обеих рук лежат за затылком. Ноги также согнуты почти под прямым углом к позвоночнику, а с берцовыми костями бедра образуют очень острый угол. Фаланги ног лежали по вертикали, пяточные кости – близко к костям таза. Кисти обеих рук находились на левом плече. Сохранность костей удовлетворительная, но череп раздавлен. Инвентарь представлен одним сосудом (рис. 37.-1).

Могила №23 (рис. 38). Могильное пятно вскрылось сразу же под дерном, на глубине 0,1–0,15 м. Размеры прямоугольной формы могильной ямы 2,15x1,2 м, глубина – 1,7 м; ориентация продольной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. В юго-западной половине фиксировались слабые следы деревянной обкладки; в засыпке имелись два вертикальных колышка, заглубленные в дно на 0,3 м. На дне могилы обнаружено парное захоронение: взрослого мужчины 40 лет и ребенка 4–6 лет. Положение умерших на левом боку, скорченно, головами на юго-запад-запад. Скелет взрослого несколько развернут на спину, руки согнуты под острым углом, кости ног – под очень острым углом: колени выше пояса, пяточные кости очень близко к костям таза. На черепе (на затылке)

имеется глубокая вмятина. Сохранность скелета мужчины удовлетворительная, ребенка – неудовлетворительная, особенно плохо сохранились кости рук и ног.

У левого виска ребенка найдена бронзовая серьга с раструбом (рис. 38.-3; цветная вклейка VII.-13), а у правого, видимо, было кольцо, но от него остался лишь след в виде зеленого пятна от окислов бронзы. Под черепом женщины обнаружена еще одна бронзовая серьга с раскрошившимся раструбом. В изголовье ребенка находилась банка небольших размеров, вся ее поверхность была орнаментирована рядами круглых ямок, чередующихся с рядами косых продолговатых вдавлений; нижний ряд составляли подвесные треугольники, состоявшие из трех круглых ямок каждый; у самого дна был оттиснут ряд таких же треугольников вершинами вверх и был еще ряд круглых ямок (рис. 37.-2). Вплотную к черепу женщины стоял внаклон, кверху узким дном, крупный сосуд (рис. 39; цветная вклейка IX.-1). На дне могилы фиксировались белые пятна подсыпки (?) и угольки.

Могила №24 (рис. 40). Подквадратная могильная яма с округлыми углами имела размеры 2,3х1,9 м, ориентирована длинной осью по линии 3–В. Дно могилы по периметру обложено лиственничными бревнами (диаметром до 0,3 см) длиной 2,1–1,8 м, и перекрыто толстыми горбылями и полубревнами вдоль.

В могиле обнаружены останки двух женщин. Умершие были уложены на левый бок в скорченном положении: руки согнуты, кисти – перед лицом, ноги – под прямым и острым углом к позвоночнику, головой на запад. Скелет №2 немного развернут направо, на спину, ноги лишь подогнуты – стопы ног сравнительно далеко от костей таза. Скелет №1 сильнее согнут в позвоночнике, сложенные вместе кисти рук – у самого черепа и даже частично под ним. Сохранность костей скелетов хорошая. Черепа, шейные позвонки скелета №1 и нижние концы берцовых костей интенсивно окрашены в зеленый цвет окислами бронзы.

Могила богата сопроводительным инвентарем. За черепом скелета №2 обнаружен широкогорлый плоскодонный горшок №1 (рис. 41.-1, 3); перед ним – крупный горшок №2 с широкой горловиной (рис. 41.-2, 4); он был перекрыт бревном боковой обкладки (в юго-западном углу могильной ямы). У шиколоток скелета №2 оказалось 50 бронзовых бусин (рис. 42.-2, 4), а у скелета №1 – 46 таких же бусин (рис. 42.-3,5).

На правом виске скелета №2 найдена бронзовая серьга с раструбом (рис. 43.-4), а под черепом – золотая серьга (рис. 43.-1; цветная вклейка II.-2). На костях левого предплечья лежала круглая нашивная бронзовая бляшка с отверстиями (рис. 43.-15). За черепом скелета №1 обнаружены золотая серьга (рис. 43.-2; цветная вклейка II.-3) с насечками (цветная вклейка II.-1, 7), две (цилиндрическая и коническая) золотые пронизи (рис. 43.-5, 7; цветная вклейка I.-6; 9) и оковка (рис. 43.-8; цветная вклейка I.-3, 4). На обоих висках скелета №1 найдено по три золотых в полтора витка подвески (рис. 43.-9–14, цветная вклейка III.-1, 4). На шейных позвонках обнаружена еще одна золотая серьга (рис. 43.-3; цветная вклейка II.-4); ниже ее – золотая подвеска с тремя выпуклостями и отверстиями для пришивания, так называемая «лапчатая» привеска (рис. 43.-6, цветная вклейка IV.-5, 6), тут же две золотые рубчатые пронизки (рис. 43.-5; цветная вклейка I.-9). В бусинах сохранились кусочки сыромятного ремешка (рис. 42.-1; 43.-18; цветная вклейка VII.-5), в пронизях – остатки шерстяного шнура, под черепом скелета №1 – мелкие кусочки ткани.

Из погребения также происходят бронзовое полукольцо с расплюснутыми окончаниями (рис. 43.-16; цветная вклейка VII.-8) и бусина (рис. 43.-17; цветная вклейка VII.-8).

Могила №25–26 (рис. 44). Подпрямоугольная неправильной формы яма (мог. 25) с выступом в западной стенке (мог. 26), как и могильное пятно, имела размеры

1,5x0,8–1 м и глубину 1,1–1,2 м, ориентировку длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. Вероятно, при ее сооружении была разрушена могила №26, которая, видимо, была ориентирована длинной осью по линии ЮЮЗ–ССВ.

На дне могилы №25 – скелет зрелой женщины (?), на левом боку с разворотом на грудь, в скорченном положении: ноги подогнуты так, что бедра и берцовые кости образуют острый угол. Левая рука протянута вдоль тела и кистью достает до колен; бедра образуют с позвоночником прямой угол, правая рука согнута под острым углом, кисть ее находится перед лицевой частью черепа (рис. 44.-1). Ориентация черепом – на юго-запад-запад. Инвентарь могилы представлен плоскодонным горшком, стоявшим в изголовье в западном углу могильной ямы (рис. 44.-2).

От могилы №26 сохранились череп человека, лицевой частью ориентированный на север, и под ним три шейных позвонка. Справа у нижней челюсти найдена раковина речного моллюска и бронзовая серьга с раструбом (рис. 44.-3; цветная вклейка VII.-12).

По музейной описи АГКМ из могил №25–26 происходит еще одна бронзовая серьга (рис. 44.-4).

Могила №27 (рис. 45.-1). Подквадратной формы могильная яма имела размеры 1,1x1 м, глубину 1 м, ориентирована длинной осью по линии Ю–С. Западный угол могилы был при выборке глины срезан бульдозером, скелет человека при этом не пострадал (частично он был потревожен раньше). На дне ямы оказался скелет ребенка грудного возраста (судя по наличию молочных зубов, возрастом до года). Его ориентация – черепом на юго-запад. Лежал он на левом боку, скорченно, руки и ноги согнуты. Некоторые кости были смещены со своих мест: часть черепной крышки – отдельно от остального скелета, другая – у южной стенки могильной ямы; берцовых костей одной ноги в могиле вообще не оказалось. Сохранность остальных костей удовлетворительная.

Инвентарь могилы представлен плоскодонным горшком баночной формы, украшенным орнаментом в виде ряда треугольников из продолговатых ямок, под ним желобчатый пояс (каннелюра), а ниже его ряд подвесных треугольников (рис. 45.-2).

Могила №28 (рис. 46). Захоронение выявлено на глубине 0,83 м от уровня современной поверхности. Подпрямоугольной формы могильная яма размерами 1,4x0,8 м, глубиной 1,2 м была ориентирована длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. Могила имела продольное перекрытие, остатки которого (две жерди диаметром 6–8 см и тонкие горбыли) фиксировались в юго-восточной стенке ямы.

В могиле обнаружены останки двух детей трех (скелет №1) и полутора лет (скелет №2). Кости скелетов разбросаны почти по всей могиле. Судя по сохранившимся *in situ* костям, оба умерших были уложены на левый бок, скорченно, головами на юго-запад-запад (скелет №1 – 240°, скелет №2 – 248°). У черепа скелета №2 лежал раздавленный горшок (рис. 45.-3), у скелета №1 наклонно стоял сосуд баночной формы (рис. 45.-4). Горшок орнаментирован крупными резными зигзагами, опоясывающими сосуд по горизонтали; сосуд баночной формы не был орнаментирован.

Могила №29 (рис. 47.-1, 2). Возможно, еще в древности могила ограблена и разрушена, а при разработке карьера бульдозером была полностью срезана ее юго-западная половина. Судя по оставшейся половине, подпрямоугольной формы могильная яма имела размеры 1,4x1,2 м, глубину 1,2 м, и была ориентирована длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. В могиле обнаружены останки женщины возмужалого возраста и грудного младенца (до 1 года).

О первоначальном положении скелетов судить трудно, так как кости женщины и ребенка лежат вперемешку и разбросаны по всей могиле, а многих вообще нет, в

частности, черепа, трубчатых костей рук и ног, тазовых костей женщины. У самого карьера лежала согнутая «дугой» часть позвоночника. Череп ребенка раздавлен; сохранились лишь остатки трубчатых косточек.

В засыпке могилы на разной глубине найдены 12 фрагментов от сосудов, пять камней (рис. 48.-3-6), причем два из них имеют следы обработки, а один с одной стороны – отполированную поверхность. Из засыпки в карьер попали три ребра, позвонок, трубчатая кость животного (овцы?) и бронзовое в два витка кольцо (рис. 47.-9). В откосе карьера виднелись отдельные кости и черепки. Инвентарь погребения, кроме бронзового кольца, составляли обломки бронзового проволочного браслета со спирально закрученной пирамидкой на конце (рис. 47.-7) и золотой серьги (рис. 47.-6), три бронзовые бляшки: круглая (рис. 47.-3), треугольная (рис. 47.-4) и четырехугольная (рис. 47.-5). У края могилы лежали прислоненные друг к другу горшок и банка (рис. 48.-1, 2).

Могила №30 (рис. 49). Захоронение обнаружено в 1 м к северу от могилы №27. Размеры могильного пятна 2,2x1,5 м, подпрямоугольной формы могильной ямы по дну – 2,0x1,3 м, глубина – 2,25 м. Яма ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На дне могилы по ее периметру сохранились остатки деревянной обкладки длиной 1,65 м, толщиной до 0,2 м. Поверх продольных бревен могила была перекрыта тремя толстыми горбылями: один – через череп скелета, другой – через колени и третий – через ступни (ширина поперечин до 0,3 м).

На дне могилы лежал скелет женщины среднего возраста (около 35–40 лет), уложенной на левый бок, головой – на юго-запад-запад, в скорченном положении: ноги и руки согнуты под острым углом так, что локти касаются коленей; ноги сильно подтянуты стопами к тазу, а кисти рук частично подложены под голову. Фаланги рук расseyаны по дну могилы, фаланги стоп лежат отдельно от остальных костей стоп. Кости черепа и концы больших и малых берцовых костей окрашены в зеленый цвет.

У поперечной обкладки за черепом стоял хорошо профилированный горшок. Сосуд орнаментирован по венчику рядом равнобедренных заштрихованных треугольников, подчеркнутых мелким желобком; ниже каннелюры вкруговую проходит зигзаг, обрамленный двумя рядами равнобедренных заштрихованных треугольников, подчеркнутых двумя каннелюрами, ниже которых ряд подвесных треугольников (рис. 49.-8).

У черепа найдены две золотые и одна пастовая пронизи (рис. 49.-9–11); ближе к обкладке, напротив шейных позвонков, – пять золотых в полтора витка подвесок. Еще одна такая бусина лежала прямо на черепе, а две – возле, ниже затылка (рис. 49.-2, 4). Между шейными позвонками и нижней челюстью обнаружены четыре в ряд лежащие золотые пронизи (рис. 49.-6) и в торец им – нашивная золотая подвеска с четырьмя выпуклостями (рис. 49.-7). Тут же оказалась рубчатая золотая обойма (рис. 49.-5). На шиколотках ног и рядом с ними – несколько десятков (73) медных или бронзовых бусин. Под черепом найдена «С»-видная золотая оковка. В некоторых бусинах остались кусочки тонкого сыромятного ремешка.

Могила №31 (рис. 50) выявлена по могильному пятну подпрямоугольной формы размерами 2,5x1,4–1,5 м, обнаруженному на глубине 0,5 м от современной поверхности. На глубине 1,58 м лежало дерево от продольного перекрытия, состоявшего из 4–5 полубревен длиной до 2,15 м. Самое широкое бревно имело ширину 0,53 м и толщину 0,15 м при длине около 2 м. Продольные полубревна были положены на поперечную обкладку длиной до 1,2 м и толщиной 0,3 м. Дерево обкладок и перекрытия сохрани-

лось относительно неплохо, уцелели даже комочки сосновой смолы. В середине могильной ямы перекрытие провалилось ко дну ямы на 0,3 м. Ориентировка перекрытия – ЮЗ–СВ (241°).

Могильная яма размерами по дну 2,2x1,1 м, глубиной – 1,9 м. В могиле находилось погребение мужчины пожилого возраста (судя по всему, он был высокого роста и крепкого телосложения), в положении с подогнутыми ногами, кисти согнутых в локтях рук сложены перед лицом, головой на юго-запад. Череп раздавлен, мелкие кости ног сохранились не все; фаланги пальцев рук – почти полностью, некоторые кости стоп оказались на перекрытии.

Инвентарь погребения составляют лишь несколько небольших костей овцы (?) и стоявший в южном углу могилы горшок баночной формы. Он орнаментирован двумя рядами треугольных ямок и пятью параллельными крупными резными зигзагами, заполненными сверху круглыми ямками (рис. 50.-4).

Мои́ла №32 (рис. 51.-1, 2). Могильное пятно имело форму прямоугольника с плавно закругленными углами размерами 1,7x1,15 м, ориентировано длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Могильная яма размерами 1,6x1,1 м, глубиной – 1,05 м.

На дне могильной ямы находился скелет *пожилой (?) женщины*, уложенной в скорченном положении на правом боку с разворотом на спине. Ноги подогнуты под углом в 45° к бедрам, лежащим поперек могильной ямы под углом в 60° к позвоночному столбу. Обе руки, остро согнутые в локтевых суставах, протянулись кистями к грудной кости. Кости предплечий смещены со своих мест. Многих фаланг рук и ног нет на своих местах. Череп раздавлен, нижняя челюсть лежит перед «лицом»; кости одной стопы оказались между костями таза и ребрами (рис. 51.-1). Пяточная кость – под левым коленом; в таз попал один позвонок, другой – у стенки могилы, напротив черепа и сломанной нижней челюсти. Сохранность костей в целом тем не менее удовлетворительная.

В западном углу могилы за черепом, рядом с левым плечом, на боку лежал раздавленный крупный горшок с широкой горловиной и узким дном, с отогнутым вовне венчиком и раздутым в верхней половине туловом, симметричный и нарядный по своему орнаменту: по венчику – ряд заштрихованных равнобедренных треугольников, подчеркнутых двумя параллельными желобками и двумя рядами оттисков гребенки, под которыми виден рядок заштрихованных подвесных треугольников – по шейке, ниже их (по плечу) – еще две каннелюры, обрамленные с обеих сторон рядками оттисков треугольной в сечении палочки (рис. 52.-1). Перед лицевой частью черепа, в юго-западном углу ямы, рядом с отдельно лежавшим позвонком стоял небольшой сосуд полубаночной формы, украшенный двумя рядами косых насечек по венчику, тремя желобками ниже их и еще ниже – рядами косых насечек, образующих горизонтальную полукруглую «елочку» (рис. 52.-2). Среди верхних позвонков найден обломок бронзовой серьги (рис. 51.-1).

Мои́ла №33 (рис. 51.-3). Могильная яма овальной формы размерами 1,8x1,0 м глубиной 1,4 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЮЗ–ССВ (201°). На дне ямы зафиксированы останки зрелой женщины и ребенка (возраст 3–4 года). Умершие были уложены на левый бок, скорченно, головами на юго-запад. Положение женщины (скелет №1) – немного с разворотом на грудь, ноги подогнуты, кисти рук сложены вместе перед лицом. У скелета №1 череп раздавлен, его обломки есть за затылком. Сохранность основных костей удовлетворительная. В юго-восточном углу ямы – скелет №2. Кости позвоночника, рук, ног таза – в полном беспорядке, череп его также раздавлен.

У юго-западной стенки могилы обнаружены два сосуда, стоявшие за черепами. У скелета №1 находился плоскодонный слабопрофилированный горшок, украшен-

ный почти по всей поверхности оттисками гребенки, составляющими семь рядов, или 3,5 горизонтальной «елочки» (рис. 53.-1). Горшок №2 еще слабее профилирован, чем горшок №1, он также плоскодонный, по сути баночной формы, орнаментирован почти по всей поверхности (от венчика до дна) такими же оттисками гребенки в 8,5 рядов горизонтальной «елочки» (рис. 53.-2). Оба сосуда удовлетворительной сохранности.

Могила №34 (рис. 54). Могильное пятно имело форму неправильного овала размерами 1,62x1,05 м и ориентировку по продольной оси по линии ЮЮЗ–ССВ (198°). Могильная яма сохраняла овальную форму и ориентировку пятна. Ее размеры – 1,5x0,98 м, глубина – 1,5 м. На дне обнаружено захоронение умершего пожилого (зубы его были стерты) человека (ростом погребенный был не менее 1,7 м), уложенного на правый бок, скорченно, с сильно подогнутыми к тазу ногами, головой на юго-юго-запад. У скелета отсутствовала черепная коробка, нижняя челюсть лежала вдоль позвоночного столба; не было плечевых костей и костей предплечья, фаланг пальцев рук. Общее впечатление такое, что могила была ограблена, о чем говорят отсутствие и смещение костей скелета со своих мест. Фаланги рук лежали у юго-западной стенки могильной ямы, напротив остатков скелета. В засыпке могилы на различной глубине найдены два позвонка и фаланга пальца, четыре фрагмента горшка.

В могиле обнаружены фрагменты раздавленного горшка (рис. 54.-2). Сосуд был плоскодонным, симметричным, хорошо профилированным со сложным орнаментом: по венчику нанесен ряд косоугольных треугольников, заштрихованных оттисками гребенки, подчеркнутых глубокой бороздкой; по шейке горшок опоясывал мелкий желобок (каннелюра), под ним – два рядка оттисков торца треугольной в сечении палочки, ниже их – широкий желобок и три линии оттисков мелкой гребенки, а под ними – ряд подвесных штрихованных той же гребенкой треугольников – по плечу, еще ниже по тулову – ряд несложных геометрических фигур, напоминающих повернутую неполную букву «L» (в углах ленты зигзага), исполненных гребенчатым штампом. Придонная часть также была орнаментирована гребенкой – рядом больших треугольников.

Могила №35. По рассказу мастера кирпичного завода И.И. Горбачева, могила находилась на западной половине останца. По его словам, здесь были погребены двое взрослых. Они были уложены в скорченном положении, лицом друг к другу, ориентированы головами на юго-запад. Вероятно, это было парное погребение мужчины и женщины.

В районе черепа одного из скелетов (женщины?) им были найдены украшения – семь золотых привесок в полтора витка (рис. 55.-1; цветная вклейка III.-6), золотая серьга (рис. 55.-3; цветная вклейка II.-8), обломок подвески с двумя выпуклостями (рис. 55.-4; цветная вклейка IV.-1, 2), две рубчатые обоймы (рис. 55.-7, 8; цветная вклейка I.-1, 2), шесть прямых рубчатых (рис. 55.-2; цветная вклейка I.-10) и две конических пронизи (рис. 55.-5, 6; цветная вклейка I.-7, 8). Все эти украшения были переданы И.И. Горбачевым экспедиции Бийского краеведческого музея и теперь хранятся в его фондах.

Глава II

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ИНВЕНТАРЬ

Приступая к анализу погребального обряда и вещевого материала древнего могильника Кытманово, хотелось бы подчеркнуть, что он частично разрушен деятельностью завода и исследован не полностью: часть погребений находится под заводскими постройками -- обжиговой печью и сараями для просушки сырого кирпича. Значительная площадь мыса, на котором находятся эти постройки и выработанные карьеры, осталась нетронутой ни хозяйственниками, ни исследователями, и на этой площади вполне возможно сохранились не раскопанные могилы.

Часть исследованных в 1961–1962 гг. погребальных комплексов экспедицией под руководством В.И. Каца по ряду причин осталась для нас недоступной и неизвестной. Вышеотмеченные обстоятельства не позволяют воссоздать полную и целостную картину обряда захоронения и сопровождающего погребенных людей вещевого материала, характеризующих этот памятник. Следует добавить, что немало древних могил пострадало от грабительских раскопов еще, видимо, в древности, а другие – от хозяйственных работ недавнего времени, что не могло не сказаться отрицательно на сохранности внутримогильных сооружений, состоянии антропологических материалов и целостности вещевого комплекса могильника. Основные параметры погребальных сооружений нашли отражение в таблице I.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

По причине активных земельных работ на территории мыса, в результате которых первоначальный микрорельеф могильника был практически полностью уничтожен, не представляется возможным уверенно судить о грунтовом характере некрополя. Планиграфически погребальные сооружения размещены небольшими группами: могилы №6, 7, 11, 13; могилы №1, 2, 3, 4, 9; могилы №19, 21, 24; могилы №16, 18, 20, 25–26; могилы №5, 14, 15; могилы №10, 12; могилы №23, 22. Такое пространственное размещение погребений не исключает сооружения в древности курганных насыпей. Особенно это вероятно для первой планиграфической группы, в которой могилы №6, 7, 11 сооружены вокруг могилы №13, где был погребен мужчина в мощной деревянной погребальной камере.

Характерной особенностью погребального обряда населения, оставившего могильник Кытманово, является ингумация (труположение): нами зафиксировано лишь одно (№15) трупосожжение (из общего количества около 35 могил). При этом сожжение трупа совершено вне могилы, жженные кости, угли и зола были засыпаны в могильную яму (рис. 20.-3).

Могильные ямы в подавляющем большинстве (28 из 36) имели подпрямоугольную форму, две могилы (№10 и 33) – форму овала, три (№5, 24 и 27) – полуовальную-полуквадратную, а могилы №8 и 25 соответственно – трапеции и неправильного прямоугольника. Форму могильной ямы №14 точно определить не удалось. Размеры могил, очевидно, зависели от количества, возраста, возможно, социального статуса погребенных, а также от времени года, когда совершались похороны. Так, индивидуальные захоронения всегда меньше парных и коллективных, детские могилки всегда меньше по размерам и глубине, чем могилы взрослых; в летний период погребения могли совершаться в более глубоких ямах, чем зимой.

Могилы более значимых в обществе лиц отличались наличием внутренних и внешних деревянных конструкций. В частности, длина могильных ям колебалась от 0,7–0,8 (могилы №6, 10, 11) до 2,2–2,3 м (могилы №9, 13, 21), ширина от 0,52–0,55 (мог. №3, 7, 10, 11) до 1,6–1,9 м (могилы №34, 24), а глубина от уровня современной поверхности от 0,6 до 2,75 м (могилы №6 и 13 соответственно). Самые маленькие (детские) могилы имели размеры 0,7х0,55 и 0,8х0,5 м (№11 и 10), а самые большие – погребения №21 (2,6х1,2 м), 4 и 13 (2,3х1,2 м). Самые мелкие (детские) могилы были меньше 1 м: так, могила №6 достигала глубины лишь 0,6–0,7 м, а могила №7 была всего на 10 см глубже ее, т.е. они практически не прорезали слой дерна.

Засыпка могил, как правило, состояла из смешанного с глиной гумуса (пестроцвет), а в некоторых могильных ямах встречались черепки разбитых сосудов (могилы №12, 29, 34), мелкие кости животных (могила №29) и людей (могила №12), угли и зола (могилы №15, 21 и др.), зола (могила №4). На дне некоторых ям отмечены пятна меловой подсыпки (могилы №1, 21, 24), а в могиле №21, кроме меловой подсыпки, – пятна золы, крупного и чистого речного песка. Видимо, мел и речной песок применялись с какой-то ритуальной целью.

Две трети могил не содержали следов какой-либо внутренней конструкции, в 12 погребениях были обнаружены остатки деревянных обкладок из бревен или полубревен по периметру дна, при этом либо продольные обкладки своими концами лежали на поперечных, либо, наоборот, поперечные на продольных. В некоторых погребениях обкладки были дополнены деревянными же перекрытиями. Так, в могиле №4 перекрытие было поперечным, оно состояло из пяти широких горбылей-полубревен (до 35 см шириной) и перекрывало почти целиком всю могилу. Продольные обкладки достигали во взрослых погребениях до 2,3–2,4 м длины и 15–25 см толщины, поперечные перекрытия – до 1,5 м и более, но, как правило, они сохранялись не полностью. Впрочем, судя по структуре, для сооружения внутренних конструкций в могилах использовались устойчивые к гниению породы деревьев, вроде дуба или лиственницы. К сожалению, следов обработки дерева обкладок (затесов, спилов и т.п.) не было отмечено.

При корреляции таких параметров захоронений, как глубина могильной ямы и наличие или отсутствие деревянной внутримогильной конструкции, выявилась следующая закономерность: в могильных ямах глубиной менее 1,7 м, в 95% случаях отсутствовали деревянные внутримогильные сооружения, лишь в 5% они присутствовали (диаграмма III). Обратная ситуация зафиксирована при рассмотрении могильных ям глубиной более 1,7 м: в 79% случаях отмечено наличие деревянных внутримогильных сооружений, в 21% ям они отсутствовали (диаграмма IV). Представляется, что на вопрос: связана ли выявленная закономерность с половозрастными, социальными или религиозными причинами, можно будет ответить лишь при обращении к данным других могильников андроновского времени, поэтому здесь ограничимся лишь ее констатацией.

Не сохранилось присутствия никаких надгробий, надмогильных холмиков, оградок у подавляющего большинства могил. Только в двух случаях были зафиксированы следы деревянных оградок (могилы №3 и 5). Вокруг могилы №3 обнаружены 12 ямок, 10 из них располагались в форме неправильного эллипса или овала, а два – в углах могильной ямы (рис. 13; 14.-1). Глубина ямок достигала 25 см, а диаметр – 6–8 см. По нашему мнению, в эти ямки были вкопаны вертикальные столбики (колья); те из них, что стояли внутри, в углах могилки, видимо, поддерживали жердь –

продольную основу крыши двускатного, конькового типа. Через нее, видимо, были перекинута связанные сверху попарно короткие жердочки поперечного перекрытия, крепившиеся другими концами на столбиках, окружавших могильную яму. Эту конструкцию, по-видимому, покрывали шкурами животных, камышом или травой. В итоге получалось надмогильное «жилище» для похороненного в этой могиле ребенка 3–4 лет. Аналогичное надгробное сооружение, очевидно, имела и могила №5, в которой был погребен взрослый человек в неестественно сильно скорченном положении (рис. 16.-1). Отличие этого надгробия состояло лишь в том, что оно имело восемь каркасных столбиков. Вокруг могильной ямы и внутри могилы столбовые ямки не зафиксированы.

Традиция сооружения надмогильных и внутримогильных столбовых конструкций уходит своими корнями в доандоновскую эпоху. На елунинском могильнике Староалейка-II Ю.Ф. Кирюшиным (1987, с. 103–105) исследована могила №6, где также были открыты остатки подобных сооружений.

Подавляющее большинство могильных ям было ориентировано длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ и ЮЗ–СВ, в частности, 15 могил из 36 учтенных нами имели ориентировку по линии ЮЗЗ–СВВ, 11 – по линии ЮЗ–СВ. Только две могилы ориентированы по линии Ю–С (№6 и 27) и всего четыре погребения (№11, 15, 18, 24) отличались широтной ориентировкой (по линии З–В).

Поскольку часть могил была сильно повреждена и даже разрушена при хозяйственных работах, а некоторые были ограблены в древности, серьезно пострадал антропологический материал, что затруднило работу по определению пола, возраста и расовой принадлежности погребенных на древнем кладбище людей. Поэтому в целом определения пола и возраста погребенных носят предварительный характер, хотя, в частности, антропологами В.А. Дремовым и В.А. Козьминым определен пол 14 взрослых особей. Пять скелетов этой группы (из могил №4, 13, 19, 22 и костяк №1 из могилы №23) определены как мужские и девять (из могил №9, 12, 16, скелеты №2 из могил 20, 24 и 33 и скелеты №1 из могил №21, 24, 25) – как женские.

Что касается возраста субъектов этой группы, состоявшей из 14 костяков, то он выглядит следующим образом: скелет женщины из могилы №9 принадлежит старческой особе, мужские костяки из могил №19 и 22 и женские из могил №2 и 15 – зрелым особям; все остальные (мужские из могил №4, 13, 22 и 23, а также женские из могил №12, 20, 21, 24, 25, 33) – взрослым молодым субъектам.

Общее число погребенных детей составляло более трети мужчин и женщин, вместе взятых. Из сопоставления умерших не по возрастным категориям, видимо, можно заключить, что смертность среди детей и сравнительно молодых взрослых была довольно высокой. Из 35 учтенных нами могил 27 являются индивидуальными захоронениями, семь (№8, 17, 23, 24, 28, 29, 35) – парными и одна (№20) – погребением трех человек: матери и двоих ее детей (женщина умерла сравнительно молодой, один ее ребенок лет 7–8 лет, другой – грудного возраста). В могиле №8 оказались скелеты двоих детей, одному из них было 6–7 лет, другой умер в грудном возрасте. В могиле №23, по определению антропологов, погребены мужчина возмужалого возраста и ребенок 6–7 лет.

В погребении №24, по определению антропологов, похоронены две женщины пожилого и возмужалого возраста, возможно, мать и взрослая дочь. В могиле №28 оказались останки двух детей – полутора и трех лет. В захоронении №29 были найдены разрозненные кости скелетов женщины возмужалого или среднего возраста и ребенка

лет 4–5, возможно, матери и ее ребенка. В могиле №35, по показанию бульдозериста И.И. Горбачева, обнаружено было парное захоронение мужчины и женщины зрелого возраста, уложенных лицом друг к другу.

Таким образом, почти 25% учтенных нами могил являются парными захоронениями, чаще всего могилами матерей с одним или двумя детьми. Любопытно, что среди них одна могила является захоронением двух женщин (№24), а одна – погребением мужчины и ребенка, видимо, братьев или, возможно, ребенка и его отца.

Положение погребенных в могиле, несмотря на сильную поврежденность, удалось установить фактически полностью (диаграмма II). В подавляющем большинстве могил умершие были уложены на левый бок в скорченном положении с более или менее сильно подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками (74%). Уверенно можно говорить, что в могилах №5, 6, 12, 17, 20, 32, 34, 35 их положение было на правом боку (23%). На правый бок были уложены и грудные младенцы, например, в могиле №20. Обращает на себя внимание сильная степень скорченности скелетов в некоторых захоронениях, в частности, в могилах №5, 11, 14 и др. – создается впечатление, что умершие перед погребением были связаны.

Ориентировка скелетов чаще всего совпадает с ориентировкой могильных ям (диаграмма I). В большинстве случаев умершие ориентированы головой на юго-запад (41%) и юго-запад-запад (36%); в западный сектор – 14%, в южный – 6%. В могиле №10 погребенный был ориентирован головой на северо-запад (3%).

Погребальный инвентарь могильника представлен в основном двумя категориями вещей: глиняными сосудами и украшениями. Одно из главных требований погребального ритуала – снабжение покойного сосудом. Их количество в могиле зависело от числа погребенных в могиле: в большинстве индивидуальных захоронений находилось по одному сосуду, в парных могилах – по два, а в могиле №20 – три. В некоторых сосудах вообще не оказалось, видимо, по причине особенностей самого ритуала (мог. №5, 9, 15, 18), в других, вероятно, они были срезаны бульдозером при выборке глины (мог. №1, 11, 14, 18). Сосуды в могилах обычно ставили в изголовье и перед лицом умершего. Абсолютно все учтенные сосуды относятся к числу плоскодонных. Их можно поделить на две группы: горшки «классической» формы (с отогнутыми венчиком, крутобоким туловом и геометрическим орнаментом); банки грубой выделки и с простой невыразительной орнаментацией.

Интересную деталь погребального обряда удалось зафиксировать в могиле №23, где был обнаружен крупный сосуд горшковидной формы с богатой орнаментацией (рис. 39), который находился вверх дном за головой умершего взрослого человека (рис. 38.-1, 2). Перевернутые сосуды встречаются в могильниках раннего железного века на Иртыше (Могильников В.А., 1968, рис. 45). Парные перевернутые сосуды обнаружены на могильнике эпохи поздней бронзы Осинки (Савинов Д.Г., 1975, рис. 4). Вышеотмеченные находки располагались на могильном поле за пределами погребений, что дало возможность трактовать их как кенотафы (Савинов Д.Г., 1975, с. 98). В случае с Кытманово такая трактовка, на наш взгляд, исключается, так как перевернутый сосуд обнаружен в реальном захоронении. Это определяет необходимость поиска иного варианта интерпретации такой ритуальной практики. Возможно, она связана с особенными обстоятельствами смерти умершего, которому был поставлен перевернутый сосуд.

УКРАШЕНИЯ

Украшения и отдельные детали принадлежностей одежды составляют самую большую группу металлического инвентаря памятников андроновской культуры. Кытмановский могильник не является исключением. Значительная часть его погребального инвентаря приходится именно на предметы украшения. Вещи и отдельные их детали были изготовлены из бронзы; из бронзы, покрытой золотой фольгой; золота. В могилах обнаружены предметы из пасты, раковин и камня.

Самым богатым захоронением оказалась могила №1. Как уже сказано выше, это погребение было существенно разрушено бульдозером при разработке карьера: ножом бульдозера была срезана правая половина скелета, в том числе череп, часть таза, кости ноги, руки, половина грудной клетки. Часть украшений с правой половины скелета при этом оказалась на самом дне могилы, а другая вместе с глиной попала в глиномешалку либо была рассеяна по дороге к ней.

Тщательно прошурфовав дорогу от могилы до глиномешалки и просеяв большой объем глины, доставленной бульдозером к ней, удалось найти еще несколько мелких вещей и их обломков. Некоторые из них были обнаружены в готовых кирпичках, а так как они еще были сырыми, то руками разломали их на мелкие кусочки и извлекли находившиеся там вещи.

Бронзовые предметы украшения представлены следующими категориями.

Браслеты со спиралевидными окончаниями (рис. 63.-9–11). Фрагменты от двух бронзовых изделий обнаружены в могиле №1 (рис. 8.-3; 9.-2,3). Сохранилась лишь половинка одного из них, другие части разрушены, остались лишь мелкие кусочки. Еще один обломок браслета найден в могиле №29 (рис. 29.-7). Изделия изготавливались способом отливки. Ободок их выпуклый, концы оформлены завитой спиралью в виде пирамидальных шишечек.

В материалах Верхнего Приобья такие браслеты обнаружены в могильнике Фирсово-XIV (Шамшин А.Б., 1992, рис. 1.-7), Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В. и др., 2004, с. 73). Два предмета такого типа происходят из памятника Быково (Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгуров А.Л., 1993, рис. 1.-7, 10), фрагменты – с поселения Большой Лог-I (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990, рис. 5.-5, 9). В Новоалександровке в одной могиле найдены два желобчатых и два пластинчатых браслета и еще один пластинчатый браслет со спирально завитыми концами (Зими́на В.М., Адаменко О.М., 1963, с. 58, рис. 58-3, 4; Уманский А.П., 1995, с. 28, рис. 3–5). Такие предметы найдены В.И. Молодиным на памятнике Сопка-II (всего 15 экземпляров), который исследователь относит к кротовскому времени (Молодин В.И., 1985, с. 64–65, рис. 31.-1–15).

«Ножевидные» привески (рис. 63.-1–8; цветная вклейка VI.-2, 3). Пластинки из могилы №1 обнаружены между ребрами левой половины скелета. Почти полностью удалось собрать три цельных и большей частью еще три таких же по величине пластинки. Они имели «иволистную» или «ножевидную» форму. Длина их от 7,2 до 8,0 см, ширина – 1,0–1,2 см, толщина около 0,1 см. У двух обломаны верхние концы, у одной – нижний. Верхние концы округлые и прямоугольные, а нижние – острые. На верхних концах пластинок пробиты отверстия для продевания нити, и по всей поверхности они украшены пуансоновым орнаментом (рис. 8.-2; 9.-4). Еще шесть бронзовых пластинок аналогичной формы, также с отверстиями на верхнем конце, не отличающихся размерами (длина до 1,2 см, ширина – до 0,8 см), были собраны из обломков. Вероятно, пластинок было больше, но они не сохранились.

Такие изделия известны преимущественно в собственно в андроновских (федоровских) комплексах. На памятнике Сопка-II найдены аналогичные пластинки-подвески, В.И. Молодин называет их ножевидными подвесками. Некоторые из них также с отверстиями для подвешивания, с мелкими дырочками, нанесенными пуансоном (Молодин В.И., 1985, с. 68). По форме и «орнаменту» они обнаруживают большую близость кытмановским. Н.А. Аванесова считает пластинки-подвески этнографической особенностью андроновских племен, так там была выработана форма подвесок и установилась техника их производства (Аванесова Н.А., 1991, с. 54).

Серьги с раструбом (рис. 63.-17–19; цветная вклейка VII.-12, 13). Такие предметы представляют собой круглое или овальное кольцо, один конец которого заострен, а второй полый, в виде раструба, и служит замком. Серьги, как правило, обнаруживались среди костей черепа. Бронзовые изделия найдены в могилах №23 (рис. 38.-3), 24 (рис. 43.-4) и 26 (рис. 44.-3). Серьги подобного типа характерны для андроновских комплексов Восточного Казахстана, Прииртышья и Верхней Оби (Аванесова Н.А., 1991, с. 51). На Алтае они обнаружены на памятнике Березовка-I (Демин М.А., Ситников С.М., 1998, рис. 2.-12).

Кольцевидные серьги (рис. 63.-22–28; цветная вклейка VII.-8, 11, 17, 18). Большинство подобных изделий имеет вид несомкнутого кольца. Они обнаружены в могиле №8 – на правом виске скелета №1 (рис. 19.-4); в могиле №24 – на правом виске скелета №2 (рис. 43.-16); в могиле №12 (рис. 22.-2); обломки серег найдены в могилах №30, 32 (рис. 51.-1), 25 (рис. 44.-4), 29 (рис. 47.-6). Одна серьга, обнаруженная в могиле №29, имела вид кольца в два оборота (рис. 47.-9).

Кроме того, на черепных, берцовых костях и позвонках ряда скелетов сохранились зеленые пятна окислов меди – следы серег. Такие пятна отмечены на скелетах в могилах №5 (на правом виске скелета №1), №16 – на левом виске, №21 – на обоих висках и др. Не исключено, что данные изделия использовались как подвески.

Нашивные бляшки (рис. 63.-12–16; цветная вклейка VII.-2, 6). Круглые, выпуклые бляшки с 2–5 отверстиями происходят из могил №24 (рис. 63.-16), 29 (рис. 63.-14). Изделие из могилы №20 орнаментировано по периметру пуансоном (рис. 30.-1; 63.-15). В этой же могиле обнаружены еще два предмета: квадратная бляшка с загнутыми со всех сторон краями и отверстиями в углах (рис. 63.-14) и треугольная бляшка с отверстиями по углам и в центре (рис. 63.-13).

Выпукло-квадратные или коническо-квадратные бляшки (рис. 63.-12) характерны только для андроновских (федоровских) комплексов в восточном ареале их распространения от Северного Казахстана до Енисея (Аванесова Н.А., 1991, с. 65).

Прямоугольная обойма с отверстием в центре. Два предмета обнаружены в могилах №18 (рис. 63.-20) и 20 (рис. 63.-21); их размеры – 0,7х0,9 см и 1,1х0,7 см.

Бусины (рис. 63.-29–32; цветная вклейка VII.-1, 9, 10, 19). Изделия во всех случаях найдены на шиколотках ног: 65 экз. из могилы №1 (рис. 8.-4; 9.-1); более 110 экз. – из могилы №24 (рис.42); 95 экз. – из могилы №24; 78 экз. – из могилы №30. Бусины в большинстве своем имеют вид колечек, их средний диаметр – 0,5 см, однако встречаются и более крупные (рис. 63.-32). Отмечены также подквадратные (рис. 63.-31), подтреугольные (рис. 63.-29) бусины. Такого типа украшения широко известны в андроновских комплексах Восточного Казахстана и Верхнего Приобья. Способ ношения подобных украшений представлен Н.А. Аванесовой (рис. 67.-6).

Золотые украшения. В могильнике было найдено и собрано более 100 экз. золотых предметов украшения. Большинство из них изготовлено из золотой фольги на бронзовой основе.

Нашивные пластинки (рис. 64.-6–10; цветная вклейка V) в форме трапеции или равнобедренного треугольника с закругленной вершиной и отверстиями в ней и у основания, размерами около 2,0x1,0 см, украшенные пятью выпуклостями в виде крупных «жемчужин», происходят из могилы №1. Их общее количество – 15 экз. (рис. 10.-2). Аналогичные восемь пластинок прямоугольной формы, размерами 2,1x0,9 см, с отверстиями для пришивания, украшенные попарно восьмью выпуклостями, найдены в могиле №1 (рис. 10.-1). Две золотые накладные пластины (одна длиной 7,5 см, другая – 6,8 см, обе шириной – 1,0–1,1 см), украшенные попарно выпуклостями (по 15 пар), также из могилы №1 (рис. 11.-11, 12; 64.-9, 10). Еще одна аналогичная пластина из этой же могилы длиной 3,6 см была украшена семью парами выпуклостей (рис. 10.-4; 64.-8).

Трапециевидные и прямоугольные рельефные нашивки являлись шейными или воротничковыми украшениями (рис. 67.-4). Они относятся к редким типам предметов, встречающихся только в восточноандоновских (федоровских) комплексах (Аванесова Н.А., 1991, с. 66). Предметы такого типа известны в погребении №33 на могильнике Черноозерье-I (Генинг В.Ф., Стефанова Н.К., 1994, рис. 5.-2).

«Рубчатые» пронизи (рис. 64.-11–17; цветная вклейка I.-5–12). Всего пронизок – 31 экз. Две трети этих изделий, имеющих длину 6,8 и 7,5 см, происходили из могилы №1 (рис. 11.-10; 64.-17). Н.А. Аванесова (1991, с. 67) считает данные предметы гривной. Вероятно, гривна не только украшала шею человека, но и являлась признаком его особого социального положения в обществе.

Большинство рубчатых пронизей из могильника Кытманово имеют длину от 0,7 до 1,7 см. 16 экз. происходят из могилы №1 (рис. 10.-3); 1 экз. – из могилы №21 (рис. 33.-3); 4 экз. из могилы №24 (рис. 43.-5); 5 экз. из могилы №30 (рис. 49.-6, 9, 10); 6 экз. – из могилы №35 (рис. 55.-2). Отдельные предметы имели коническую форму (2 экз. из могилы №35) (рис. 55.-6), на некоторых из них имеется отверстие (рис. 55.-5; 43.-7). Такие предметы могли входить в состав нагрудного украшения или головного убора.

«Лапчатые» привески (рис. 64.-20–23; цветная вклейка IV). Трапециевидные изделия с четырьмя выпуклостями на широком конце и отверстиями на узком конце, закрытыми дополнительной планкой (2 экз.), найдены в могилах №1 (рис. 64.-21) и 30 (рис. 64.-22). Аналогичное изделие с тремя выпуклостями обнаружено в могиле №24 (рис. 64.-20), еще одна привеска с двумя выпуклостями, обломанная с двух сторон, – в могиле №35 (рис. 64.-23). Привески с выпуклостями находят аналогии в Новоалександровке (Зимица В.М., Адаменко О.М., 1963, с. 57–59; Уманский А.П., 1995, с. 27, рис. 2–5), Фирсово-XIV (Шамшин А.Б., 1992, с. 44–45), Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В. и др., 2004, с. 73), Чекановский Лог-X (Позднякова О.А., 2000, рис. 1–1); и др.

В целом территория распространения этого варианта «лапчатых» привесок ограничивается Верхним Приобьем, Прииртышьем и Центральным Казахстаном (Аванесова Н.А., 1991, с. 61; Демин М.А., Ситников С.М., 2000, с. 121; Зимица В.М., Адаменко О.М., 1963, рис. 1; Молодин В.И., 1985, с. 70; Позднякова О.А., 2000, рис. 1–1, 2; Уманский А.П., 1965, с. 14). По мнению ряда исследователей, эти украшения следует

считать принадлежностью андроновской (федоровской) культуры, поскольку для алакульского костюма они не характерны (Аванесова Н.А., 1991, с. 61; Усманова Э.Р., 2005, с. 120).

«Лапчатые» привески в комплекте с подвесками в полтора оборота, рубчатymi пронизями входили в состав головных украшений. Они обнаружены в могиле №30 могильника Кытманово (рис. 49), погребениях №17, 85 могильника Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б., 2004, рис. 2-2). Альтернативный способ использования «лапчатых» привесок в костюме был установлен в ходе раскопок погребения №85 на могильнике Рублево-VIII, где они являлись частью сложного нагрудного украшения (Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2006, рис. 2-3).

Кольцевые серьги или подвески (рис. 64.-24-32; цветная вклейка II.-1-11).

Всего обнаружено девять таких предметов. Они представляют собой круглое кольцо, один конец которого заострен, а второй оформлен в виде трубчатого расширения и служит замком. Изделия свернуты из тонкой бронзовой пластинки, обернутой золотым листом, и имеют овальное сечение. Диаметр колец по внешнему краю варьирует в пределах 3,6-4,8 см (рис. 64.-24-32). В большинстве случаев в погребениях зафиксировано по две серьги. Судя по их расположению в могилах, эти украшения, так же как и серьги с раструбом, носили, продевая в мочку уха, или как подвески.

В могильнике Кытманово из могилы №1 происходит 1 экз., его диаметр – 4,4 см (рис. 64.-32); 2 экз., диаметром 4,5 и 4,8 см, обнаружены в могиле №21 (рис. 64.-27, 31); 3 экз., диаметром 4,4; 3,6 и 4,5 см, – в могиле №24 (рис. 64.-26, 29, 30); еще одно кольцо найдено в могиле №35 (рис. 64.-28); две аналогичные серьги хранятся в Кемеровском областном краеведческом музее и происходят из раскопок В.И. Каца на могильнике Кытманово (рис. 64.-24, 25). На одном кольце (из могилы №24) (рис. 43.-2; цветная вклейка II.-1, 7) имелся орнамент в виде горизонтальных нарезок (не менее девяти), выполненных острым орудием. Такая деталь декора зафиксирована на изделиях из погребения 7, кургана №31 на могильнике Сопка-II (Молодин В.И., 1985, рис. 32.-7, 7) и в более отдаленных западных комплексах (Аванесова Н.А., 1991, рис. 45.-24, 26, 30, 31, 34, 46). Кольцевые височные подвески или кольца, крупные, круглые, также известны в материалах могильника в Нижней Суетке, близки им бронзовые подвески из Барабы – Сопка-II, Преображенка-III (Молодин В.И., 1985, с. 102-103).

Данные изделия являются одной из самых многочисленных категорий находок в андроновских памятниках. Н.А. Аванесова, выделив две разновидности этих вещей, отнесла украшения, аналогичные предметам из могильника Кытманово, к варианту кованых трубчатых серег, полагая, что они сворачивались в полую трубочку на органической основе. По ее мнению, подобные изделия, являющиеся наиболее архаичными, характерны для алакульского населения Приуралья, а также Центрального, Северного и Западного Казахстана. В то же время территория Прииртышья и Верхнего Приобья рассматривалась ею как ареал бытования литых трубчатых серег, типичных для федоровских племен (Аванесова Н.А., 1991, с. 52, 53). Материалы, полученные в ходе раскопок андроновских памятников степного и лесостепного Алтая (Рублево-VIII, Кытманово, Фирсово-XIV и др.), несколько противоречат такой трактовке и требуют дополнительной аргументации. Это отмечено и другими исследователями (Ткачев А.А., 2002, с.179; Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2006, с. 35).

Серьги с раструбом (рис. 64.-18, 19; цветная вклейка II.-12-13). Два литых предмета обнаружены в могиле №4 (рис. 15.-2, 3). Изделия диаметром 3,6 см, изготовлены из золотой проволоки, прокованные. В раструбе кольца имеется отверстие – так называемый замок, куда вставлен острый конец серьги.

Две аналогичные серьги происходят из могил в урочище Волчиха и в Пригородном хозяйстве ЦРК (Грязнов М.П., 1956, с. 17–2, рис. 1. 1–1,2); они найдены в могильнике Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2006, рис. 1.-2–4); еще две подобные золотые кованые серьги известны из могильника в пос. Кожзавод (Барнаул) (Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л., Кирюшин Ю.Ф., 1983, с. 17) и др.

Желобчатые подвески в полтора оборота (рис. 64.-1; цветная вклейка III). Такие изделия выполнены из тонкой бронзовой пластины. Длина подвесок около 1,5 см. Всего на могильнике Кытманово обнаружено 35 экз. таких предметов: 4 экз. из могилы №1 (рис. 11.-13–16); 10 экз. из могилы №21 (рис. 34.-3–12); 6 экз. из могилы №24 (рис. 43.-9–14); 8 экз. из могилы №30 (рис. 49.-4); 7 экз. из могилы №35 (рис. 55.-1).

В некоторых случаях (могилы №20 и 21) на каждом виске было по пять подвесок, в одном (могила 24) – по три, еще в одном (могила №34), – видимо, по четыре (одна утрачена?) и в могиле №1 – по две (сохранились не все); во всех четырех (за исключением могилы №34) – четное число. Поблизости от этих предметов *in situ* лежали в ряд по две золотых и пастовых пронизки, в торец к которым лежало по золотой «лапчатой» привеске с четырьмя выпуклостями. Подвески в полтора оборота обнаружены в погребениях андроновских некрополей в Новоалександровке (Зимица В.М., Адаменко О.А., 1963; Уманский А.П., 1995, с. 20–26, рис. 1–3), Фирсово-XIV (Шамшин А.Б., 1992, с. 44–45), Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б., 2004, с. 71, рис. 6.-2–4); Преображенке-III (Молодин В.И., 1985, с. 102, 103, рис. 54–14–17, 20, 21) и др.

Украшения такого типа имеют многочисленные аналогии в памятниках андроновской культурно-исторической общности и широкий хронологический диапазон бытования. Н.А. Аванесова, проанализировав обширную выборку этих изделий и многочисленных случаи их фиксации в непогребенных погребениях, отнесла эти украшения к категории головных (1991, с. 53). Позднее правомерность данного вывода доказали новые находки (Демин М.А., Ситников С.М., 2001, с. 83; Позднякова О.А., 2002; Усманова Э.Р., 2005, с. 118, 119 и др.). Принадлежность круглых желобчатых подвесок в полтора оборота к категории головных украшений подтверждают материалы могильника Кытманово. Аналогичное расположение подвесок зафиксировано, например, в могильниках Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б., 2004, рис. 6.-2–4), Шондынкорасы (Хабдулина М.К., 2000, с. 45), Бестамак (Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998, рис. 9), Фирсово-XIV (Позднякова О.А., 2002, с. 110). По всей видимости, эти изделия, так же как и серьги, носили, продевая в мочку уха. Во многих вышеотмеченных комплексах подвески располагались на височных костях черепа дугообразно, как бы повторяя форму ушной раковины (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б., 2004, рис. 2–1, 2). Аналогичная ситуация зафиксирована в целом ряде памятников андроновской культурно-исторической общности, прежде всего на территории степного и лесостепного Алтая и Казахстана (Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998, рис. 1; Позднякова О.А., 2002,

рис. 3; Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2006, с. 36 и др.). Способ ношения подвесок в полтора оборота реконструировался исследователями как декор налобной повязки (рис. 67.-1, 4) (Аванесова Н.А., 1991, с. 53, 54, рис. 57-4; 58-1,3; Зими́на В.М., Адаменко О.М., 1963, рис. 3-1), как «оторочка» наушников шапочки (Усманова Э.Р., Ткачев А.А., 1993, рис. 1-2), как височные подвески, которые крепились на шнурках к налобной повязке либо обручу (Аванесова Н.А., 1991, рис. 58-4; 59-2). Благодаря находке в одном из погребений могильника Фирсово-XIV мумифицированного уха О.А. Поздняковой было установлено, что эти изделия продевались в край ушной раковины, на равноудаленном друг от друга расстоянии. Через них был пропущен кожаный ремешок, обмотанный крученой нитью (рис. 67.-2, 3). По всей видимости, ремешок придавал этой конструкции форму и служил дополнительным декором (Позднякова О.А., 2000, с. 47, 48, рис. 1-7, 8; 2-2). Аналогичным образом, по нашему мнению, следует реконструировать способ ношения подвесок из могильника Кытманово.

Обоймы рубчатые (рис. 64.-2-5; цветная вклейка I.-1-4). Два предмета происходят из могилы №35 (рис. 55.-7,8), по одному – из могил №24 (рис. 43.-8) и 30 (рис. 49.-5). Такие изделия сделаны из тонкой прямоугольной золотой пластины, края которой загнуты внутрь. Они различаются по размерам, исполнению и способу ношения. Обоймы, широко известные в степных памятниках эпохи бронзы, употреблялись в качестве украшения в самых разнообразных вариантах (Кузьмина Е.Е., 1964, с. 42, рис. 13-6-9; Хабдулина М.К., 2000, с. 52; и др.). Известны они в составе головных уборов, происходящих из могильников Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2006, с. 37) и Фирсово-XIV (Позднякова О.А., 2000, рис. 1-3), в составе нагрудного украшения и браслетов – Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2006, с. 37).

В категорию украшений можно также включить шесть створок раковины *corbicula fluminalis* (рис. 63.-36). Наличие отверстия в них, а также расположение предметов в верхней части грудной клетки скелета в могиле №1 (рис. 11.-1-6) свидетельствуют, что они составляли ожерелье. В некоторых могилах встречены пастовые бусины и небольшие обломки пластинок (рис. 11.-9). Семь «пронизок» белой пасты в виде «спекшихся» двух-пяти бусин обнаружены в могиле №1 (рис. 11.-8). Аналогичная «пронизка» из пяти бусин (длиной 1,3 см) найдена в могиле №30 (рис. 49.-11). Такие бусины обнаружены в могильнике Рублево-VIII в составе нагрудного украшения (Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2006, с. 39), что, по нашему мнению, не исключает их иного использования.

КЕРАМИКА

Керамическая коллекция с могильника Кытманово состоит из 49 археологически целых сосудов. Два изделия относятся к эпохе поздней бронзы, остальные – к андроновской культуре. По форме андроновскую серию керамики можно разбить на две группы. Первая включает сосуды баночной формы (рис. 65). Из них четыре экземпляра имеют закрытую форму, диаметр устья меньше максимального диаметра тулова (рис. 65.-21-24), остальные изделия имеют открытую форму, диаметр устья близок к максимальному диаметру тулова или несколько превышает его (рис. 65.-1-20). Вторая группа керамики – сосуды горшковидной формы. Их особенность – наличие вы-

раженной горловины (рис. 66). В рамках выделенных групп сосуды значительно варьируют по своим пропорциям и основным показателям. Необходимо отметить общую деталь для обеих групп – наличие поддона у некоторых сосудов (рис. 65.-1; 66.-20).

Выделенные группы по форме коррелируют с особенностями орнамента. Для баночных сосудов в целом характерно более простое композиционное построение орнамента, вплоть до полного его отсутствия (рис. 65.-8). Чаще всего сосуды этой группы украшались по тулову 4–7 параллельными горизонтальными зигзагами (рис. 65.-7, 9, 14, 17–20), которые выполнялись гребенчатым (рис. 65.-18) и гладким (рис. 65.-7, 9, 14, 17, 19, 20) орудиями. Фиксируются следы от короткого гладкого орнамента, которые можно трактовать и как ряды вертикальной «елочки» (рис. 65.-17), но чаще встречаются отпечатки от орудия с длинным гладким лезвием (рис. 65.-7, 9, 14, 19, 20). Между зигзагами и верхним краем венчика сосуд в нескольких случаях украшался ямочными вдавлениями (рис. 65.-14, 19), отпечатками гладкого штампа (рис. 65.-9, 20), каннелюрами (рис. 65.-17).

Большая часть баночных сосудов орнаментирована рядами горизонтальной (рис. 65.-1, 2, 4, 5, 6, 10–12, 16, 23, 24), вертикальной (рис. 65.-13) или диагональной (рис. 65.-21) «елочки». Такие орнаментальные мотивы выполнялись гребенчатым и гладким орудием. Отпечатки занимали всю стенку сосуда или его верхние две трети. Придонная часть чаще не орнаментировалась. Отмечены случаи, когда данная зона украшалась гладкой «качалкой» (рис. 65.-19), ямочными (рис. 65.-23) или гребенчатыми (рис. 65.-24) вдавлениями.

В орнаментации второй группы керамики (горшковидные сосуды) можно выделить подгруппу изделий, украшенных орнаментальными мотивами, характерными для группы баночных сосудов, описанных выше (рис. 66.-1–7, 23). Эту керамику можно условно назвать переходной между первой и второй группами. Основная часть горшковидной посуды (рис. 66.-8–22) отличается хорошей профилировкой и «богатой» орнаментальной композицией построения орнамента. Для нее характерно сочетание различных геометрических мотивов: треугольников, меандров, зигзагов, фестонов. Большинство сосудов имеет каннелюры, отмечено наличие так называемого «коврового» орнамента (рис. 66.-8). На некоторых сосудах четко фиксируется трехчастная зональность. Различие в орнаментации баночных и горшковидных сосудов хорошо демонстрирует следующее наблюдение. Под венчиком горшковидной керамики в 14 из 15 случаев наносился ряд треугольников, среди баночных сосудов только одно изделие под венчиком имеет такой орнаментальный мотив (рис. 65.-15). Кроме этого, можно также отметить более качественное исполнение горшковидных сосудов.

Глава III

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ДАТИРОВКА

Основная часть погребений Кытмановского могильника относится к андроновской культуре. Аргументами в пользу этого утверждения служат особенности погребального обряда и инвентаря. Для погребального обряда характерна ингумация (труположение). Единственное исключение составляет могила №15, в которой умерший человек погребен по обряду кремации (трупосожжения). Кремация известна в других андроновских комплексах Алтая: например, Нижняя Суетка, могила №1 (Уманский А.П., 1999, с. 83–99), Елунино-II (Кирюшин Ю.Ф., 1980), Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б., 2004, с. 65–68) и др.

Положение умерших на левом боку, скорченно: с ногами, согнутыми в коленях и подтянутыми коленями к груди, а пятками – к тазу, с согнутыми в локтях руками и кистями рук, сложенными перед головой или подложенными под нее, также характерно для андроновской культуры. Этому не противоречат случаи положения умерших на правый бок: такой ритуал допускался в двух случаях: 1) если с матерью хоронили младенца (его клали на правый бок, в руки матери, лицом к ее груди); 2) в парных захоронениях, в которых тело женщины иногда укладывали в скорченном положении, но на правый бок, лицом к супругу.

Примерами правобочного положения младенцев в Кытмановском могильнике служат: 1) могила №20, в которой мать и старший ребенок лежат на левом боку, а младенец – на правом; 2) погребение №21, в котором умерший младенец (т.е. грудной ребенок возрастом около двух лет) был положен на правый бок, в руки матери; во всех других случаях дети старше двух лет были похоронены скорченно на левом боку, как большинство взрослых. Таковы одиночные могилы детей могил №3, 4, 7, парные захоронения детей старше двух лет (№8, 28, 33) и захоронения детей с матерями в могилах №23, 24, 27, в которых похоронены дети старше младенческого возраста.

На некрополе имелась группа могил с «правобочным» положением умерших: могила №10, в которой погребен подросток 10–12 лет; могила №12 (зрелая женщина), а также №32 и 34 (соответственно в них были погребены женщины). Однако представляется, что положение скелета в данном случае не может служить культурным индикатором. Об этом свидетельствует типично андроновская керамика, которая сопровождает умерших, положенных как на левом, так и на правом боку. Положение погребенных в могиле могло зависеть от разных факторов, например, характер смерти, или могло быть продиктовано родовыми отличиями (Кирюшин Ю.Ф., 1995, с. 68).

Исключение составляет могила №17. Судя по количеству сосудов и их положению в головной части разрушенной в древности могилы (два горшка), это могло быть парное захоронение (сохранился лишь один череп, лежавший нетронутым на правом виске: очевидно, умершего положили на правый бок). Сосуды (описание их дано во второй главе) в этой могиле были позднебронзового облика (горшки с прямыми венчиками, реповидным небольшим туловом, плоским дном небольшого диаметра и пр.).

Таким образом, положение умерших в погребениях некрополя, за исключением могилы №17, вполне вписывается в характеристику андроновской культуры. То же самое можно сказать и об ориентировке могильных ям и умерших. Ориентировка могильных ям в Кытмановском могильнике по продольной их оси совпадает с линиями ЮЗ–СВ или ЮЗЗ–СВВ, с отклонениями к западу, реже к югу. Могилы №1 и 15 почти

строго сориентированы в направлении З-В. т.е. имеют широтную ориентировку, что, вероятно, связано с особым статусом погребенных (могила №1 – погребение богатой и, видимо, знатной женщины, в могиле №15 обнаружены остатки трупосожжения и черепки двух разных сосудов, что не исключает возможного сожжения двух человек). Что касается ориентировки погребенных людей в могильнике, то она, как правило, совпадает с ориентировкой могильных ям. Подтверждением высказанной выше мысли о широтной ориентировке могильных ям и скелетов в богатых погребениях знатных людей может служить и парное погребение №24 с богатым сопроводительным инвентарем (золотые серьги, бусы и др.).

Следует отметить, что в некрополе есть несколько могил с меридиональной ориентировкой ям и скелетов (например, могилы №6 и 27) и одна могила (№10), ориентированная по линии СЗ–ЮВ (рис. 20.-1). Но ориентировки по направлениям ЮЗ–СВ и особенно ЮЗЗ–СВВ в некрополе явно преобладают, что еще раз свидетельствует об андроновской культурной принадлежности большинства его захоронений. Аналогии кытмановским могилам по ориентации могил и умерших и погребенных в них людей широко известны во всей степной и лесостепной полосе Евразии и приводить их здесь не имеет смысла.

Характерной особенностью андроновских захоронений в лесостепной и степной зоне является наличие внутримогильных сооружений в виде деревянной обкладки из бревен или толстых горбылей-полубревен по периметру могильной ямы; нередко бревна обкладки положены в два «венца»: при этом продольные бревна (горбыли) своими концами лежат на концах поперечных, или наоборот; иногда же концы всех четырех бревен стесаны под углом в 45° – в таком случае обкладка образует раму, внутрь которой укладывали останки умершего. В Кытмановском могильнике таких погребений около трети. От некоторых обкладок остался только слабый тлен (например, могила №23 и некоторые другие). К числу погребений с обкладками относятся могилы №1, 4, 6, 9, 13, 14, 19, 21, 24, 28, 31, 32.

Наряду с обкладками, в некоторых могилах неплохо сохранились перекрытия поверх обкладок – порой они были продольными (например, в могиле №1), иногда – поперечными (например, могилу №4, почти полностью перекрывали поперек пять широких и толстых горбылей-полубревен). Перекрытиями были снабжены могилы №9, 13, 21, 24, 30, 32. Интересно, что только могилы №9 и 13 не содержали в своем инвентаре дорогих золотых украшений. Вероятно, в могилах с обкладками стенок и перекрытиями в основном хоронили социально значимых людей. Обкладки и перекрытия могил у кытмановских древностей, наряду с другими чертами погребального обряда, позволяют считать их носителями андроновской культуры.

Что касается надгробных сооружений, то в свое время М.П. Грязнов (1956, с. 20) в известных ему памятниках андроновской культуры в Верхней Оби не находил каменных или деревянных оградок на могилах, равно как и каменных ящиков внутри могил, объясняя это отсутствием камня в Верхней Оби. Отсутствие деревянных оградок он объяснял плохой сохранностью дерева, особенно в песчаном грунте Ближних Елбанов и других памятников андроновцев в этом регионе. В настоящее время стали известны несколько андроновских захоронений с деревянными оградками вокруг могил, очевидно, имевших какую-то форму или тип кровли.

По сведениям В.В. Иванчука и Ю.И. Михайлова (2002, с. 45–47), известно несколько парных захоронений, сочетающих в погребальном обряде ингумацию и кремацию (Усть-Бири-IV, Абрамово-4, Фирсово-XIV, Жиланда, Косоголь-3) и имевших

разные конструкции могильных ям. Для нас интересно погребение №30 из могильника Косоголь-3 (Красноярский край), одной из особенностей конструкции которого были три столба, на которых держалась кровля над могилой. Известно, что срубники и андроновцы жили «в однокомнатных жилищах столбовой конструкции с двускатной или пирамидально-ступенчатой крышей» (Кузьмина Е.Е., 1988, с. 39). Такой тип жилища, по мнению М.П. Грязнова (1956, с. 81–82), бытовал еще в раннем железном веке в среде пастушеских племен, в частности «большереченцев» Верхней Оби, правда, он уже не имел столбового каркаса, но сохранял пирамидально-ступенчатую кровлю. Е.Е. Кузьмина считает, что у ираноязычных пастушеских племен I тыс. до н.э. и начала I-го тыс. н.э. он вообще существенных изменений не претерпел. В.И. Молодин (1985, с. 114), наоборот, полагает, что андроновцы южносибирских степей могли перейти «к легким наземным конструкциям, пригодным для транспортировки» в связи с переходом к подвижному образу жизни. Нам представляется, что могилы №3 и 5 Кытмановского могильника могут служить иллюстрацией к этому суждению.

Судя по расположению ямок в могиле №3 и вокруг нее, надмогильное ее сооружение имело каркасно-столбовую конструкцию с двускатной крышей, а могила №5, отличающаяся расположением столбовых ямок по овалу, почти по кругу, – плоскую или коническую кровлю. Было ли в данном случае буквальное воспроизведение реального жилища или ритуального жилища умершего, сказать трудно. Необходимо отметить, что могила №5, кроме всего прочего, отличается размерами (для взрослого субъекта) и положением скелета: он сильно скорчен, как бы «завязан» в узел, а это значит, что телу было придано явно неестественное положение, к тому же на правом боку. Итак, характерные особенности погребального обряда основной части захоронений в Кытмановском некрополе могут быть отнесены к андроновской культуре. Об этом свидетельствует основной комплекс погребального инвентаря этого могильника.

Наиболее значимую группу инвентаря этого древнего кладбища составляют глиняные сосуды (общая характеристика приведена выше). Керамический материал получен почти из каждой могилы. Он подтверждает андроновскую культурную принадлежность к основной части кытмановских могил. В качестве аналогий можно назвать керамику таких памятников Алтая, как комплекс у д. Иконниковой и с. Красный Яр, близ с. Быстрый Исток, у д. Клепиковой, на Ближних Елбанах XII и XIV, около с. Ордынского (Грязнов М.П., 1956, с. 14–20), Нижняя Суетка, Новоалександровка, Степной Чумыш и др. (Уманский А.П., 1965, 1966, 1967, 1995, 1997 и др.; Зимина В.М., Адаменко О.М., 1963, с. 53–59); Чекановский Лог-I (Демин М.А., Ситников С.М., 1998, с. 43–54); Рублево-VI (Шамшин А.Б., Дуда Я.В. и др., 1999, с. 29–41); Фирсово-XIV (Шамшин А.Б., 1993, с. 120–123); Елунино-II (Кирюшин Ю.Ф., 1980, с. 56–72; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1993, с. 161–180); Подтурино (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1993, с. 67–94), Манжиха-II (Демин М.А., Ситников С.М., 2005, с. 66) и многие другие памятники. Этот перечень может быть значительно увеличен за счет отдельных погребений андроновской культуры и случайных находок этой культуры (Нечунаево, Дуленская; пос. Северный, Кожзавод (Барнаул) и др.). В этот перечень мы сознательно не включили все андроновские памятники Южной Сибири, ограничившись территорией лишь равнинной части Алтая. Но, на наш взгляд, этого достаточно для подтверждения принадлежности большей части керамики Кытмановского некрополя андроновской культуре.

Другая основная часть погребального инвентаря из Кытманово – это медные, бронзовые и золотые украшения для головы, рук и костюма. Они широко распростра-

нены в степной и лесостепной полосе азиатской части России. Основные типы металлических изделий присущи для восточного ареала распространения андроновских (федоровских) комплексов.

В.И. Матюшенко (1999, с. 88) датирует андроновскую эпоху в Южной Сибири в целом XV–XIII вв. до н.э. В.И. Молодин (1985, с. 116) определяет время андроновской культуры в рамках XIII–IX вв. до н.э. Ю.Ф. Кирюшин датирует андроновские древности в предгорном и лесостепном Алтае XV–XII вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 210). Получение радиоуглеродных дат по андроновским комплексам Верхнего Приобья позволило поставить вопрос об удревнении времени появления андроновского населения на данной территории до XVI вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 26). Однако эта позиция требует дополнительных аргументов и большей серии радиоуглеродных дат. В целом могильник Кытманово можно датировать в хронологических рамках существования андроновского населения на территории Верхнего Приобья (третья четверть II тыс. до н.э.).

На памятнике Кытманово, кроме комплексов андроновской культуры, выявлено еще одно захоронение позднего бронзового века – могила №17 (рис. 25, 26). Об этом свидетельствует погребальный инвентарь: бронзовые бляшки, обоймы, серьга, а главное – керамика. Один из обнаруженных в могиле сосудов типично ирменский (рис. 26.-1), другой (рис. 26.-4) относится, по мнению А.В. Матвеева (1993, с. 106), к раннему, быстровскому этапу ирменской культуры, к словскому типу (Уманский А.П., 1994, с. 30). Время сооружения могилы №17 следует отнести к XII–IX вв. до н.э.

С территории могильника, из межмогильного пространства, происходят несколько предметов, относящихся к эпохе неолита. Это каменные топоры (рис. 57.-1; 61.-1), нуклеус (рис. 57.-4), отщеп (рис. 57.-3), каменный рыболовный стерженек (рис. 57.-5). Вероятно, несколько фрагментов керамики (рис. 58.-2, 3) также можно связать с этим периодом. Данные находки не исключают наличия на территории могильника раннего неолитического слоя, что требует дополнительных исследований. Такое предположение оправдано и в отношении раннего железного века, так как в коллекции Кытмановского некрополя имеется фрагмент керамики (рис. 58.-1), вероятно, связанный с этим периодом древней истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кытмановский могильник андроновской эпохи наряду с другими некрополями периода развитой бронзы, такими как Чекановский Лог-1, Фирсово-XIV, Рублево-VIII, Нижняя Суетка, является одним из самых крупных (по числу раскопанных погребений) могильников андроновской эпохи в лесостепном и степном Алтае. На его территории насчитывалось не менее 80 древних захоронений. К сожалению, часть из них была разрушена в ходе хозяйственного освоения мыса, на котором расположен памятник. Около 60 погребений в аварийном порядке были исследованы кемеровским и алтайскими краеведческими музеями. Могильник Кытманово исследовался в 1961–1962 гг. В.И. Кацем, в 1962–1963 гг. – А.П. Уманским. В силу различных, объективных и субъективных причин материалы, полученные в ходе этих раскопок, до сих пор не введены в научный оборот. Нам удалось собрать информацию лишь о 35 исследованных объектах (раскопки А.П. Уманского), которые и легли в основу данной книги.

Памятник находится на верхней террасе левого берега Чумыша, примерно в 1 км к юго-востоку от райцентра Кытманово (рис. 1). Заводские постройки кирпичного завода располагаются у основания большого мыса, широким языком выступающего в надпойменную террасу реки (рис. 2). Планиграфически погребальные сооружения расположены небольшими группами. Такое пространственное размещение погребений не исключает сооружения в древности курганных насыпей. Характерной особенностью погребального обряда населения, оставившего могильник Кытманово, является ингумация (труположение): нами зафиксировано лишь одно (№15) трупосожжение. При этом сожжение трупа совершено вне могилы, а жженые кости, угли и зола были засыпаны в могильную яму. Две трети могил не содержали следов какой-либо внутренней конструкции. В 12 погребениях по периметру дна были обнаружены остатки деревянных обкладок из бревен или полубревен. В некоторых погребениях обкладки были дополнены деревянными же перекрытиями. Над подавляющим большинством могил не сохранилось никаких следов-надгробий, надмогильных холмиков, оградок. Только в двух случаях были обнаружены следы надмогильных сооружений (вокруг могил №3 и 5).

Пять скелетов определены как мужские и девять – как женские. Скелет из могилы №9 принадлежит пожилой женщине, мужские костяки из могил №19 и 22 и женской из могил №2 и 15 – зрелым людям; все остальные – взрослым молодым субъектам. Из 35 учтенных нами могил 27 являются индивидуальными захоронениями, семь парными и одна – погребением трех человек.

В подавляющем большинстве могил умершие были уложены на левый бок в скорченном положении с более или менее сильно подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками (74%). На правый бок положено 23% умерших. В некоторых захоронениях обращает на себя внимание сильная степень скорченности скелетов, создается впечатление, что в них умершие были связаны перед погребением. Чаще всего умершие были ориентированы головами на юго-запад (41%) и юго-запад-запад (36%). В западный сектор головой было похоронено 14% умерших, в южный – 6%. В могиле №10 ориентация – на северо-запад (3%).

Погребальный инвентарь могильника представлен в основном двумя категориями вещей – глиняными сосудами и украшениями. Количество сосудов в могиле зависело от

числа погребенных в могиле: в большинстве индивидуальных захоронений находилось по одному сосуду, в парных могилах – по два, а в могиле №20 – три. В некоторых могилах сосудов вообще не оказалось. Сосуды обычно ставили в изголовье и перед лицом погребенного.

Украшения и отдельные детали принадлежностей одежды составляют самую большую группу металлического инвентаря памятников андроновской культуры. Кытмановский могильник не является исключением. Значительная часть его погребального инвентаря приходится именно на предметы украшения. Вещи и отдельные их детали изготовлены из бронзы; бронзы, покрытой золотой фольгой; золота. В могилах обнаружены предметы из пасты, раковин и камня. **Бронзовые предметы** украшения представлены следующими категориями: браслеты со спиралевидными окончаниями, «ножевидные» привески, серьги с раструбом, кольцевые серьги, нашивные бляшки, прямоугольная обойма с отверстием в центре, бусины. В могильнике было найдено и собрано относительно большое количество (около 115 экз.) **золотых предметов** украшения. Большинство из них изготовлено из золотой фольги на бронзовой основе. Это нашивные пластинки в форме трапеции или равнобедренного треугольника, украшенные пятью выпуклостями в виде крупных «жемчужин»; «рубчатые» пронизи; «лапчатые» привески; кольцевые серьги или подвески; серьги с раструбом; желобчатые подвески в полтора оборота; обоймы рубчатые.

В категорию украшений можно также включить шесть створок раковины *so-bicula fluminalis*. Наличие отверстия в них, а также расположение предметов в верхней части грудной клетки скелета в могиле №1 свидетельствуют, что они составляли ожерелье. В некоторых могилах обнаружены пастовые бусины и небольшие обломки пластинок. Семь «пронизок» белой пасты в виде «спекшихся» двух-пяти бусин обнаружены в могиле №1. Аналогичная «пронизка» (длиной 1,3 см) из пяти бусин найдена в могиле №30.

Керамическая коллекция с могильника Кытманово состоит из 49 археологически целых сосудов. Два изделия относятся к эпохе поздней бронзы, остальные – к андроновской культуре. По форме андроновскую серию керамики можно разбить на две группы. Первая – сосуды баночной формы; вторая – горшковидной формы. Их особенность – наличие выраженной горловины. В рамках выделенных групп сосуды значительно варьируют по своим пропорциям и основным показателям. Выделенные группы по форме коррелируют с особенностями орнаментации.

Для баночных сосудов в целом характерно более простое композиционное построение орнамента, вплоть до полного его отсутствия. Чаще всего сосуды этой группы украшались по тулову четырьмя-семью параллельными горизонтальными зигзагами, которые выполнялись гребенчатым и гладким орудиями. На некоторых фиксируются следы от короткого гладкого орнамента, которые можно трактовать и как ряды вертикальной «елочки», встречаются и отпечатки, сделанные орудием с длинным гладким лезвием. В нескольких случаях между зигзагами и верхним краем венчика сосуд украшался ямочными вдавлениями, отпечатками гладкого штампа, каннелюрами. Большая часть баночных сосудов орнаментирована рядами горизонтальной, вертикальной или диагональной «елочки». Такие орнаментальные мотивы выполнялись гребенчатым и гладким орудием. Отпечатки занимали всю стенку сосуда или его верхние две трети. Придонная часть в основном не орнаментировалась. Отмечены случаи, когда данная зона украшалась гладкой «качалкой», ямочными или гребенчатыми вдавлениями.

В орнаментации второй группы керамики (горшковидные сосуды) можно выделить подгруппу изделий, украшенных орнаментальными мотивами, характерными для группы баночных сосудов. Эту керамику можно условно назвать переходной между первой и второй группами. Основная часть горшковидной посуды отличается хорошей профилировкой и «богатой» орнаментальной композицией построения орнамента. Для нее характерно сочетание различных геометрических мотивов: треугольников, меандров, зигзагов, фестонов. Большинство сосудов имеют каннелюры, отмечено наличие так называемого «коврового» орнамента. На некоторых из них четко фиксируется трехчастная зональность.

Основная часть погребений Кытмановского могильника относится к андроновской культуре. Аргументами в пользу этого утверждения служат особенности погребального обряда и инвентаря. В целом могильник Кытманово можно датировать в хронологических рамках существования андроновского населения на территории лесостепного Алтая третьей четвертью II тыс. до н.э.

На памятнике Кытманово, кроме комплексов андроновской культуры, выявлено одно захоронение позднего бронзового века – могила №17. Об этом свидетельствует погребальный инвентарь: бронзовые бляшки, обоймы, серьга, а главное – керамика. Один из обнаруженных в могиле сосудов типично ирменский, другой относится, по мнению А.В. Магвеева (1993, с. 106), к раннему быстровскому этапу ирменской культуры. Время сооружения могилы №17 следует отнести к XII–IX вв. до н.э.

С территории могильника, из межмогильного пространства, происходят несколько предметов, относящихся к эпохе неолита. Это каменные топоры, нуклеус, отщеп, каменный рыболовный стерженек. Вероятно, несколько фрагментов керамики также можно связать с этим периодом. Данные находки не исключают наличия на территории могильника раннего неолитического слоя, что требует дополнительных исследований. Такое предположение оправдано и в отношении раннего железного века, так как в коллекции Кытмановского некрополя имеется фрагмент керамики, вероятно, связанный с этим периодом древней истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 11–20.

Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгурова Н.Ю. Раскопки у с. Быково // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 102–105.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.

Аванесова Н.А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 67–73.

Андроновская культура. Памятники западных районов // САИ. М.; Л., 1966. Вып. 3–3. 65 с.

Арсланова Ф.Х. Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 73–78.

Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульско-го Приобья // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 73–92.

Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 7–30.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья: Препринт. Екатеринбург, 1994. 67 с.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник Троицкий Елбан-I (новые материалы) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 148–152.

Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 78–96.

Гришин Ю.С. Очерки истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа // МИА. 1960. №90. 207 с.

Грязнов М.П. Алтай и Приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161–178.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая: Материалы по изучению Сибири. 2. Новосибирск, 1930. 14 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. №48. 256 с.

Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // КСИИМК. XIII. М.; Л., 1952. С. 93–102.

Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.Г. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1973. Вып. 85. С. 3–44.

Демин М.А., Ситников С.М. Аварийные раскопки в Третьяковском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. С. 82–85.

Демин М.А., Ситников С.М. Археологические исследования на правом берегу Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 97–101.

Демин М.А., Ситников С.М. Новые материалы андроновской культуры из Целинного района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2005. С. 66–78.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кирюшин Ю.Ф., Молодин В.И. Миграционные процессы в Западной Сибири в каменном и бронзовом веке // Палеодемография и миграционные процессы в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 5–8.

Дремов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андронидных культур Западной Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Вып. 2. Новосибирск, 1990. С. 56–61.

- Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: Антропологический очерк. Томск, 1997. 264 с.
- Дремов В.А., Козьмин В.А. Антропологический материал из Кытмановского могильника андроновской культуры // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 42–66.
- Зими́на В.М., Адаменко О.М. Новый памятник культуры эпохи бронзы у с. Новоалександровка // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. №9. Серия общественных наук. Новосибирск, 1963. Вып. 3. С. 53–59.
- Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии: Памяти С.В. Киселева. М., 1965. С. 177–181.
- Иванчук В.В., Михайлов Ю.И. Обряд кремации и андроновская погребальная архитектура: проблемы культурно-исторической интерпретации // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 45–47.
- Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 46–53.
- Кирюшин Ю.Ф. Миграционные процессы в Верхнем Приобье в эпоху энеолита и в бронзовом веке // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 56–58.
- Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.
- Кирюшин Ю.Ф. Новый могильник андроновской культуры у села Елунино // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 56–72.
- Кирюшин Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1981. Вып. 3. С. 51–54.
- Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука: наука, без которой мне не жить» (Сборник, посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева). Барнаул, 1995. С. 58–75.
- Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 43–47.
- Кирюшин Ю.Ф., Ключкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 67–94.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог-1 – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 42–56.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 62–65.
- Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 33–44.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Памятники энеолита, ранней и развитой бронзы на территории Павловского района // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск, 2000. С. 23–35.
- Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Уманский А.П., Шамшин А.Б. и др. Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. 131 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Елунинское культовое место // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 161–180.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV. С. 194–207.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Позднякова О.А. Грунтовый могильник Восход-I – новый памятник андроновской культуры Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы конф. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 70–75.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л., 1949. №9. 246 с.

Ковтун И.В. Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. С. 246–255.

Кожин П.М. Специфика андроновского орнамента как характерной геометрической системы // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 55–59.

Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной Сибири и Средней Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Вып. 5. С. 50–75.

Корочкова О.Н. Алакульско-федоровские комплексы Зауралья // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. М., 2002. С. 189–197.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1984. 279 с.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. М., 1948. Вып. XVII. 283 с.

Кузьмина Е.Е. Андроновские могильники на р. Байту // КСИА. Вып. 97. 1964. С. 39–49.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. 485 с.

Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. 2000. №4. С. 3–20.

Кукушкин И.А. К проблеме андроновского «арийства» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 84–86.

Кукушкин И.А. Некоторые аспекты семантики андроновского (федоровского) орнамента // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2000. Кн. I. С. 106–112.

Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 76–79.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 292 с.

Малолетко А.М. Пришлое население Сибири и его этническая принадлежность (энеолит и эпохи бронзы и раннего железа) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 96–98.

Малолетко А.М. Раковины моллюсков из террасовых отложений р. Ануй (предгорья Алтая) // Известия Алтайского отдела Всесоюзного Географического общества. Барнаул, 1970. Вып. II. С. 101–113.

Марсадолов Л.С. Курган Аржан и памятники эпохи бронзы // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 98–101.

Матющенко В.И. Вопросы археологии памятников эпохи бронзы в Западной Сибири (историографический аспект) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 48–51.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья // Из истории Сибири. Томск, 1973. Ч. 3. 141 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Томск, 1974. Ч. 4. 188 с.

Матющенко В.И. Древняя история Сибири: Учеб. пособие. Омск, 1999. 230 с.

- Могильников В.А. Андроновские курганы Гилево-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 104–108.
- Могильников В.А. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка-II // КСИА. М., 1968. Вып. 114.
- Могильников В.А. Корболиха-I – памятник андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 29–43.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I-го тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.
- Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 155–159.
- Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С. Баевские курганы // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II. С. 66–74.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
- Молодин В.И. Корреляция культур эпохи бронзы Западной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 51–54.
- Молодин В.И. Сопка-2 – уникальный комплекс археологических памятников // Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989. С. 30–35.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1987. 174 с.
- Молодин В.И., Чижишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 125–206.
- Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у пос. Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80–84.
- Позднякова О.А. Андроновские головные уборы из могильника Фирсово-XIV и их аналогии // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 103–112.
- Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. III. С. 47–53.
- Пяткин Б.Н. Металлообрабатывающее производство как одна из характеристик культурного прогресса (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 23–26.
- Розен М.Ф. Древние металлурги и горное дело на Алтае: Обзор исследований. Барнаул, 1983. С. 19–34.
- Савинов Д.Г., Рева Л.И. К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 45–51.
- Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 94–100.
- Ситников С.М. Керамические комплексы андроновских поселений Алтая // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. конф. Абакан, 1993. С. 22–23.
- Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-I // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 71–84.
- Ситников С.М., Гельмелъ Ю.И. Материалы поселения Новоилынка-I и некоторые проблемы относительной хронологии андроновских памятников Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 60–65.
- Солодовников К.Н. Антропологические данные к вопросу о формировании населения Верхнего Приобья в эпоху ранней и развитой бронзы // Исторический опыт хозяйственно-го и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2000. Кн. I. С. 172–178.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак в Западном Казахстане // МИА. 1962. №120. 207 с.

Сотникова С.В. Андроновский (федоровский) обряд кремации и реконструкция ритуала // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2000. Кн. I. С. 178–184.

Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: погребальный обряд и керамика // Палеодемография и миграционные процессы Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 49–51.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. III. С. 53–60.

Тишкин А.А. Различные случайные археологические находки из северо-западных предгорий Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 98–102.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002. Ч. 2. 244 с.

Удодов В.С. Поселение Большой Лог-1 – новый памятник андроновской культуры на Алтае // Тез. докл. региональной археологической конф. студентов Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1983. С. 15–16.

Уманский А.П. Андроновская могила на Елбане близ с. Нечунаево // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II. С. 61–65.

Уманский А.П. Андроновский кинжал из с. Ильинки // Советская археология. М., 1964. №2. С. 191–193.

Уманский А.П. Археологические памятники долины р. Чумыша // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. Барнаул, 1995. Вып. 5. С. 211–215.

Уманский А.П. Археологические памятники Павловского района // Города и села Алтайского края (материалы к археологической карте). Павловск, 1993. С. 5–17.

Уманский А.П. Бронзовые топоры из фондов Алтайского краевого музея // Советская археология. М., 1966. №4. С. 181–186.

Уманский А.П. Ирменское погребение в андроновском могильнике Кытмаиово-1 // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 27–30.

Уманский А.П. Исследования археологических памятников в окрестностях сел Нечунаево и Кабаково // Проблемы природопользования и охрана окружающей среды в бассейне р. Алей: Тез. докл. конф. Барнаул, 1984. С. 122–125.

Уманский А.П. Итоги археологических исследований на Алтае за 50 лет Советской власти // Известия Алтайского отделения Географического общества СССР. Барнаул, 1969. Вып. 10. С. 84–98.

Уманский А.П. К вопросу об обработке металлов в лесостепном Алтае // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства. Барнаул, 1986. С. 87–93.

Уманский А.П. Находка 1958 года из Нижней Суетки // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II. С. 56–60.

Уманский А.П. Находка 1961 года из Нижней Суетки // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 51–55.

Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул, 1992. С. 18–27.

Уманский А.П. Некоторые материалы из раскопок Бийского музея в 1963 году // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 42–46.

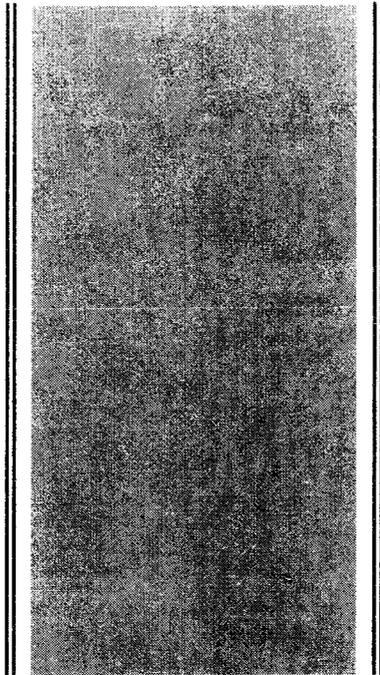
Уманский А.П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. I. С. 96–100.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 году // Краеведческие записки Алтайского краевого музея. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 6–12.

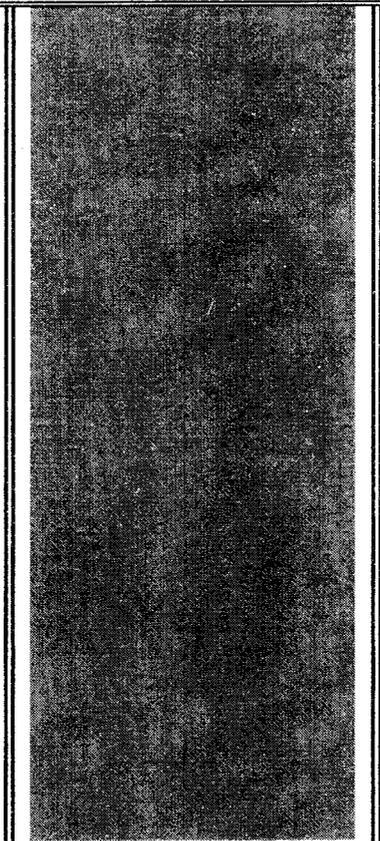
- Уманский А.П., Демин М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 143–150.
- Уманский А.П., Ключкин Г.А. Археологические разведки в долине Алея // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 37–39.
- Уманский А.П., Ситников С.М. Керамические комплексы поселения Новоильинка // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. Вып. I. С. 46–53.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшений Казахстана эпохи бронзы. Лисаковск, 1998. 64 с.
- Усманова Э.Р., Ткачев А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде // ВДИ. Вып. 2. 1993. С. 75–83.
- Федорова-Давыдова Э.А. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 133–152.
- Хабарова С.В. О проникновении алакульских групп на территорию Верхней Оби // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 64–66.
- Хабдулина М.К. Алакульский курган на реке Аксу // Хабарлары. Алматы, 2000. №1 (224). С. 40–53.
- Хлобыстина Д.К. Андроновский дифференцированный керамический комплекс // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 118–134.
- Хлобыстина М.Д. К вопросу о «биритуальных» обрядах в андроновских могильниках // Археология Южной Сибири: ИЛИАИ. Кемерово, 1979. Вып. 10. С. 59–81.
- Ченских О.А. Головные уборы андроновской культуры на Алтае (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. Вып. XXXV. С. 65–67.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.; Л., 1966. №88. 276 с.
- Членова Н.Л. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // КСИА. 1977. Вып. 147. С. 223–230.
- Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной полосы Западной Сибири // СА. 1995. Вып. XXIII. С. 38–57.
- Членова Н.Л. Основы археологии андроновских памятников федоровского типа // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 22–34.
- Шамшин А.Б. Богатое андроновское погребение на могильнике Фирсово-XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтайского края. Горно-Алтайск, 1992. С. 42–45.
- Шамшин А.Б. К истории археологического изучения Павловского района // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1993. С. 12–17.
- Шамшин А.Б. Новые археологические памятники из Павловского района // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1993. С. 19–21.
- Шамшин А.Б. Памятники бронзового века Фирсовского археологического микрорайона (лесостепное Алтайское Приобье) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 120–123.
- Шамшин А.Б., Дуда Я.В., Изоткин С.Л., Ситников С.М., Цивцина О.А., Ченских О.А. Поселение Рублево VI – новый памятник эпохи поздней бронзы на юге Кулунды // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 29–41.
- Шамшин А.Б., Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 52–56.
- Gryznov M.P. Southern Siberia. Translated from the Russian by James Hogurth. Nagel Publishers. Geneva; Paris; Munich, 1969. 120 p.

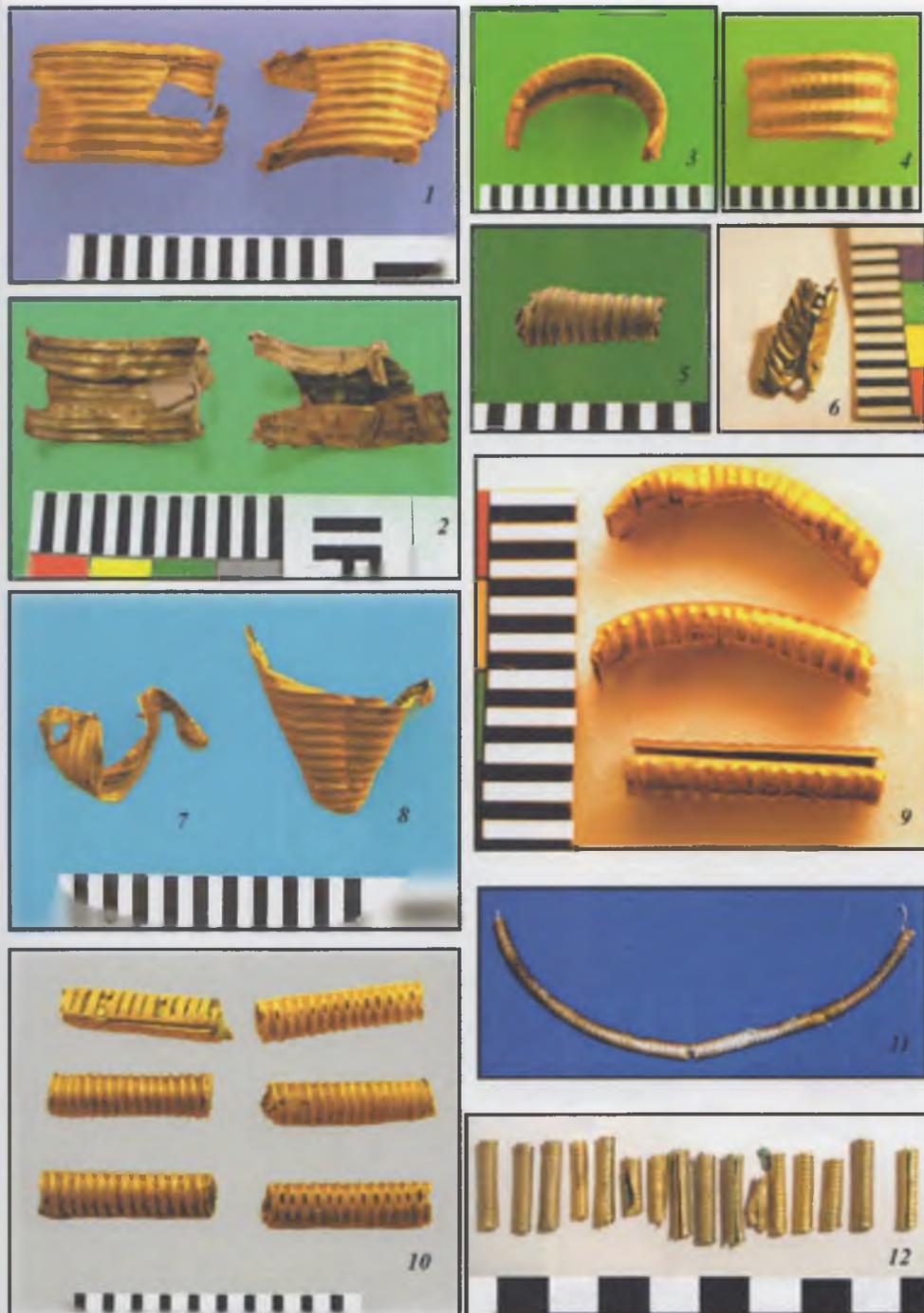
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ** – Алтайский государственный университет.
АО – Археологические открытия.
БКМ – Бийский краеведческий музей.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГЭС – гидроэлектростанция.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА и Эт СО РАН (ИАЭ СО РАН) – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИИФиФ СО РАН – Институт истории философии и филологии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИЛАИ – Известия Лаборатории археологических исследований.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МНСК – международная научная студенческая конференция.
НИР – научно-исследовательская работа.
НПЦ – научно-производственный центр.
НТП – научно-технический прогресс.
РАЭСК – региональная археолого-этнографическая студенческая конференция.
РЖВ – ранний железный век.
САИ – Свод археологических источников.
СА – Советская археология.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.

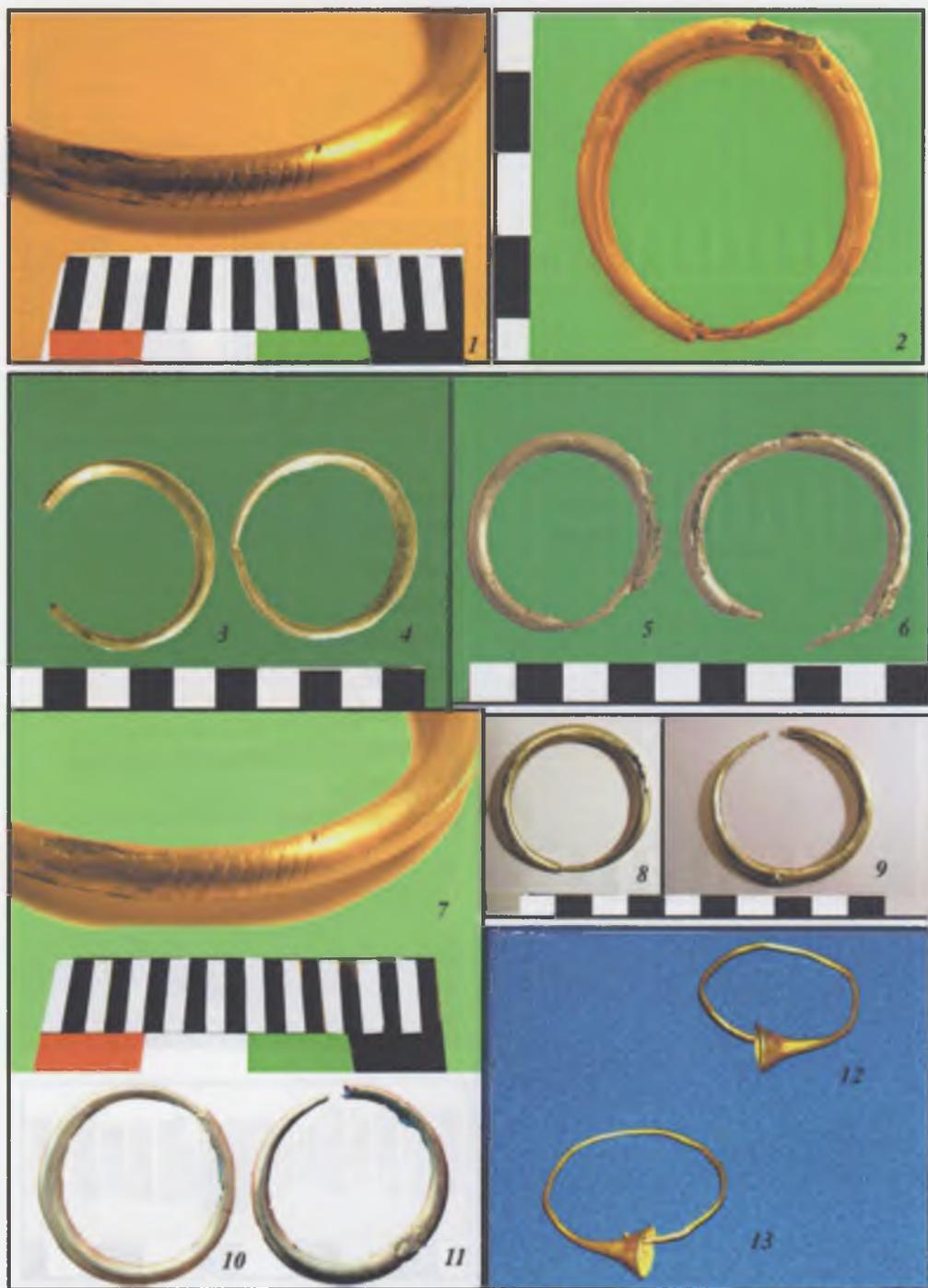

ПРИЛОЖЕНИЯ

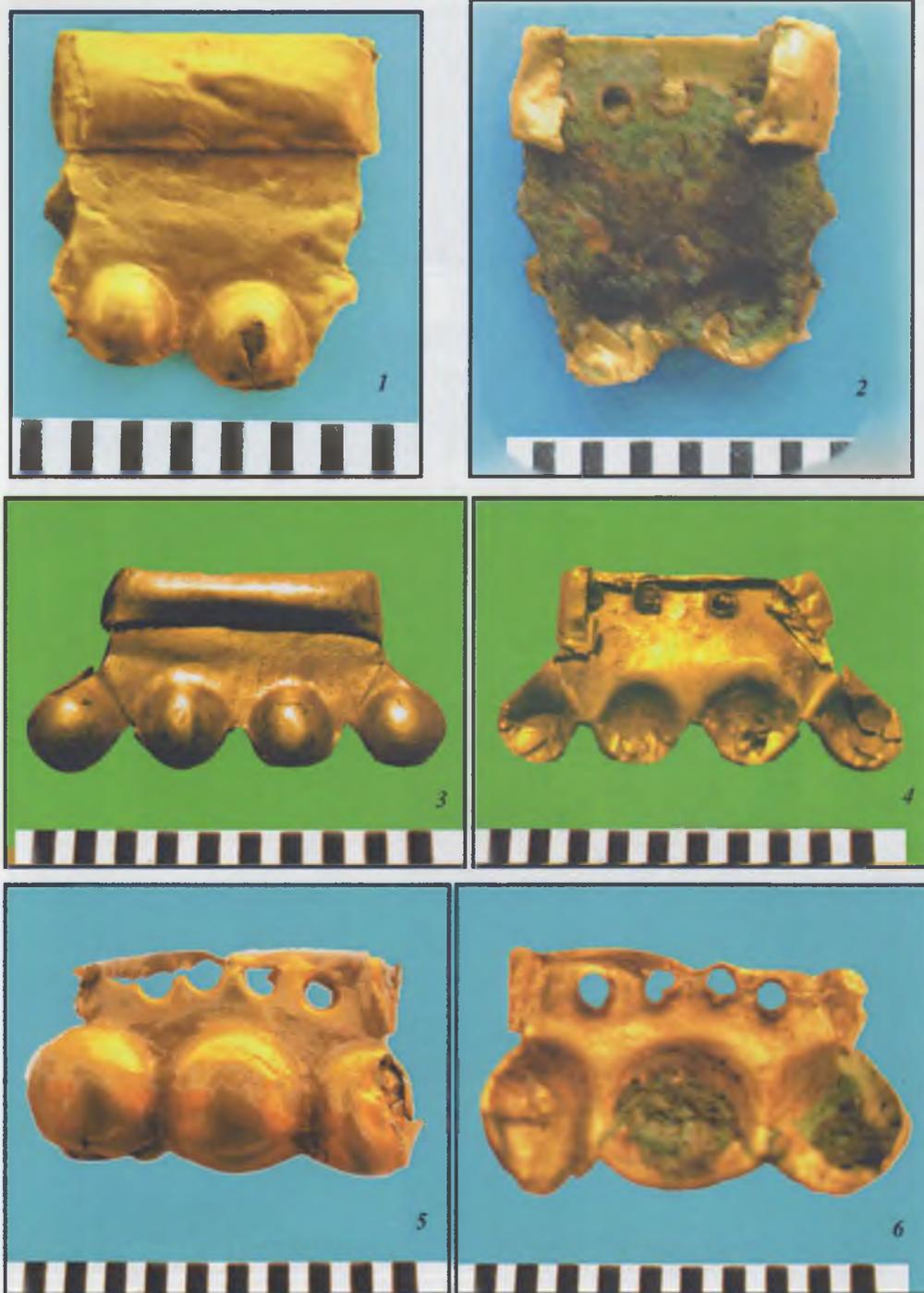
Цветная вклейка I. Рубчатые пронизы и обоймы. Золотая фольга на бронзовой основе: 1, 2, 7, 8, 10 – могила №35; 3, 4, 6, 9 – могила №24; 5 – могила №21; 11, 12 – могила №1

Цветная вклейка II. Кольца. Золотая фольга на бронзовой основе: 1, 7 – насечки на кольце из могилы №24; 2–4 – могила №24; 5, 6 – могила №21; 8 – могила №35; 9 – могила №1; 10, 11 – из фондов Кемеровского областного краеведческого музея. Золото: 12, 13 – могила №4

Цветная вклейка III. Подвески в полтора оборота. Золотая фольга на бронзовой основе: 1, 4 – могила №24; 2 – могила №21; 3, 5, 7 – могила №1; 6 – могила №35

Цветная вклейка IV. Лапчатые привески. Золотая фольга на бронзовой основе:
1, 2 – могила №35; 3, 4 – могила №1; 5, 6 – могила №24

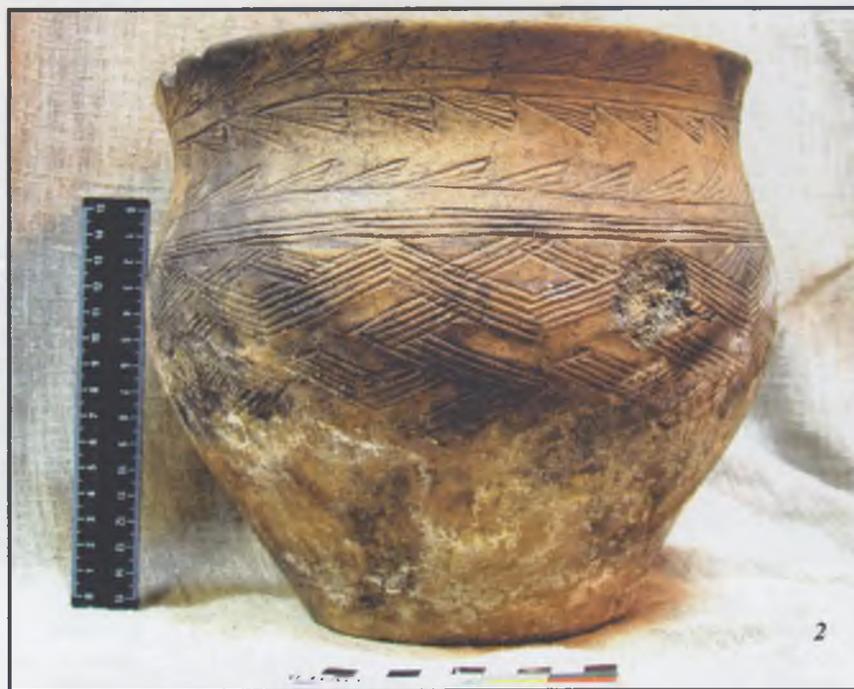
Цветная вклейка V. Трапециевидные и четырехугольные нашивные пластинки из могилы №1. Золотая фольга на бронзовой основе

Цветная вклейка VI. Погребальный инвентарь и предметы с территории могильника: 1 – раковины «*corbicula fluminalis*» (могила №1); 2, 3 – бронзовые «ножевидные» подвески (могила №1); 4 – керамический сосуд (могила №2); 5, 6 – шлифованное тесло из фондов Кемеровского областного краеведческого музея

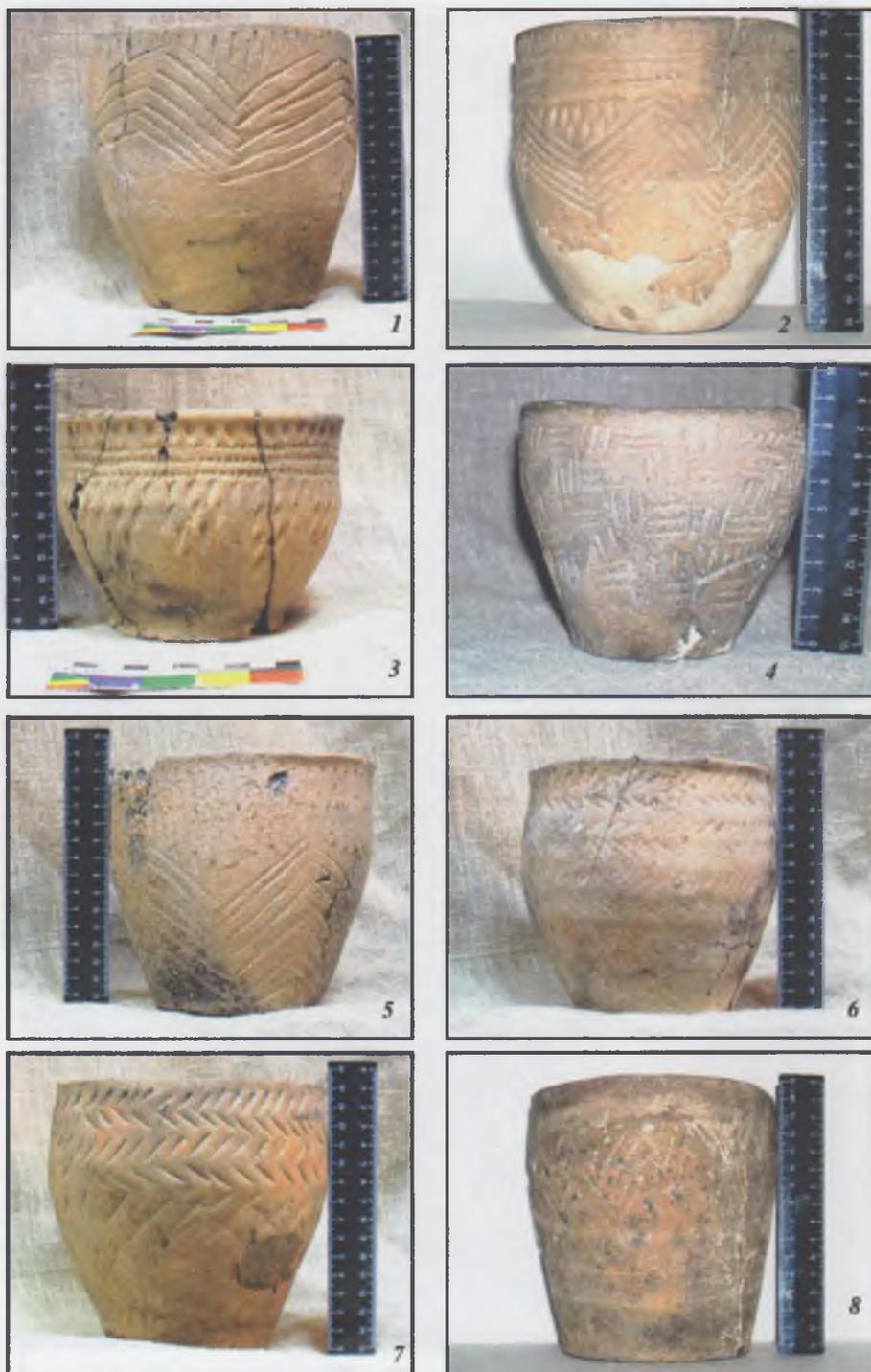
Цветная вклейка VII. Бронзовые украшения: 1 – бусы (могила №1); 2, 6 – бляшка (могила №20); 3, 4 – обоймы (могила №17); 5 – фрагмент кожаного ремешка (могила №24); 7, 16 – бляшки (могила №17); 8 – фрагмент кольца и бусины (могила №24); 9, 10 – бусы (могила №21); 11 – серьга (могила №12); 12 – серьга с раструбом (могила №26); 13 – серьга с раструбом (могила №23); 14, 15 – бусины (могила №21); 17 – серьга (могила №17); 18 – серьга (могила №8); 19 – бусы (могила №24)

Цветная вклейка VIII. Керамические сосуды из фондов Кемеровского областного краеведческого музея

Цветная вклейка IX. Керамические сосуды: 1 – могила №23; 3 – из фондов Кемеровского областного краеведческого музея; 2, 4 – могила №21; 5 – сосуд №2, могила №8; 6 – могила №7

Цветная вклейка X. Керамические сосуды из фондов Кемеровского областного краеведческого музея

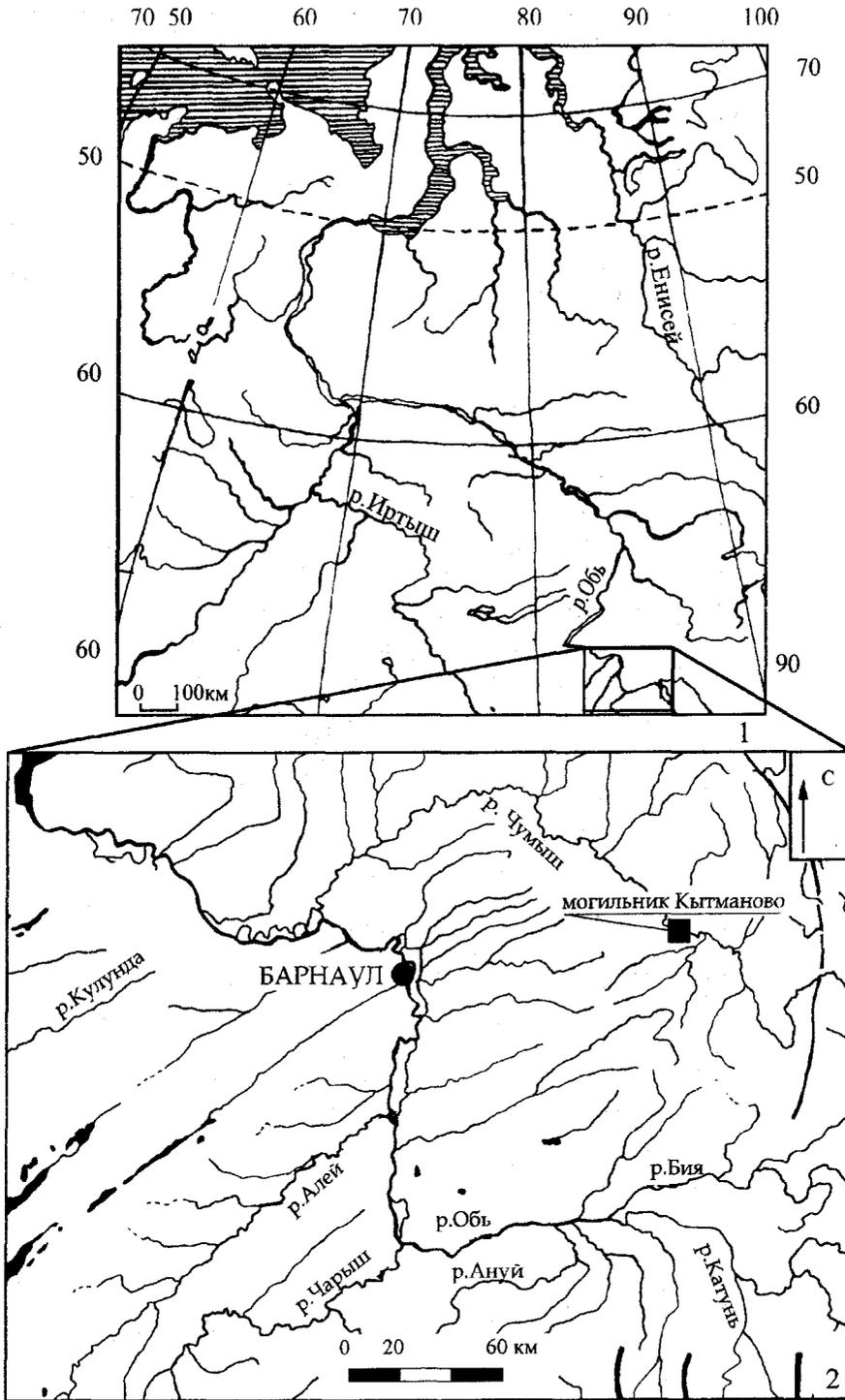

Рис. 1. Месторасположение памятника Кытманово на карте:
1 – Западной Сибири; 2 – Верхнего Приобья

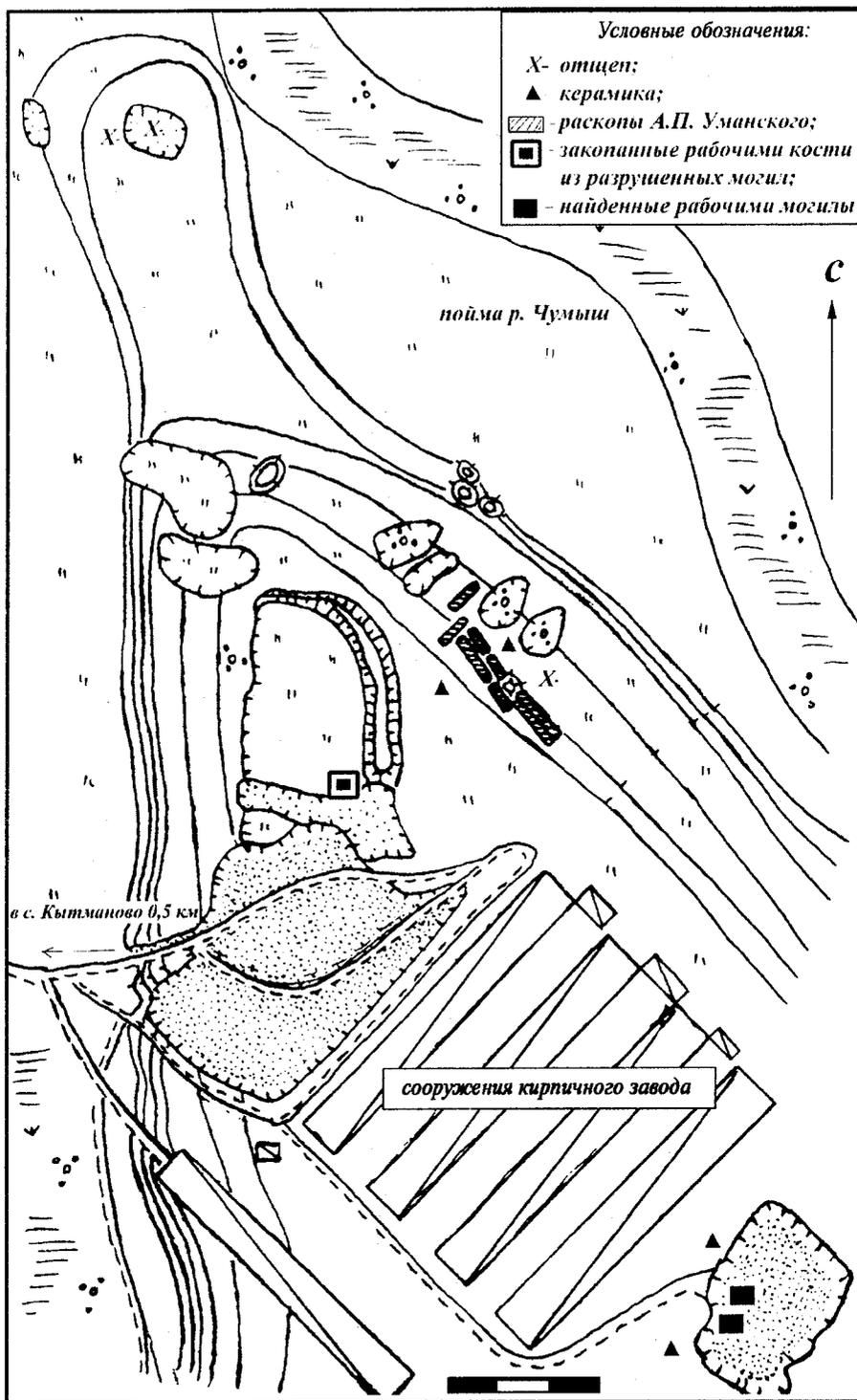

Рис. 2. Ситуационный план могильника

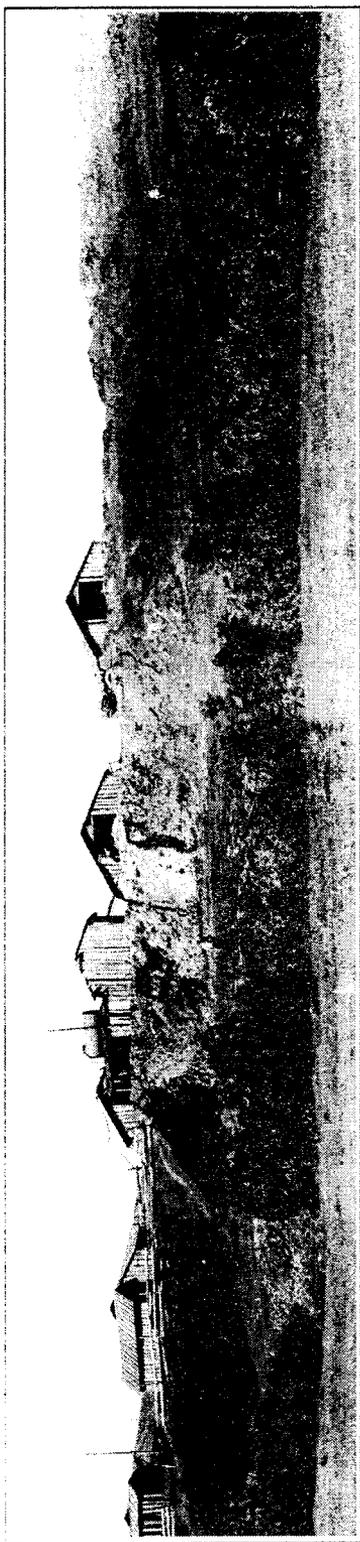

Рис. 3. Вид с северо-востока на мыс, на котором расположен памятник

Рис. 4. Вид с юга на карьер кирпичного завода

Рис. 5. Вид с юго-востока на карьер кирпичного завода

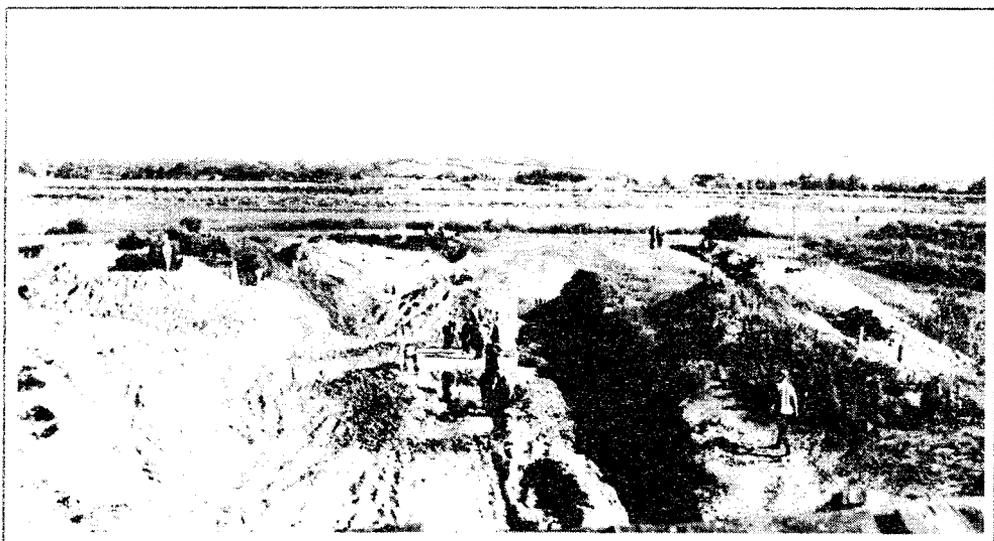

Рис. 6. Вид с юго-востока на процесс раскопок в карьере

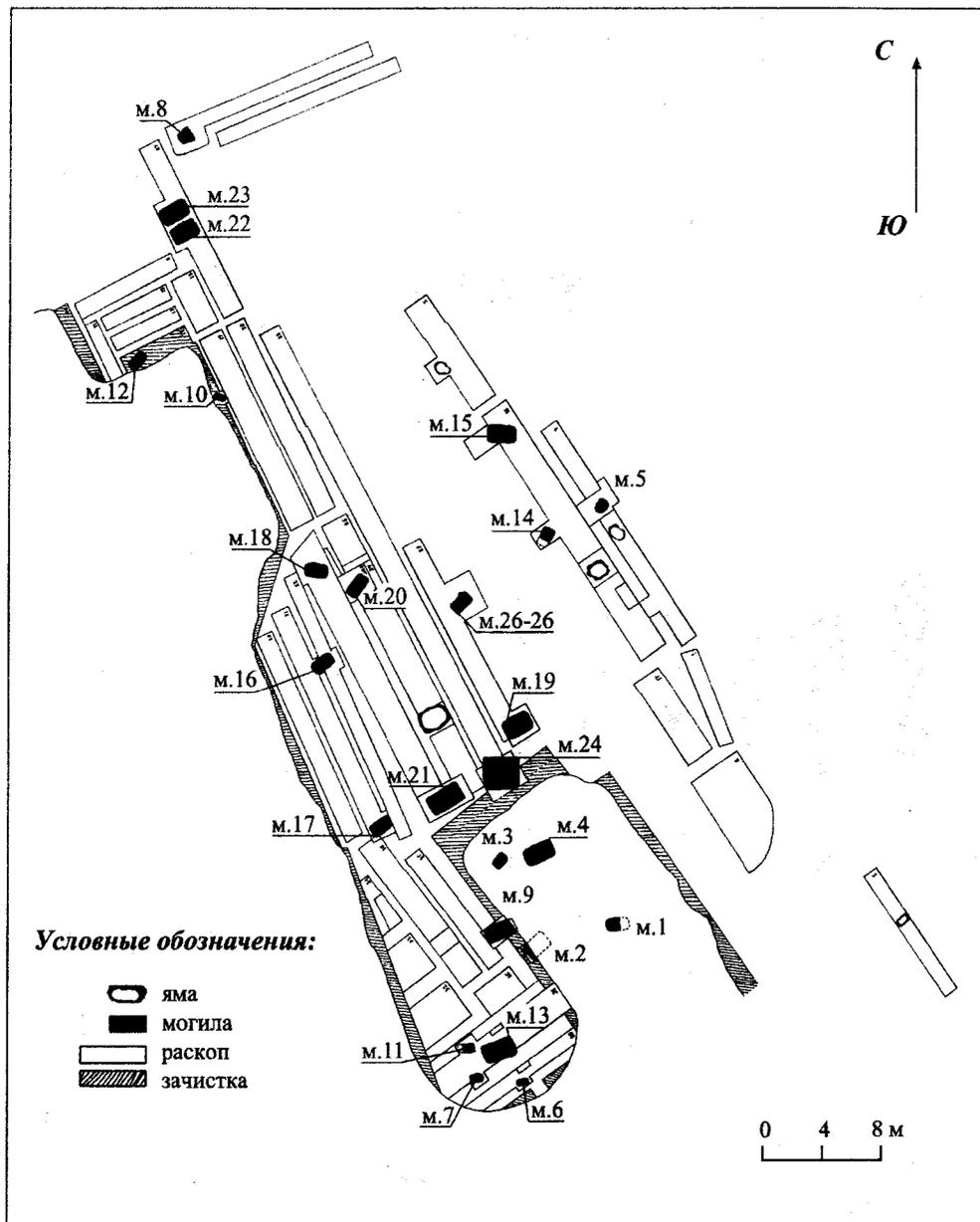

Рис. 7. План раскопов 1962 г.

Рис. 8. План могилы №1 и находки из нее: 1 – план могилы; 2 – бронзовые подвески; 3 – бронзовый браслет; 4 – браслет из бронзовых бусин

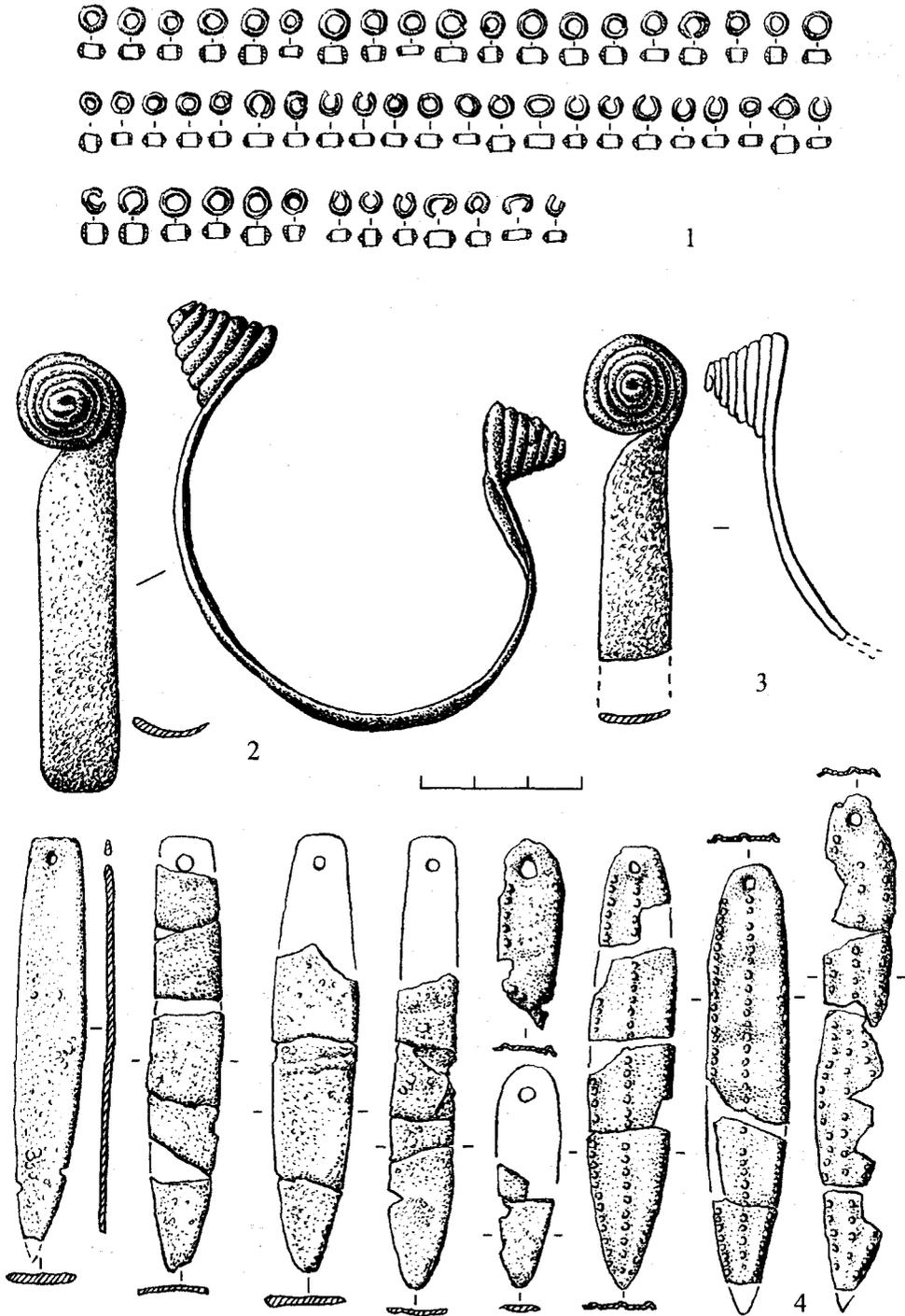

Рис. 9. Могила №1. Бронзовые украшения: 1 – бусины, 2, 3 – браслет, 4 – подвески

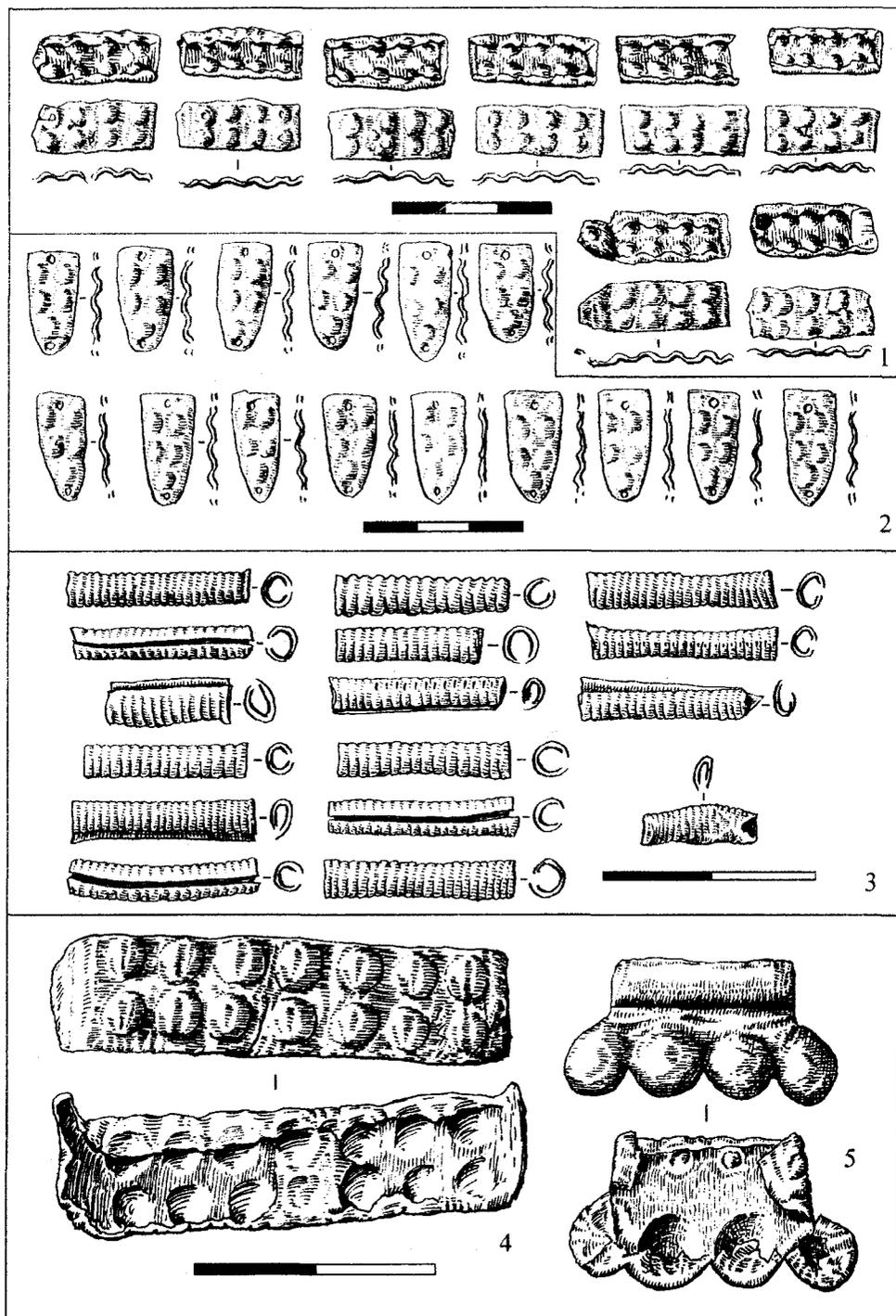

Рис. 10. Могила №1. Украшения на бронзовой основе, обернутой золотой фольгой:
 1 – прямоугольные нашивки; 2 – трапециевидные нашивки; 3 – пронизы с гофрированным орнаментом; 4 – прямоугольная обойма; 5 – «лапчатая» подвеска

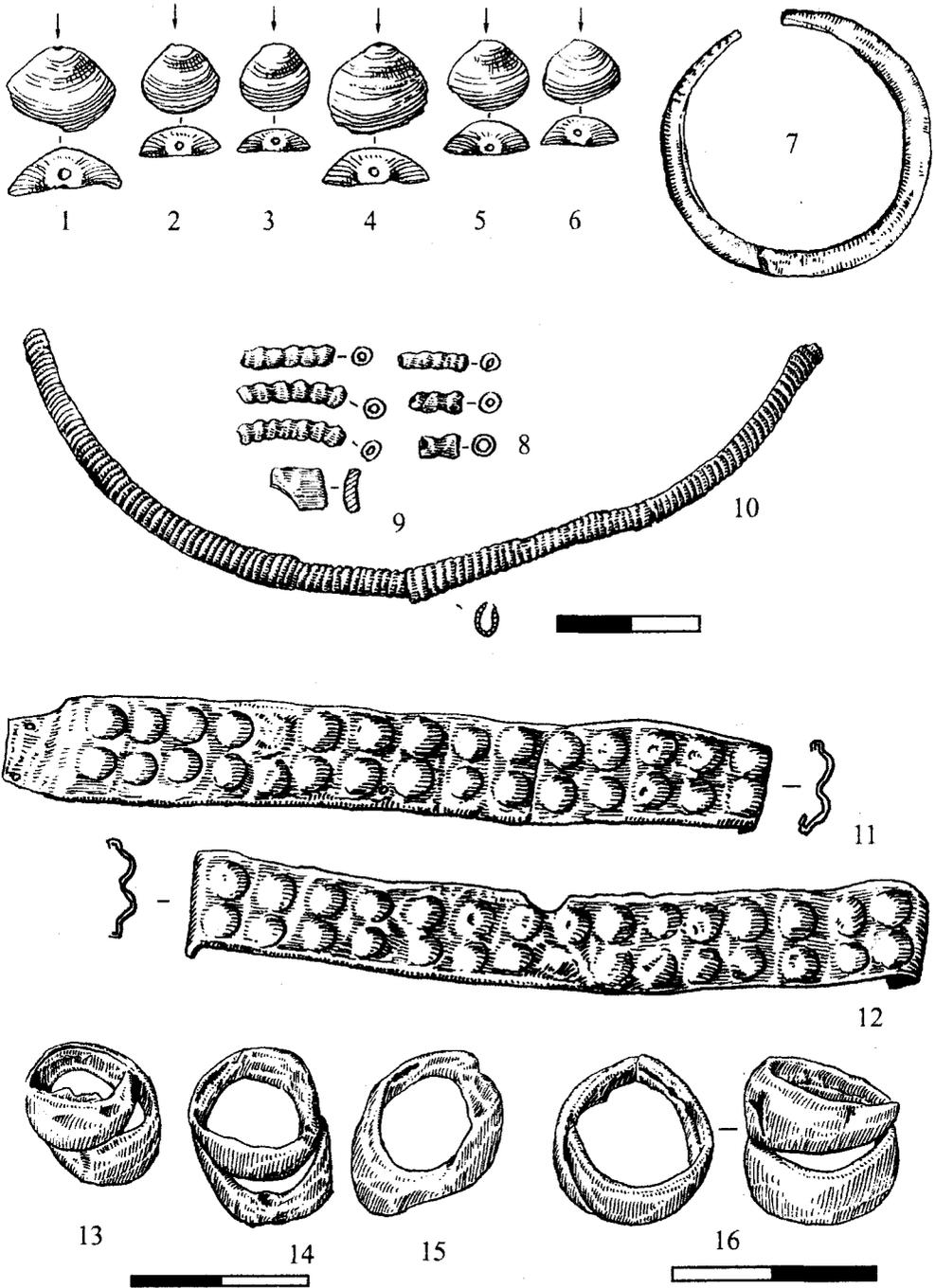

Рис. 11. Могила №1. Украшения: 1-6 – раковины «*corbicula fluminalis*»; 7 – золотая серьга; 8 – пастовые бусины; 9 – обломок пастовой пластинки; 10 – гофрированная пронизь; 11, 12 – золотые нашивки; 13-16 – золотые подвески в полтора оборота

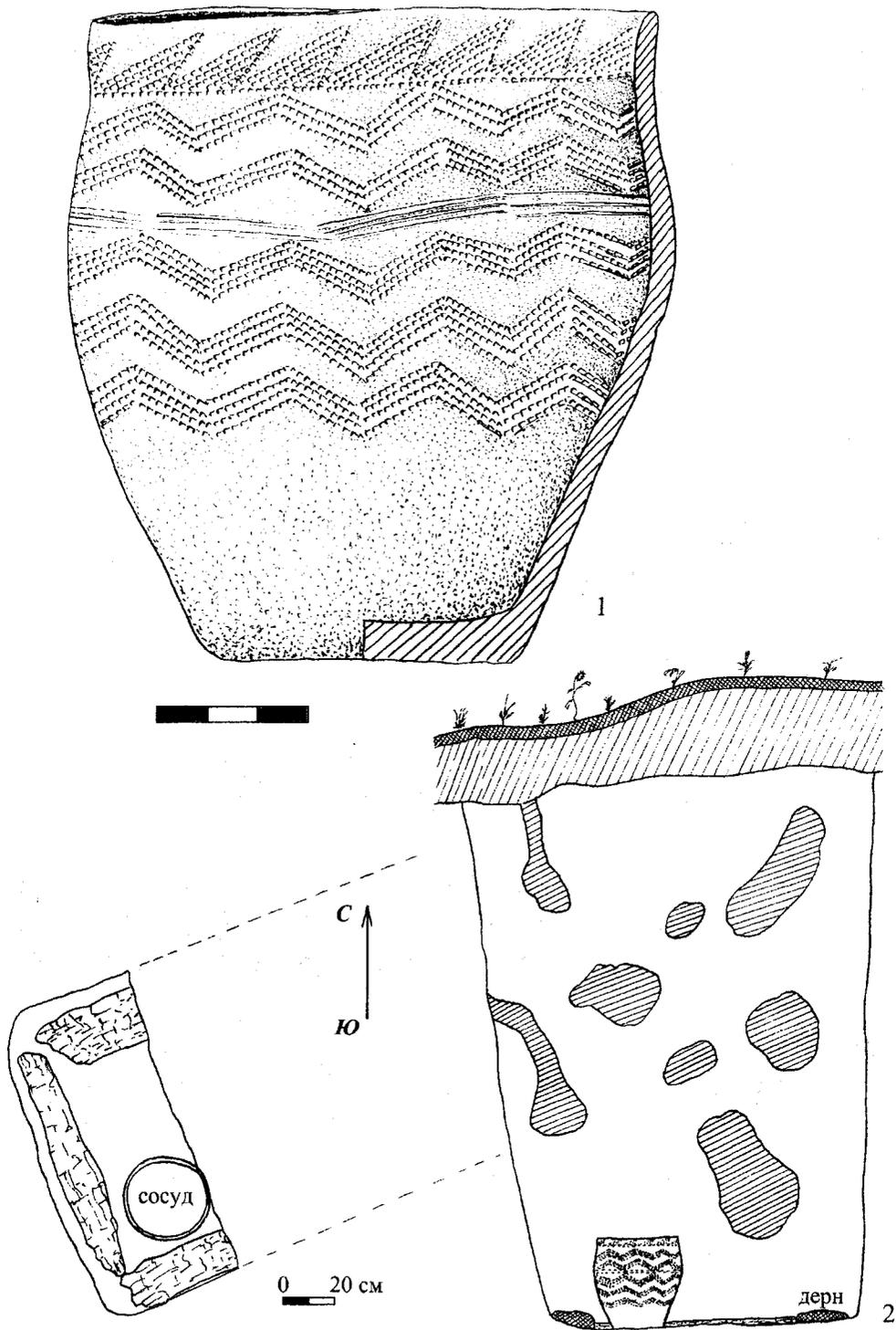
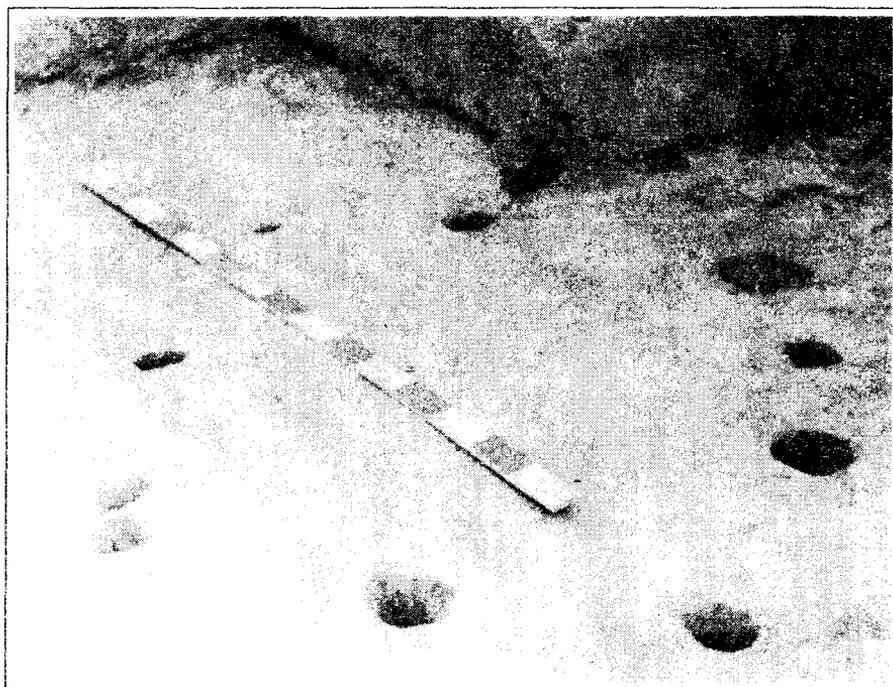

Рис. 12. Могила №2: 1 – керамический сосуд; 2 – план и разрез могилы

1

2

Рис. 13. Могила №3: 1 - вид на столбовые ямы, вокруг могилы;
2 - вид на могилу после зачистки по дну

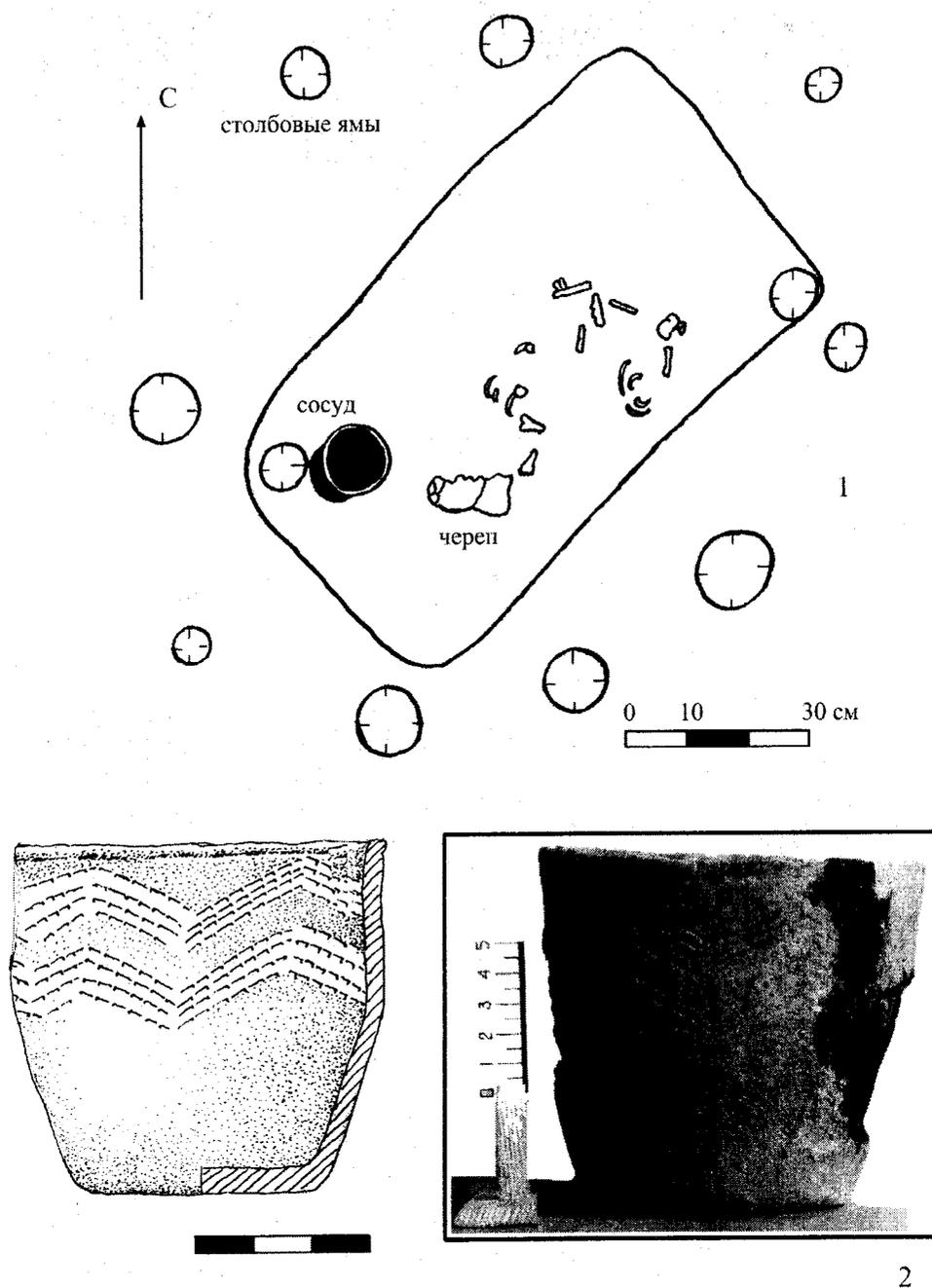

Рис. 14. Могила №3: 1 – план могилы; 2 – керамический сосуд

На плане обозначено:

- 1 - сосуд;
- 2 - кости животного;
- 3 - фаланги пальцев рук;
- 4 - золотая серьга

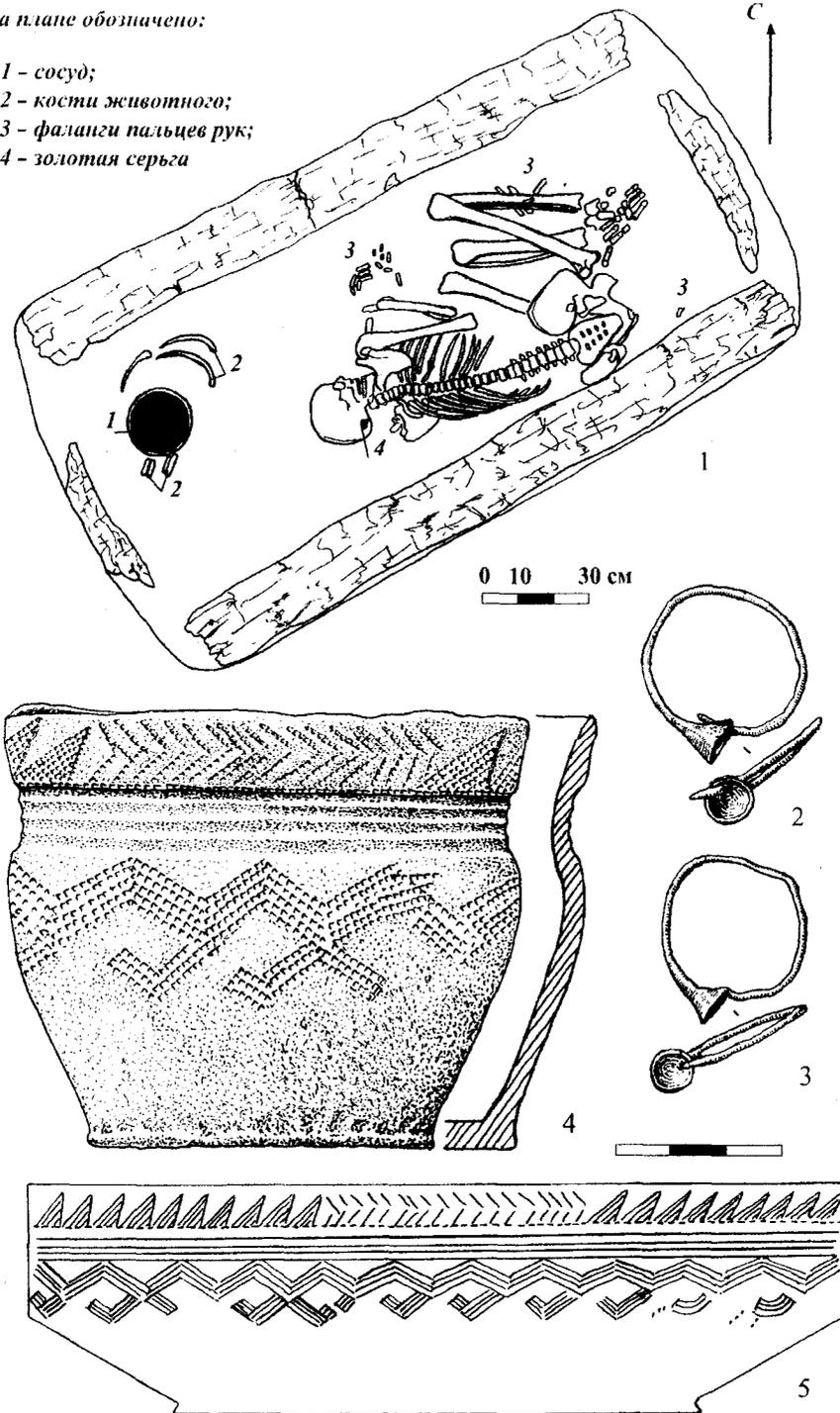

Рис. 15. Могила №4: 1 - план могилы; 2, 3, - золотые серьги; 4 - керамический сосуд; 5 - развертка орнамента на керамическом сосуде

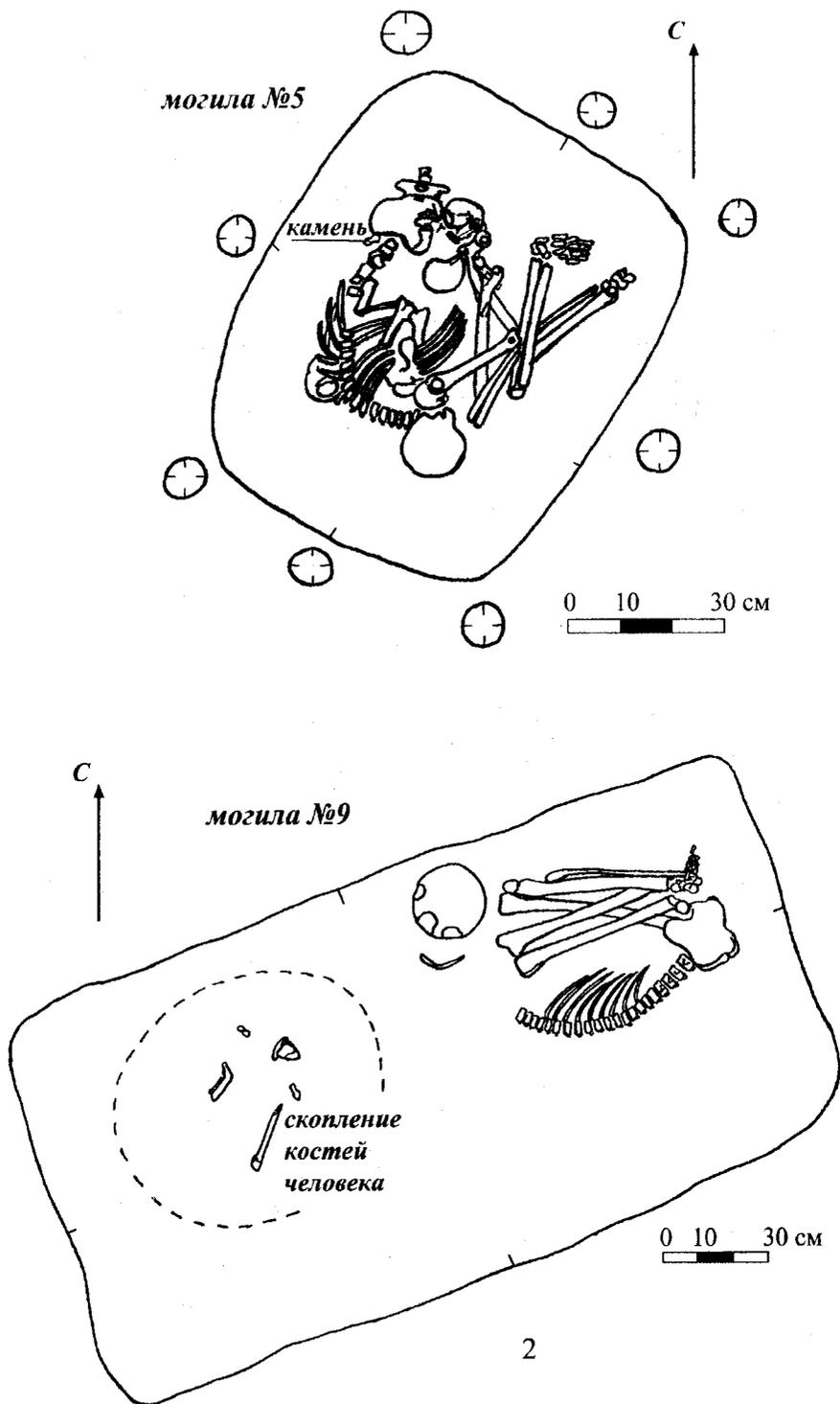

Рис. 16. Планы могил №5, 9

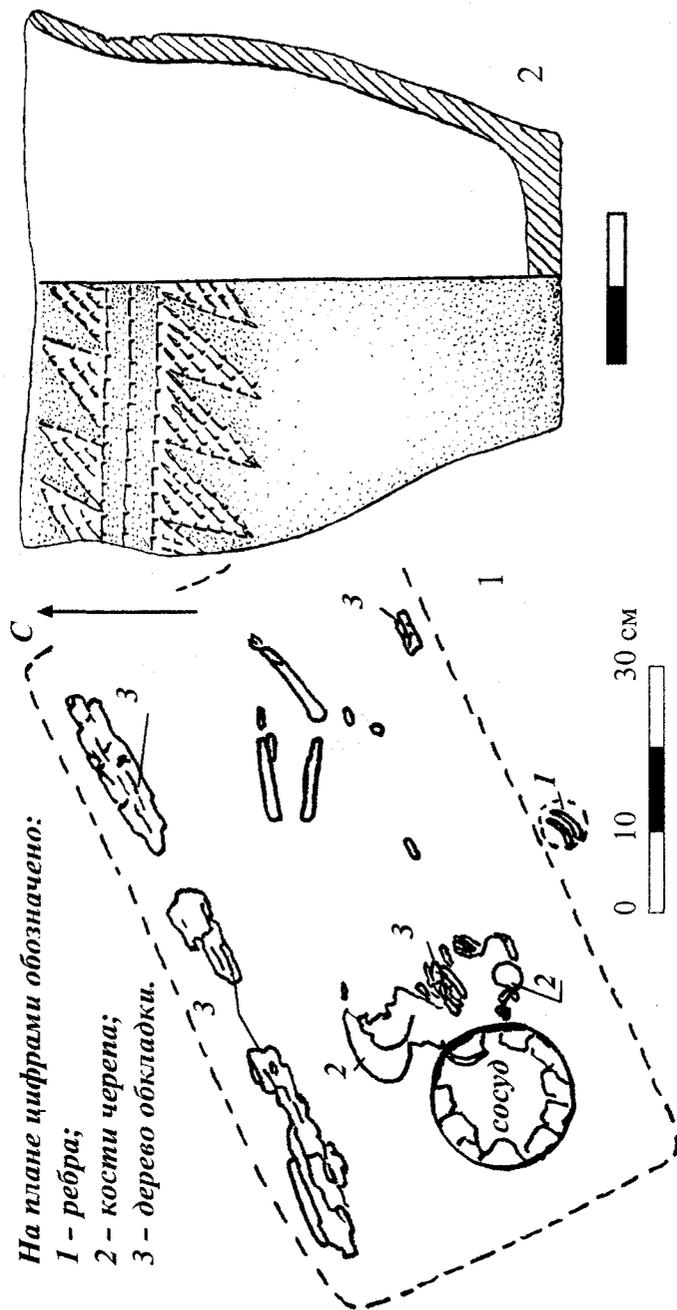

Рис. 17. Могила №6: 1 — план могилы; 2 — керамический сосуд

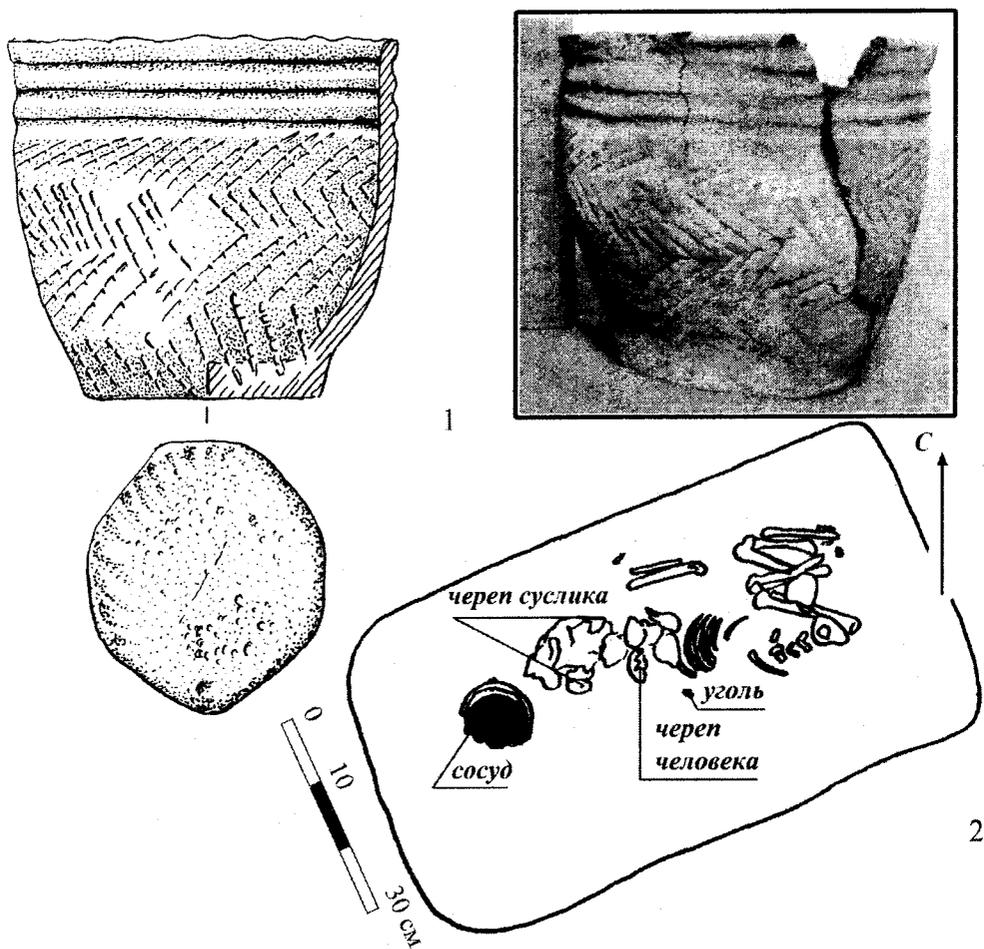

Рис. 18. Могила №7: 1 – керамический сосуд; 2 – план могилы

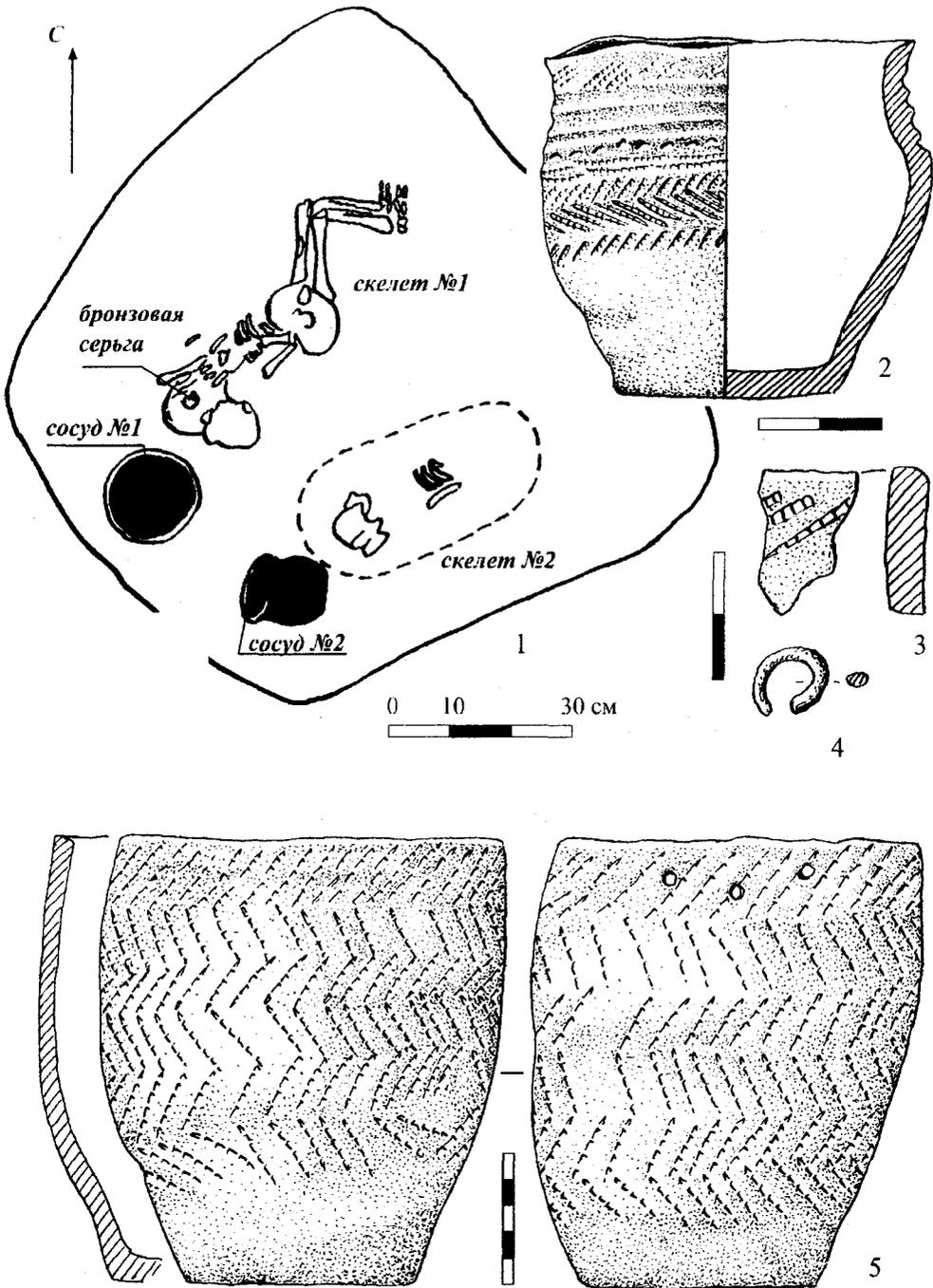

Рис. 19. Могила №8: 1 - план могилы; 2 - керамический сосуд №1; 3 - фрагмент керамики; 4 - бронзовая серьга; 5 - керамический сосуд №2

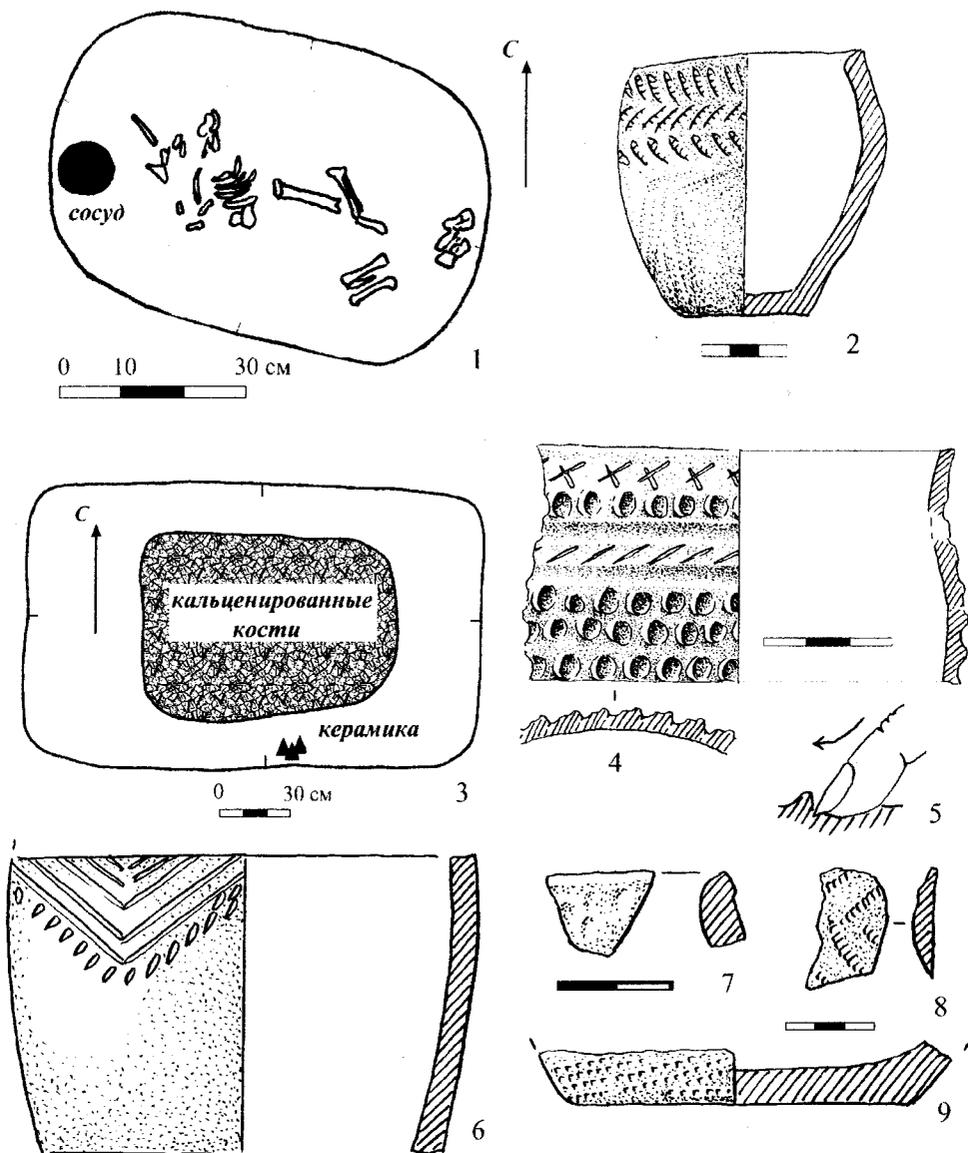

Рис. 20. Планы могил и керамика: 1 – план могилы №10; 2 – керамический сосуд из могилы №10; 3 – план могилы №15; 4 – реконструированный сосуд из могилы №15; 5 – реконструкция способа нанесения орнамента на сосуде из могилы №15; 6–9 – керамика из могилы №15

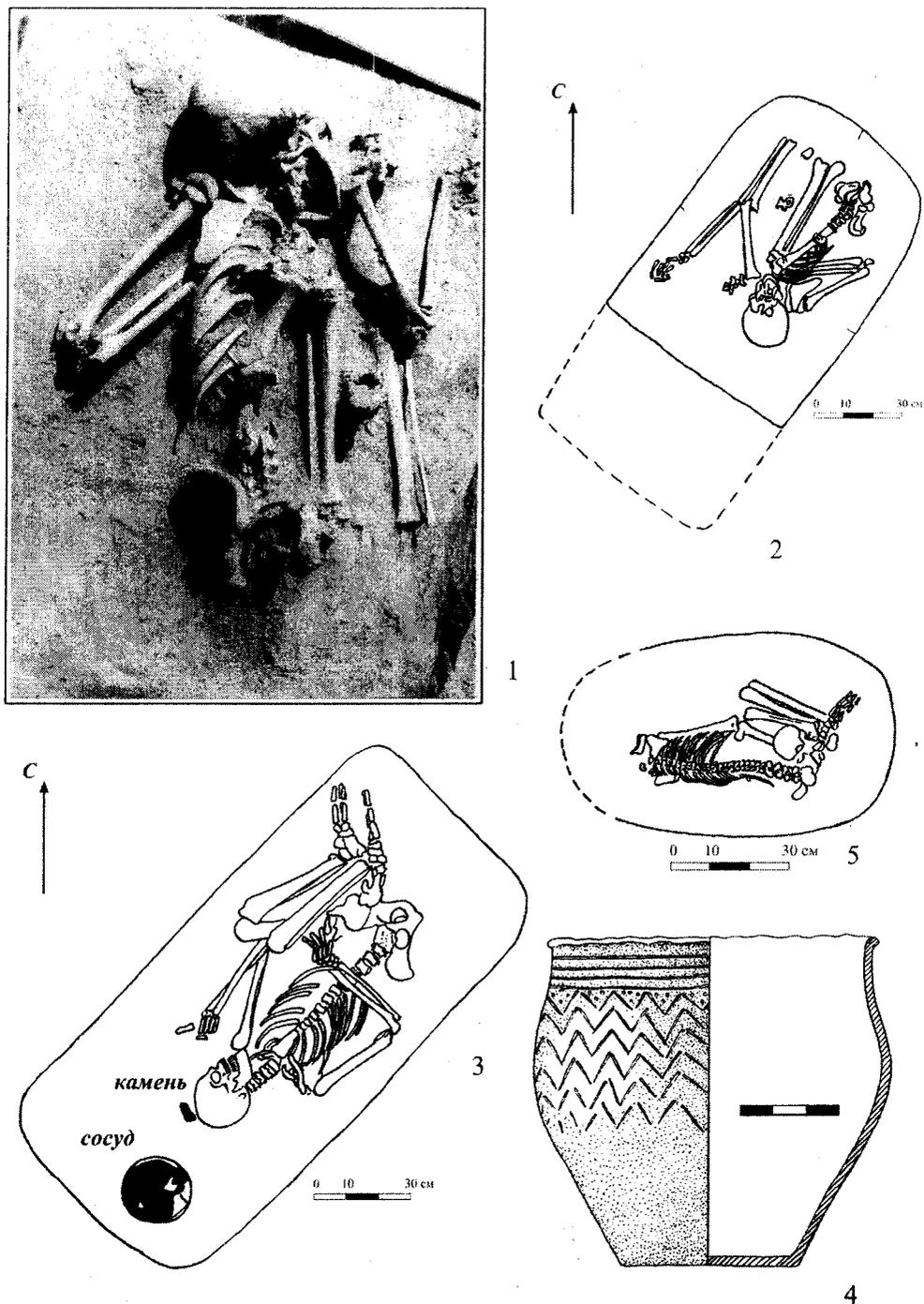
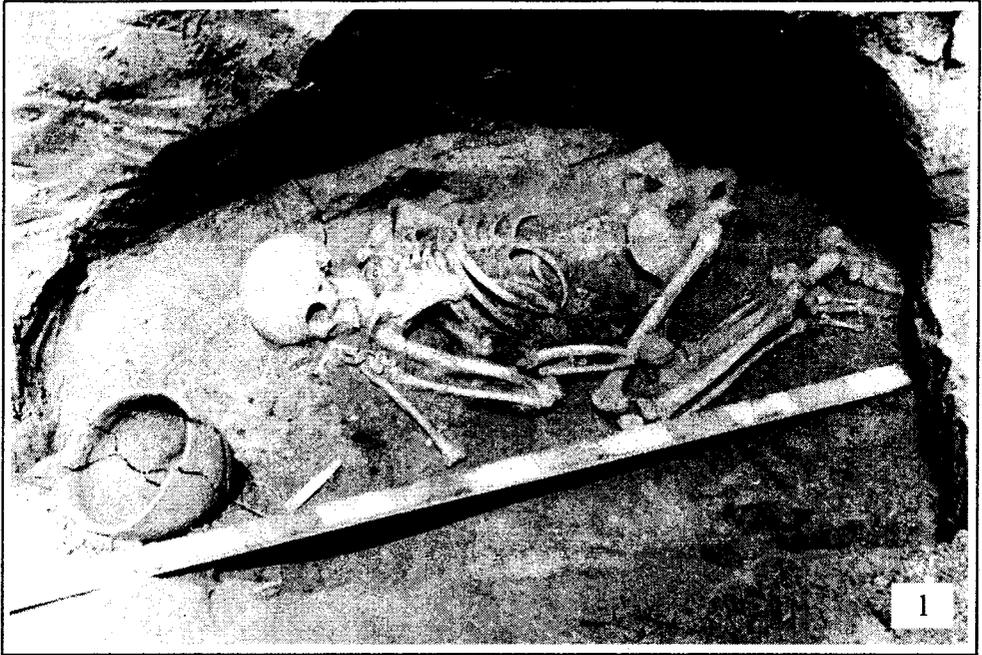

Рис. 21. Планы могил и керамика: 1 – вид на могилу №14; 2 – план могилы №14; 3 – план могилы №16; 4 – керамический сосуд из могилы №16; 5 – план могилы №11

На плане обозначены:

1 - костяное орудие (?);

2 - бронзовая серьга;

3 - обломок раковины;

4 - уголь;

5 - зуб

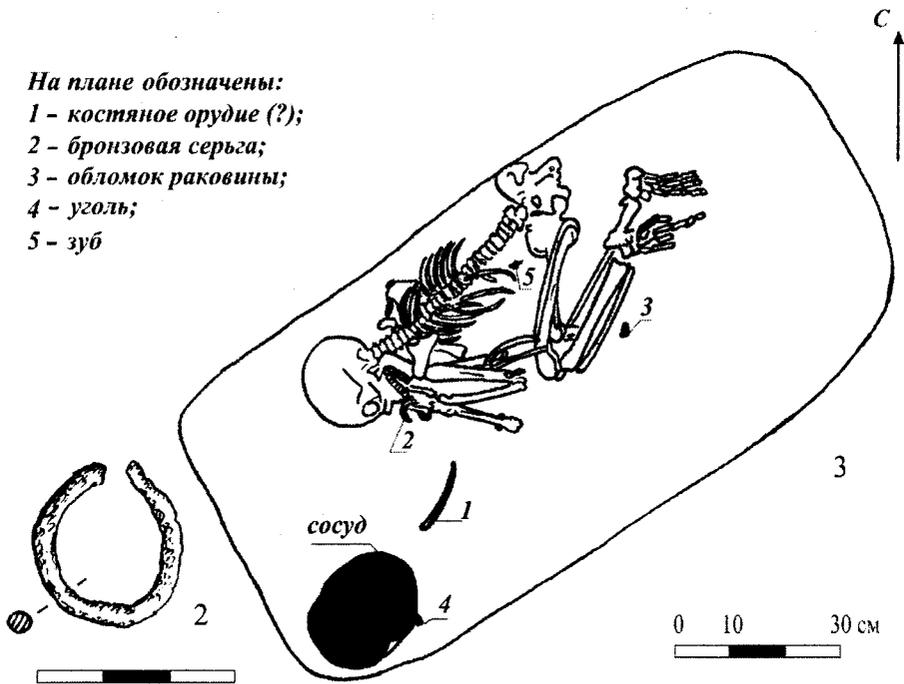
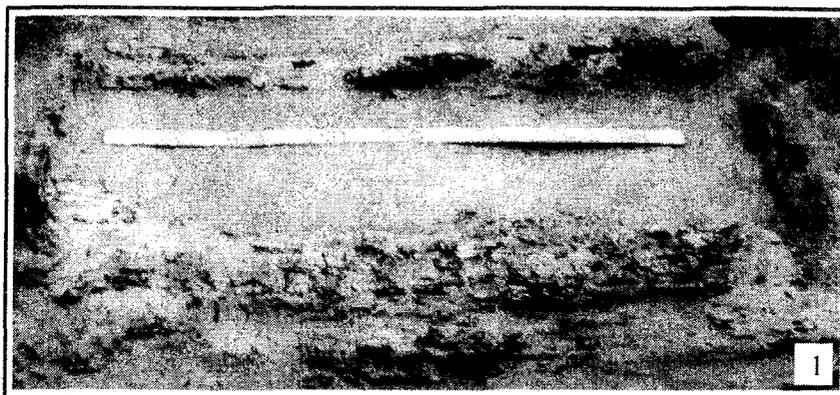

Рис. 22. Могила №12: 1 - вид на могилу с юга; 2 - бронзовая серьга; 3 - план могилы

На плане обозначены:
1 - фаланга пальца;
2 - зуб

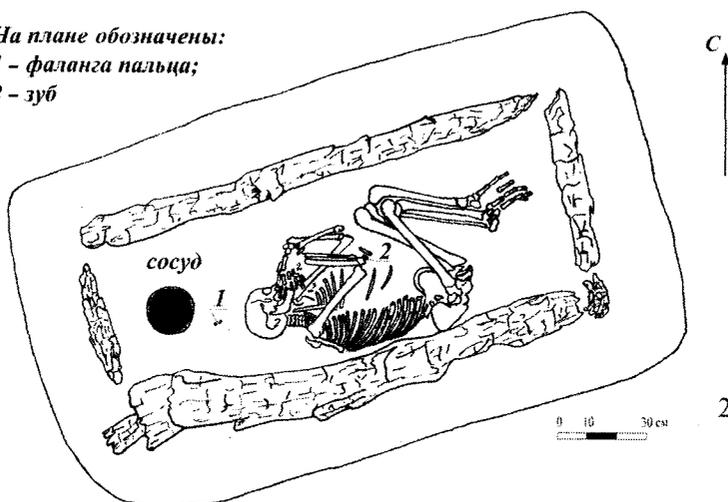

Рис. 23. Могила №13: вид на могилу до расчистки погребальной камеры (1) и после (3); 2 - план могилы

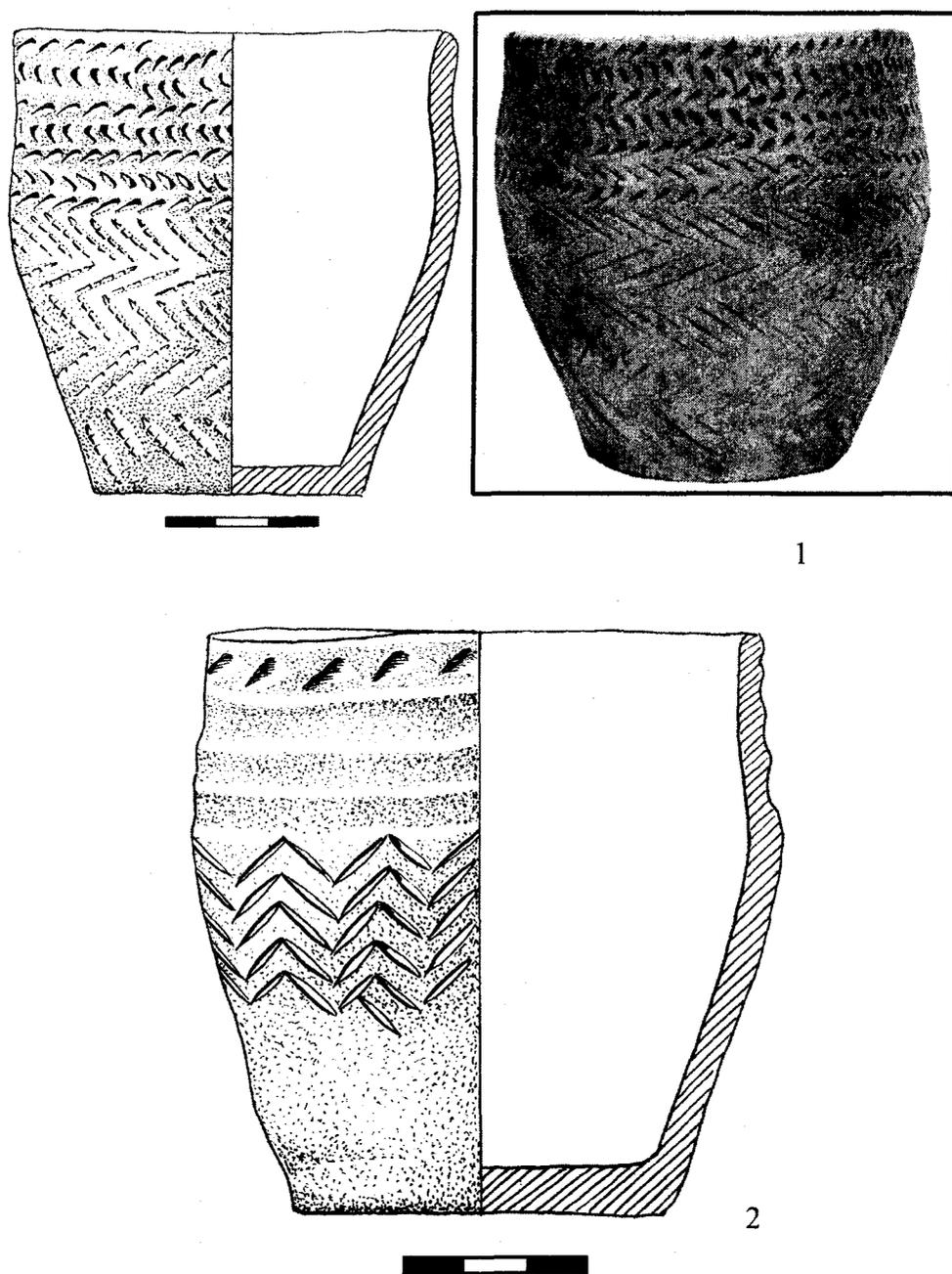

Рис. 24. Керамические сосуды: 1 – из могилы №12; 2 – из могилы №13

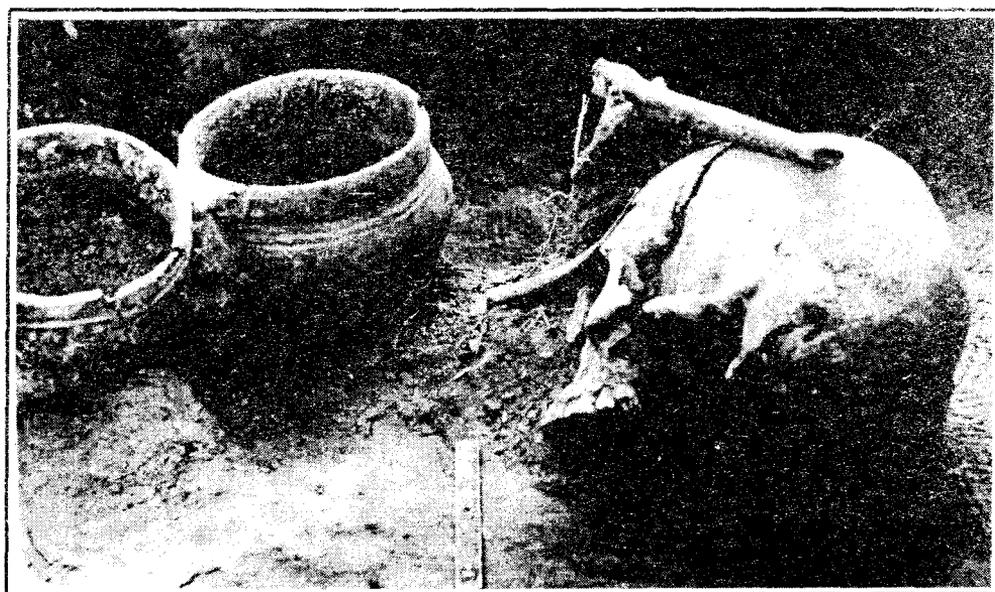

Рис. 25. Вид на могилу №17 (1); вид на сосуды и череп в могиле №17 (2)

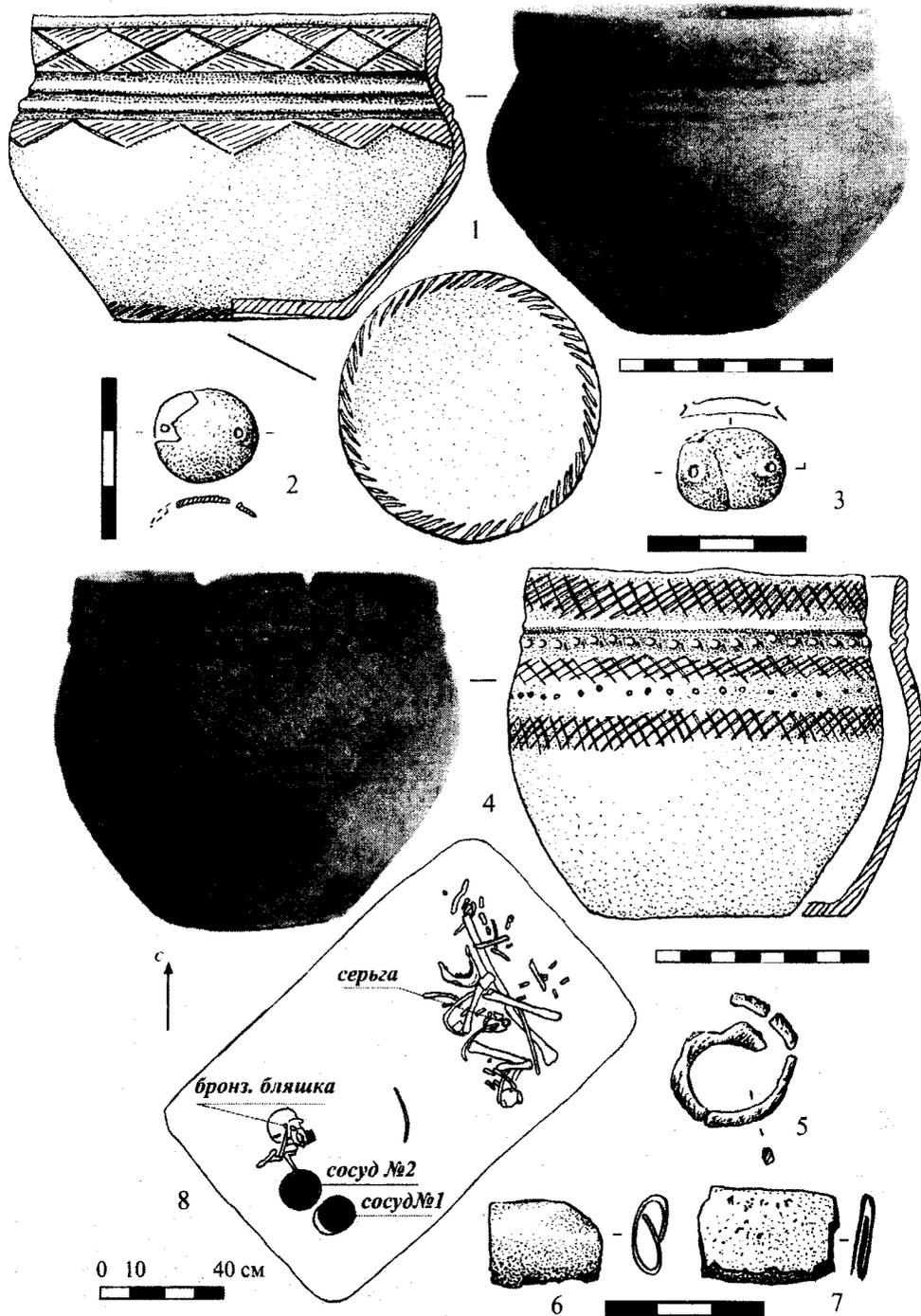
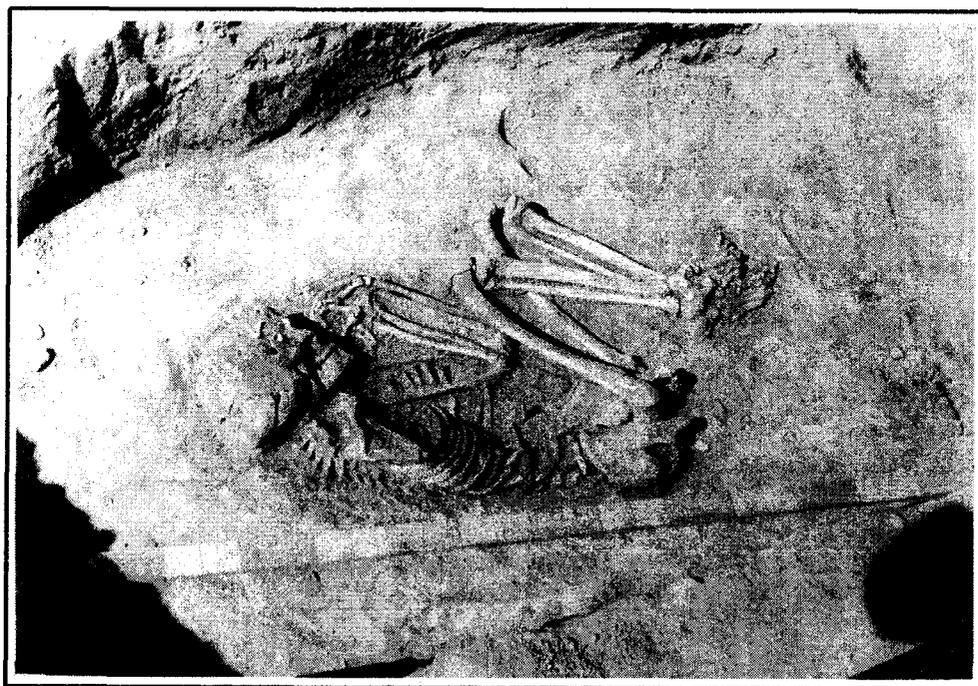
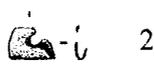

Рис. 26. Могила №17: 1 – керамический сосуд 1;
 2, 3 – бронзовые бляшки; 4 – керамический сосуд 2;
 5 – бронзовая серега; 6, 7 – бронзовые обоймы; 8 – план погребения

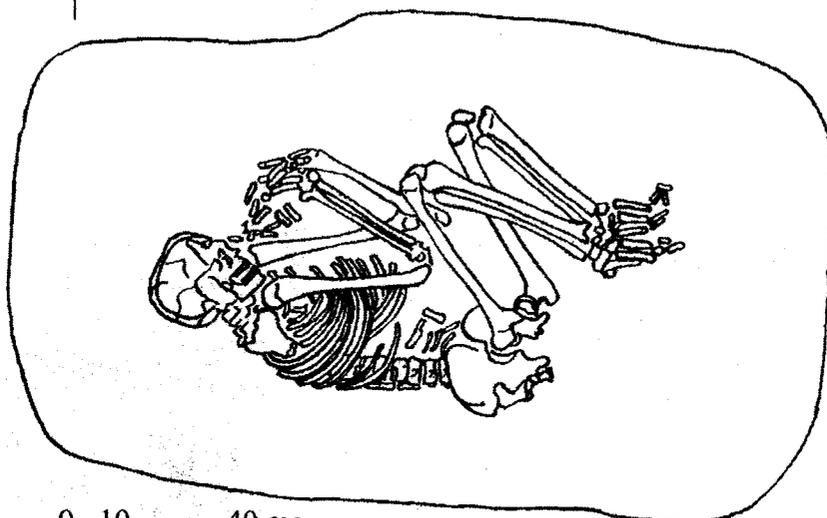

1

2

C

3

0 10 40 см

Рис. 27. Могила №18: 1 – вид на могилу; 2 – обломок бронзовой обоймы; 3 – план могилы

На плане обозначены:
1 - керамический сосуд;
2 - кости животного;
3 - фаланга пальца ноги;
4 - зубы

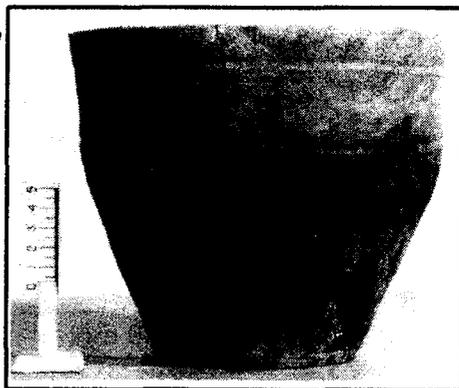
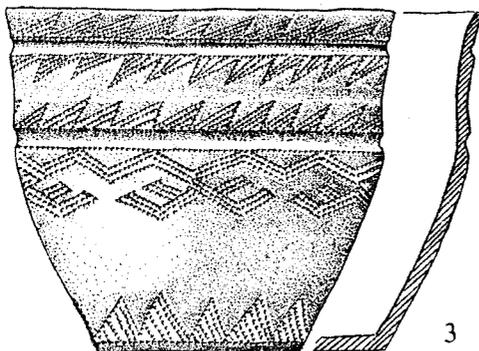
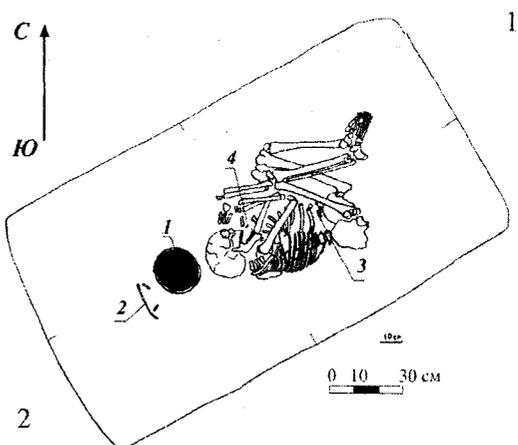

Рис. 28. Могила №19: 1 - вид на могилу; 2 - план могилы; 3 - керамический сосуд

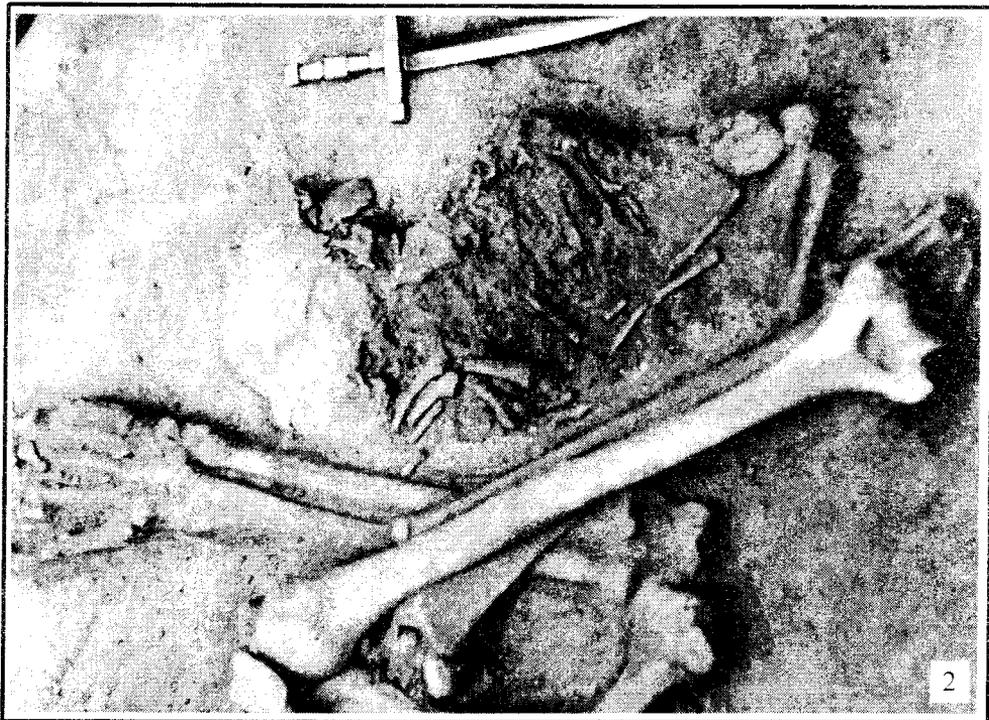
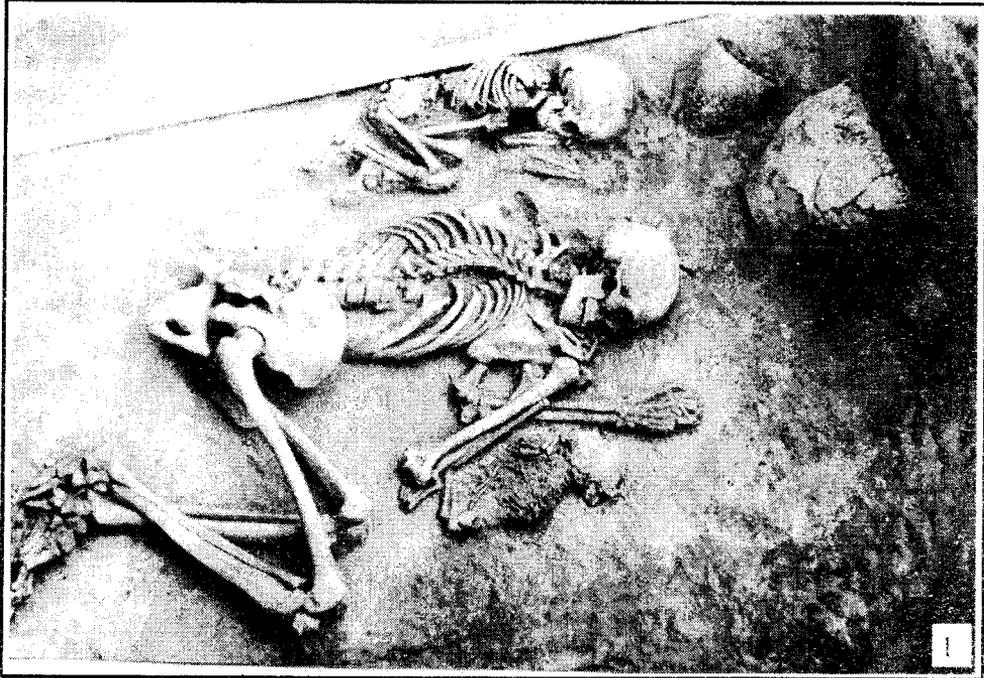

Рис. 29. Могила №20: 1 – вид на могилу; 2 – вид на погребение ребенка

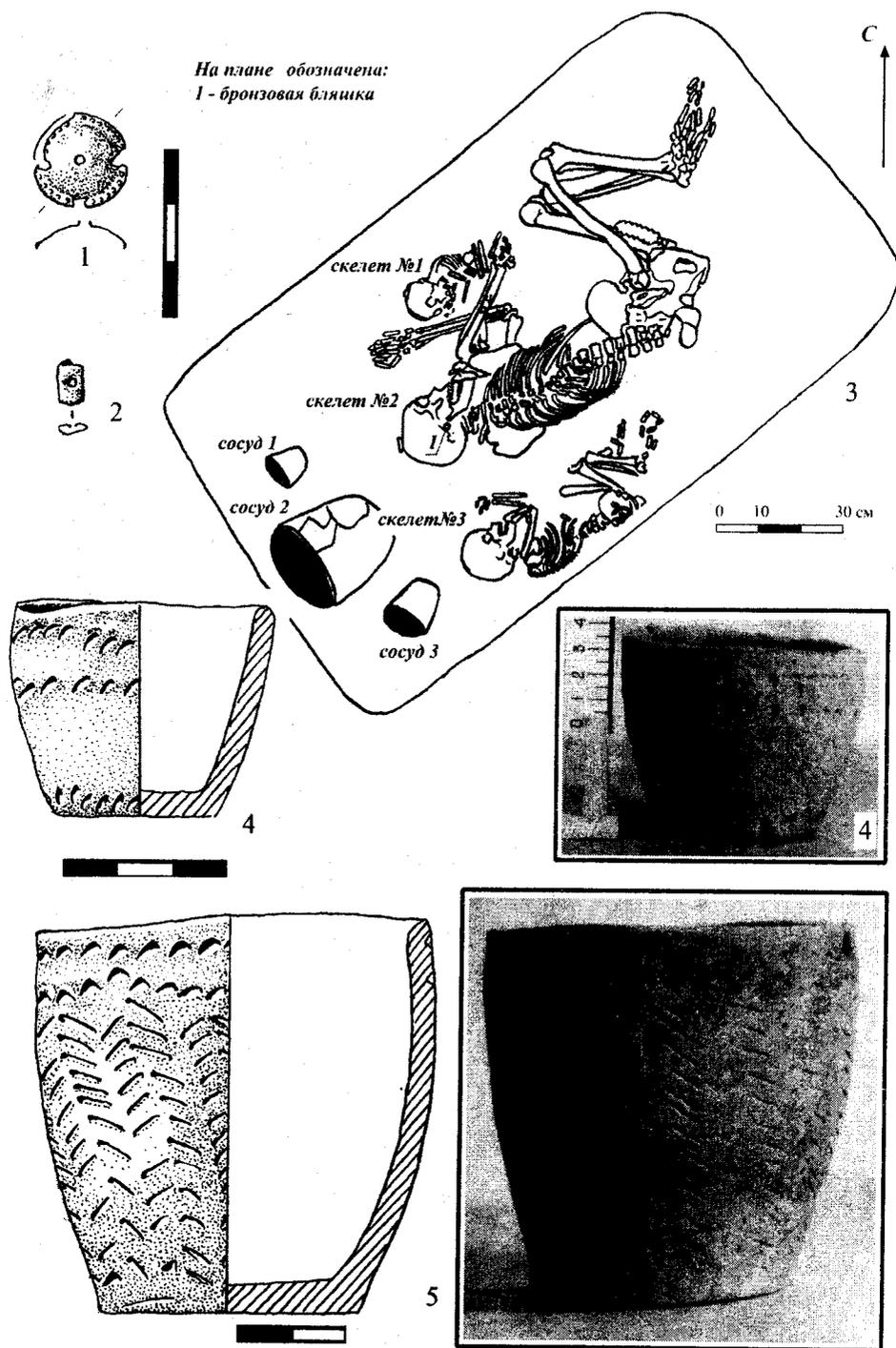

Рис. 30. Могила №20: 1 - бронзовая бляшка; 2 - бронзовая обойма; 3 - план могилы; 4 - керамический сосуд №1; 5 - керамический сосуд №3

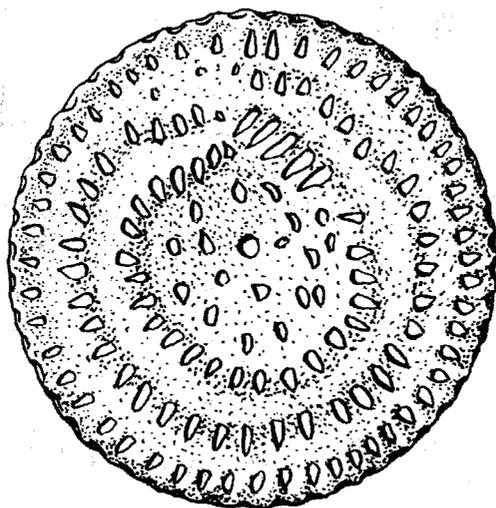
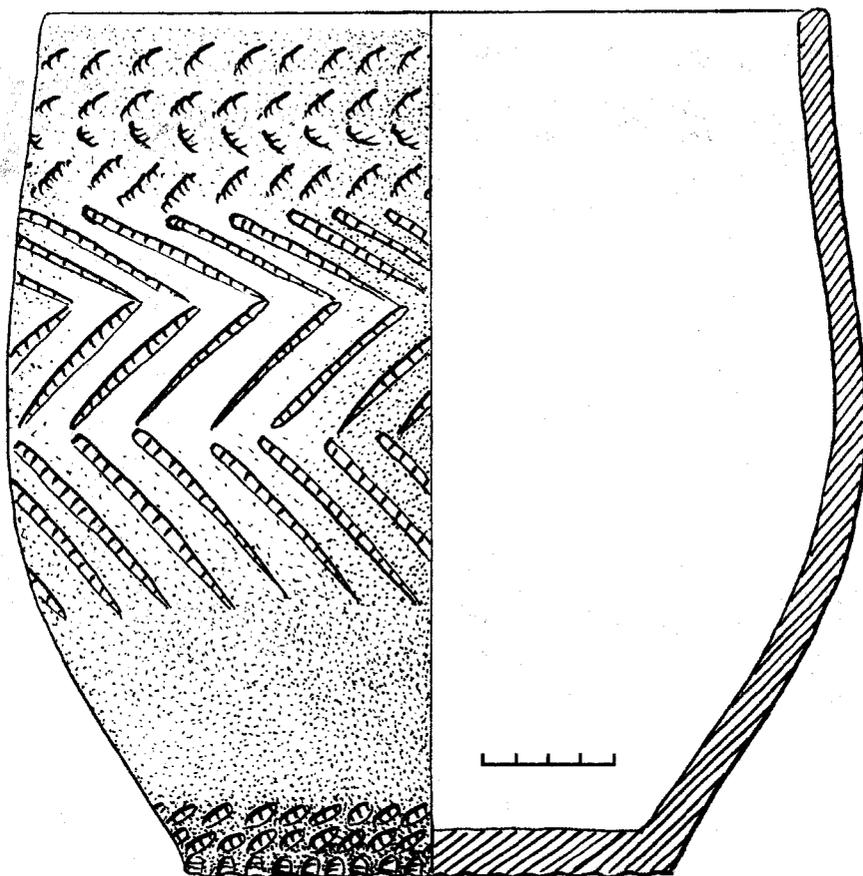

Рис. 31. Могила №20: керамический сосуд 2

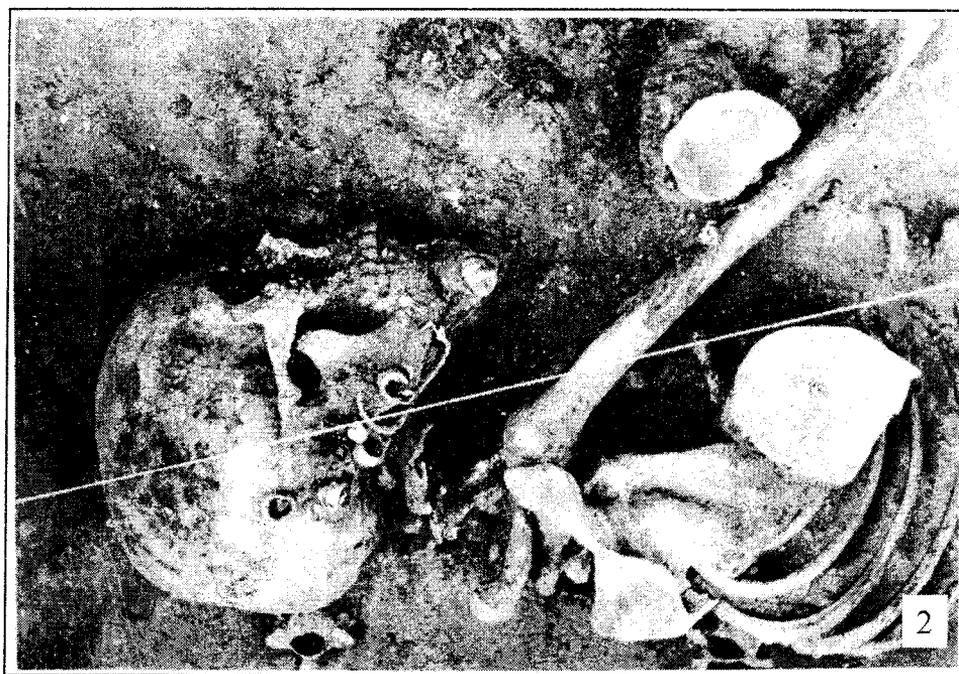
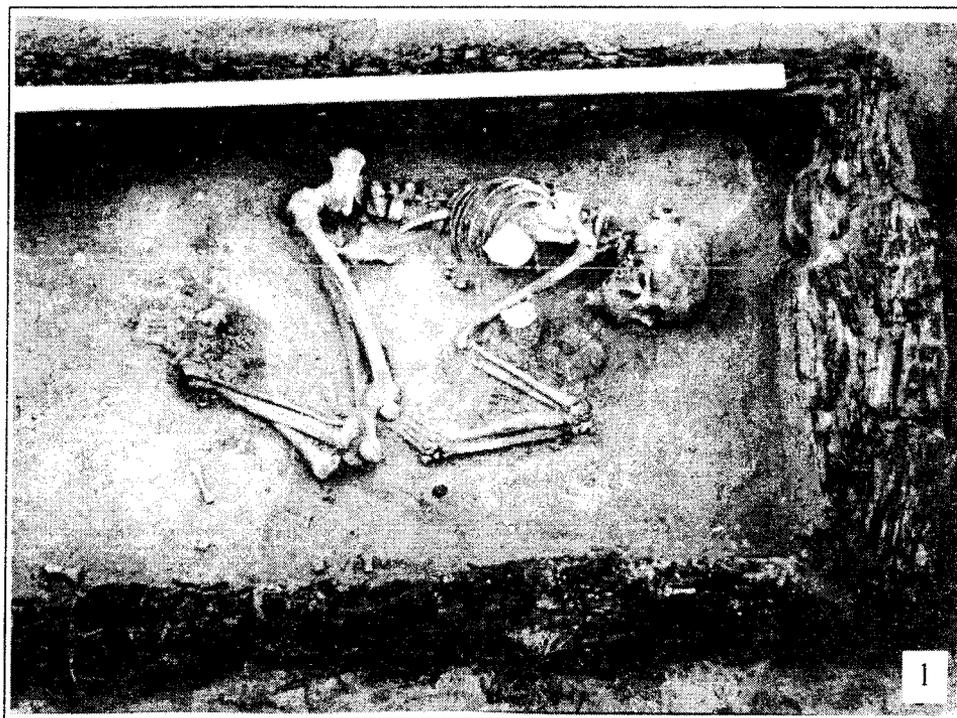

Рис. 32. Вид на могилу №21: 1 – вид на деревянный сруб и погребение в нем; 2 – вид на фрагмент скелета человека

На плане обозначены:

- 1 - бронзовые бусы;
- 2 - золотые подвески;
- 3 - скелет ребенка;
- 4 - золотая серьга.

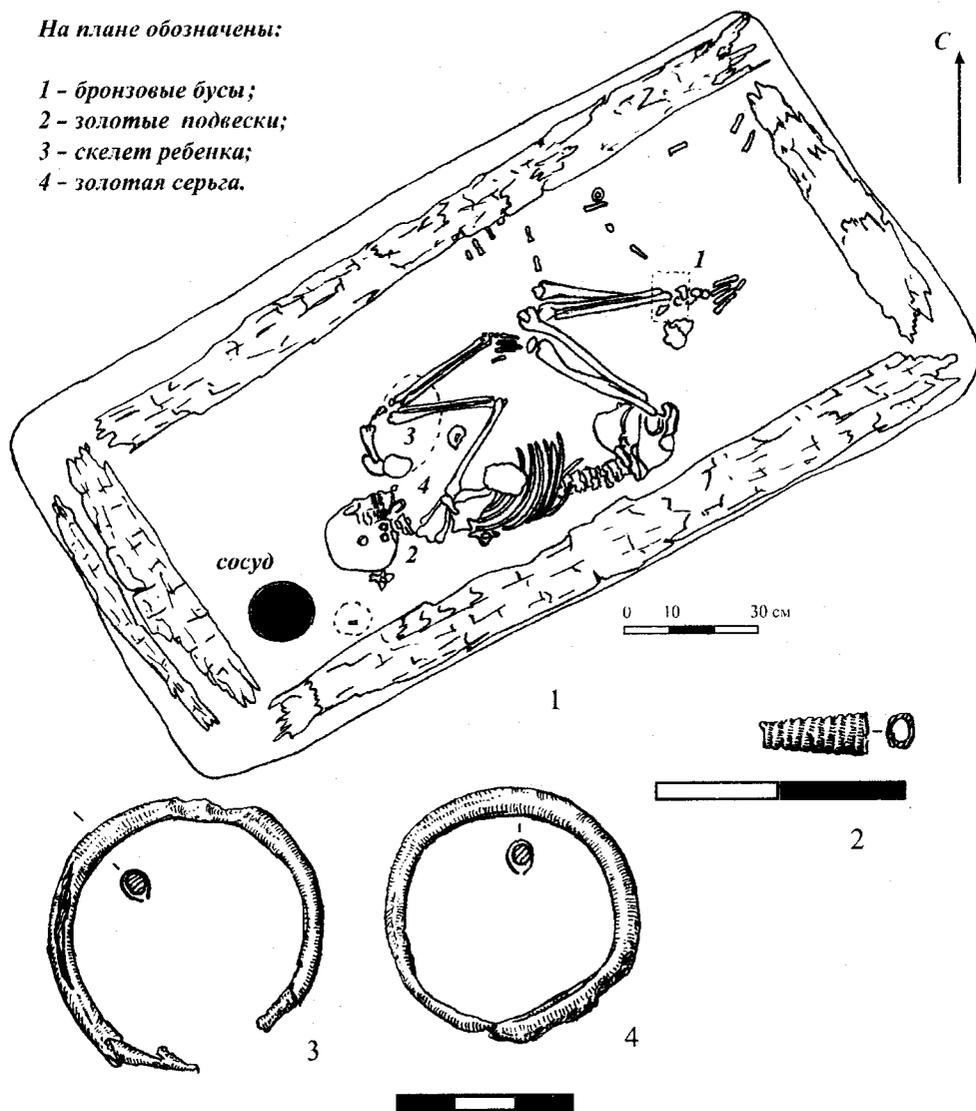

Рис. 33. Могила №21: 1 - план могилы; 2 - пронизь; 3, 4 - серьги
(2-4 - бронзовая основа, обернутая золотой фольгой)

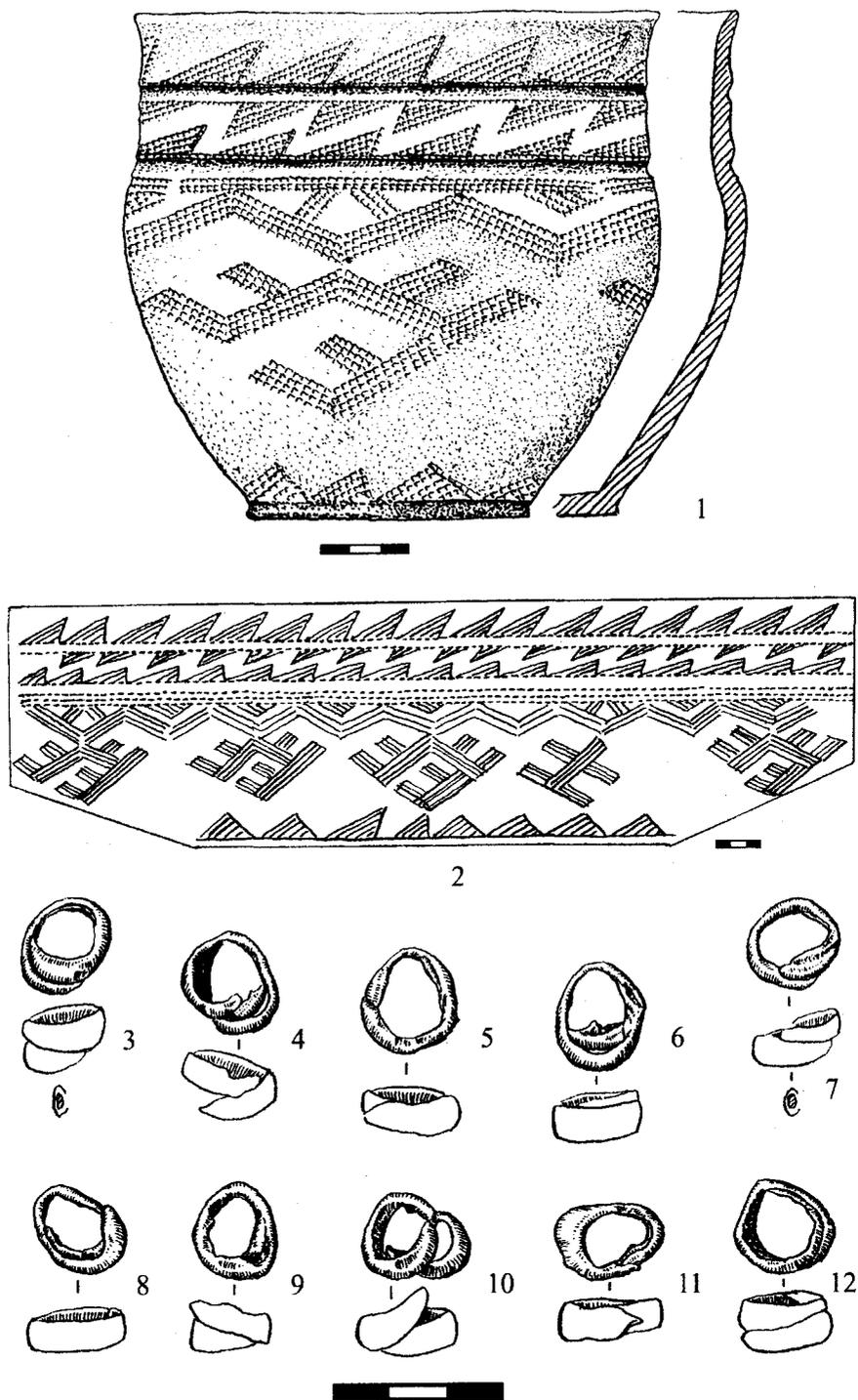

Рис. 34. Могила №21: 1 – керамический сосуд; 2 – развертка орнамента на сосуде; 3–12 – подвески в полтора оборота (бронза, обернутая золотой фольгой)

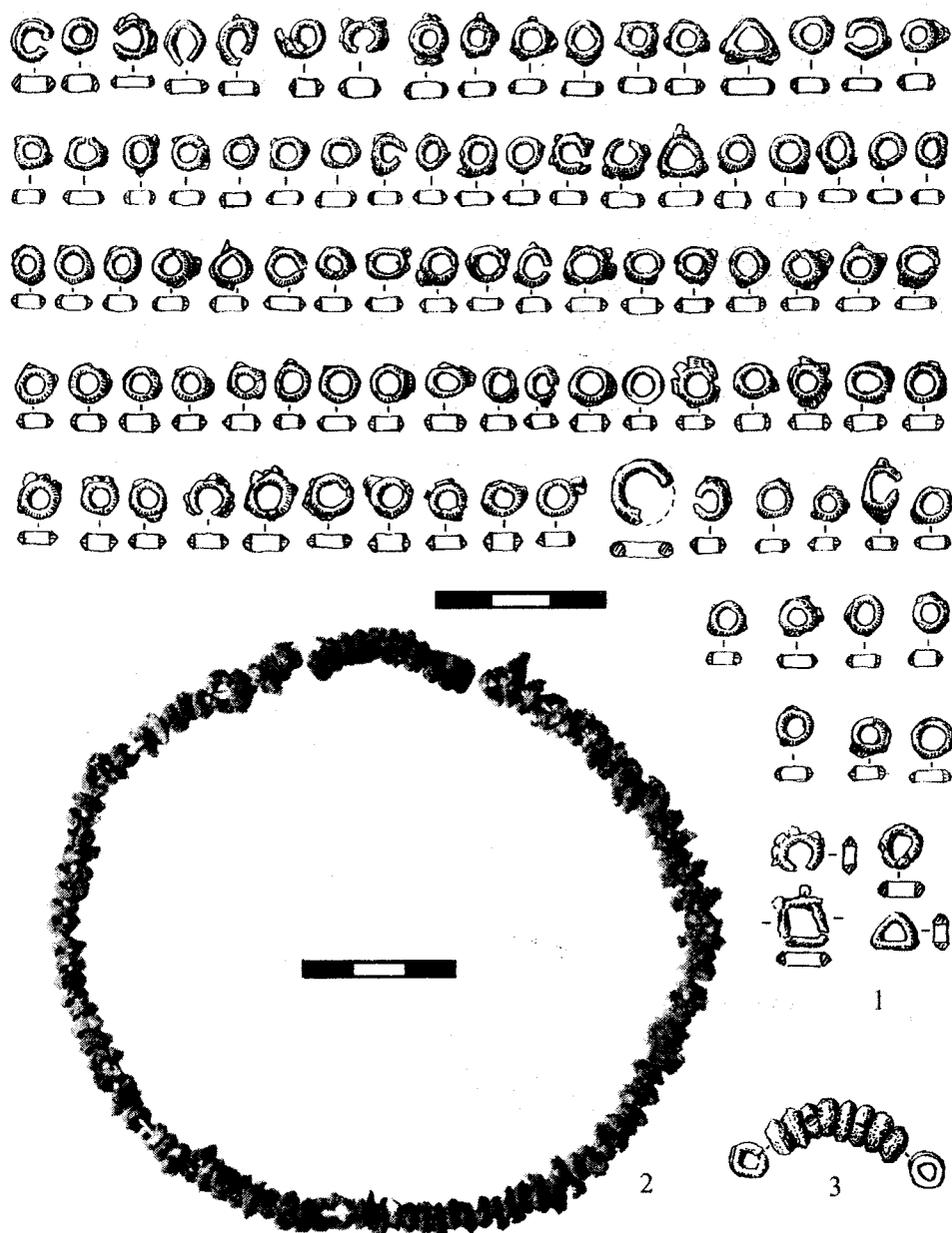

Рис. 35. Бронзовые бусы из могилы №21 (1, 2); рапановая проница (3)

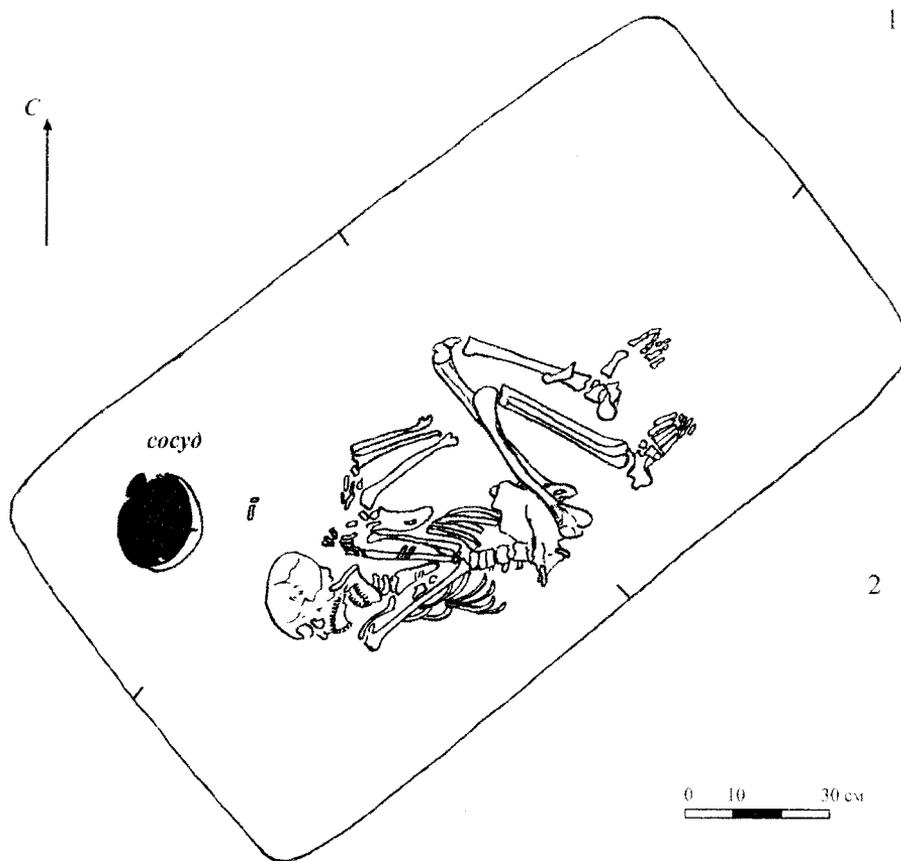
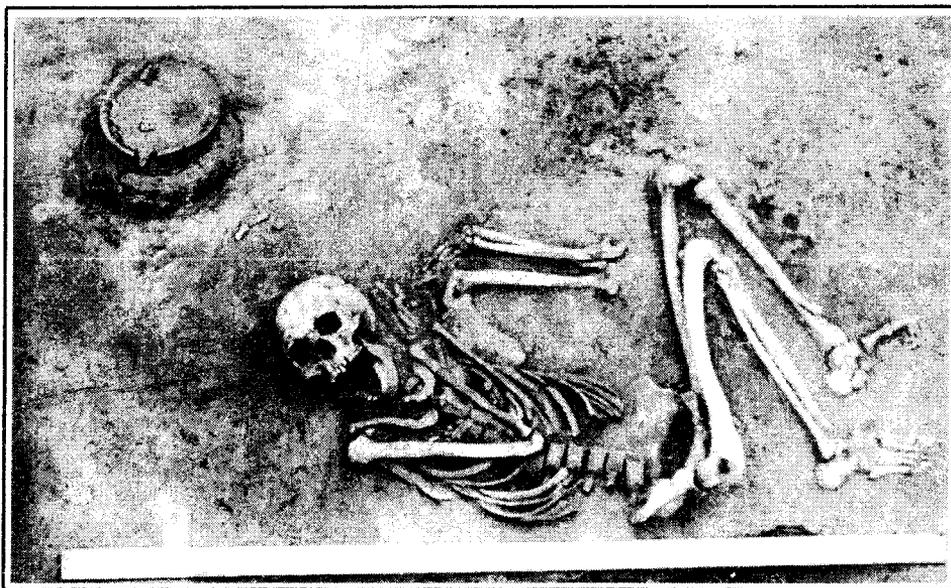

Рис. 36. Могила №22: 1 – вид на могилу; 2 – план могилы

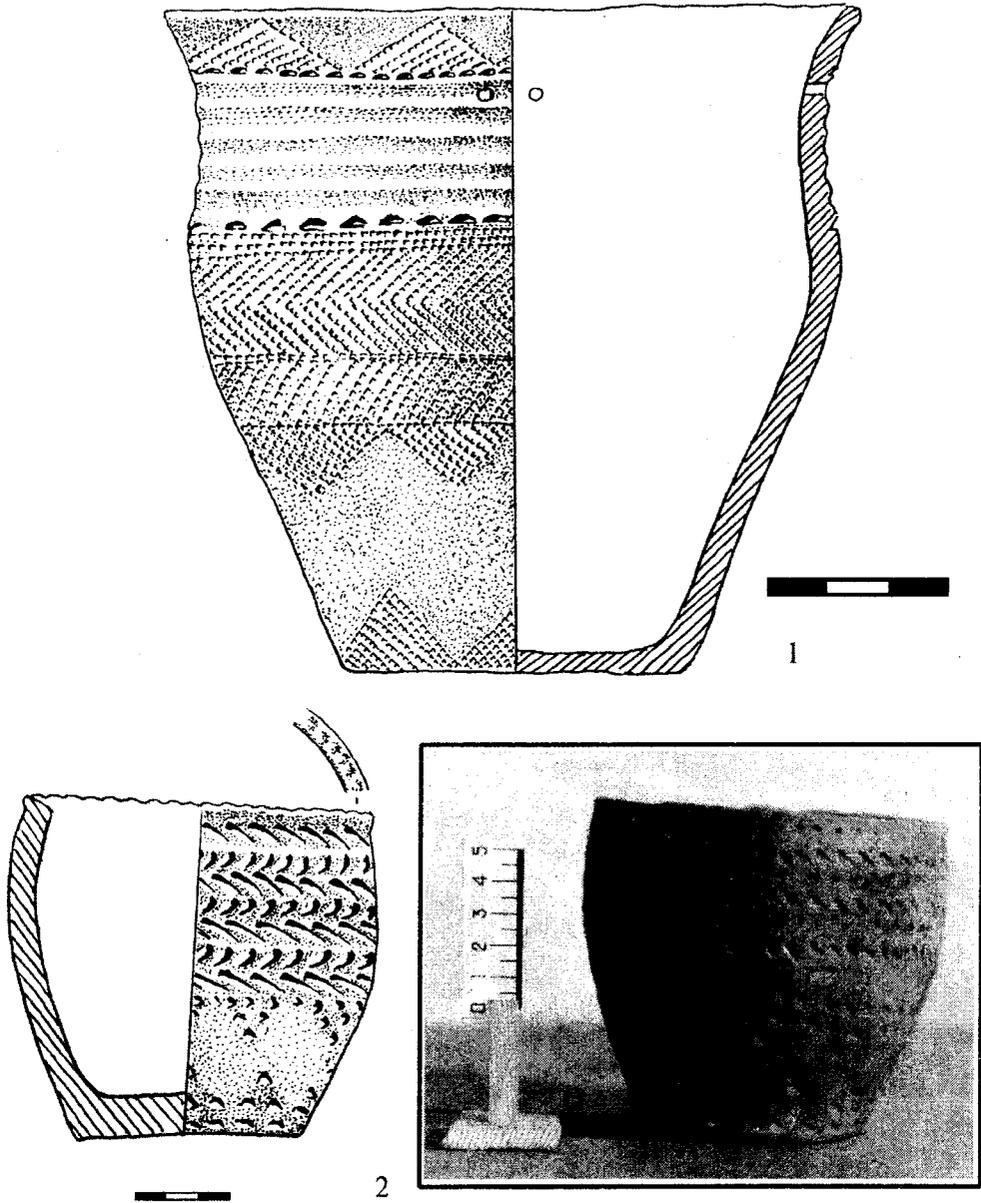

Рис. 37. Керамика: 1 – сосуд из могилы №22; 2 – сосуд 1 из могилы №23

1

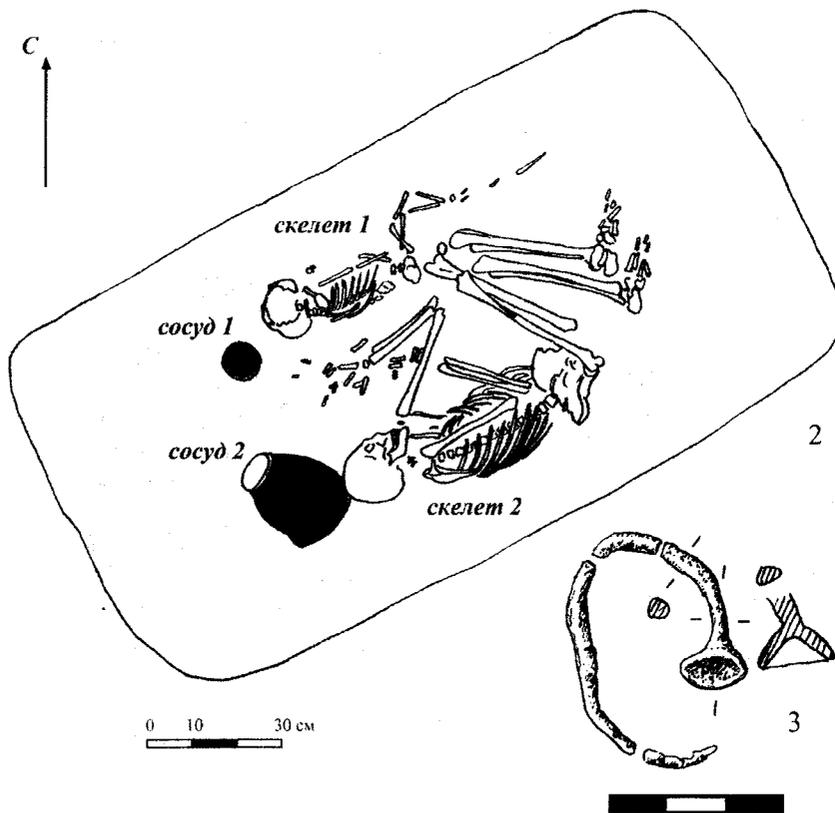

Рис. 38. Могила №23: 1 – вид на могилу; 2 – план могилы; 3 – бронзовая серьга с раструбом

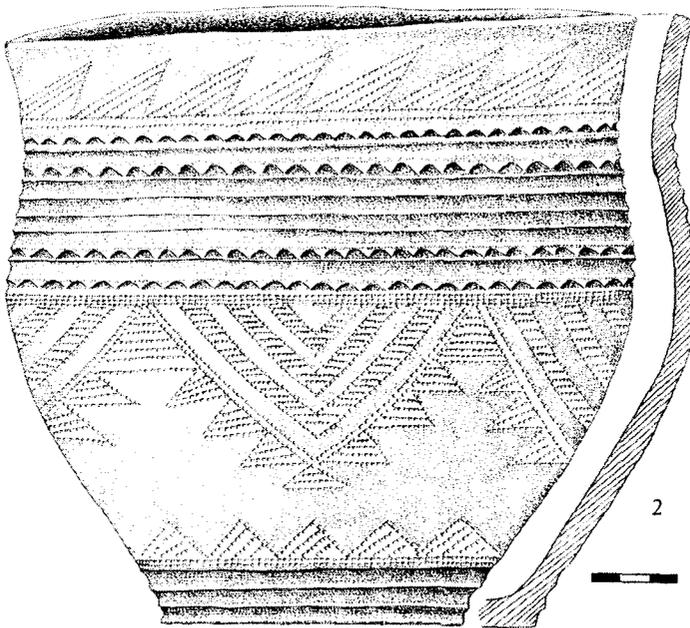
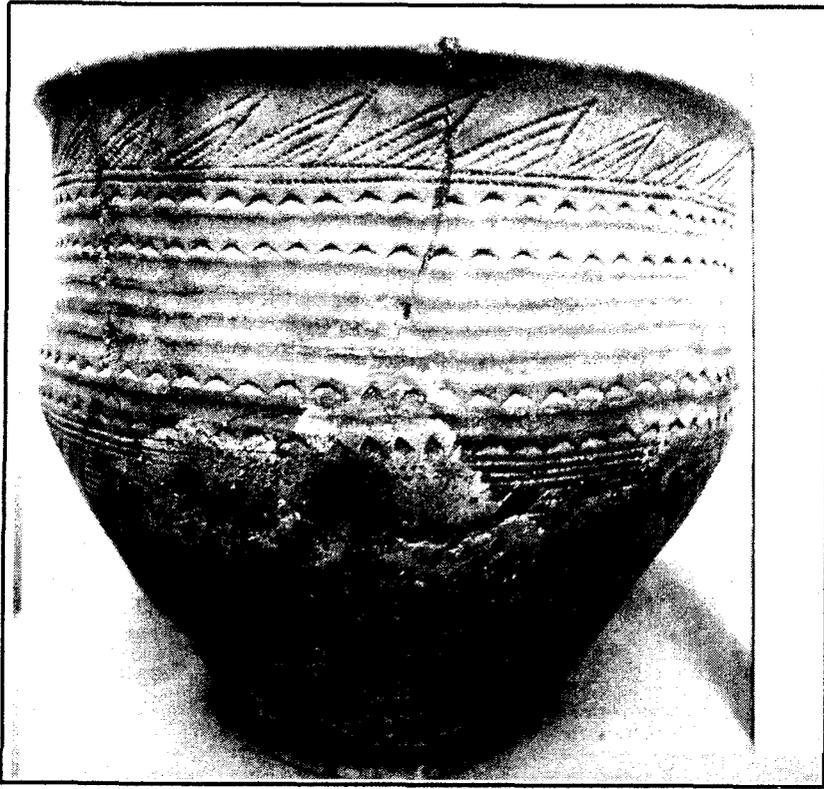
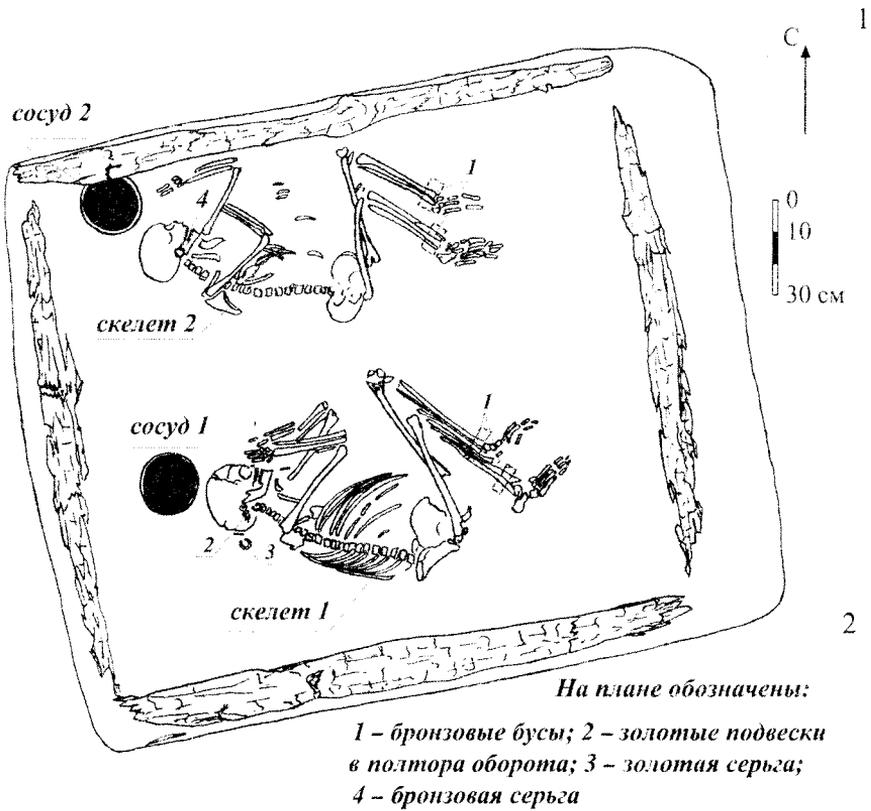
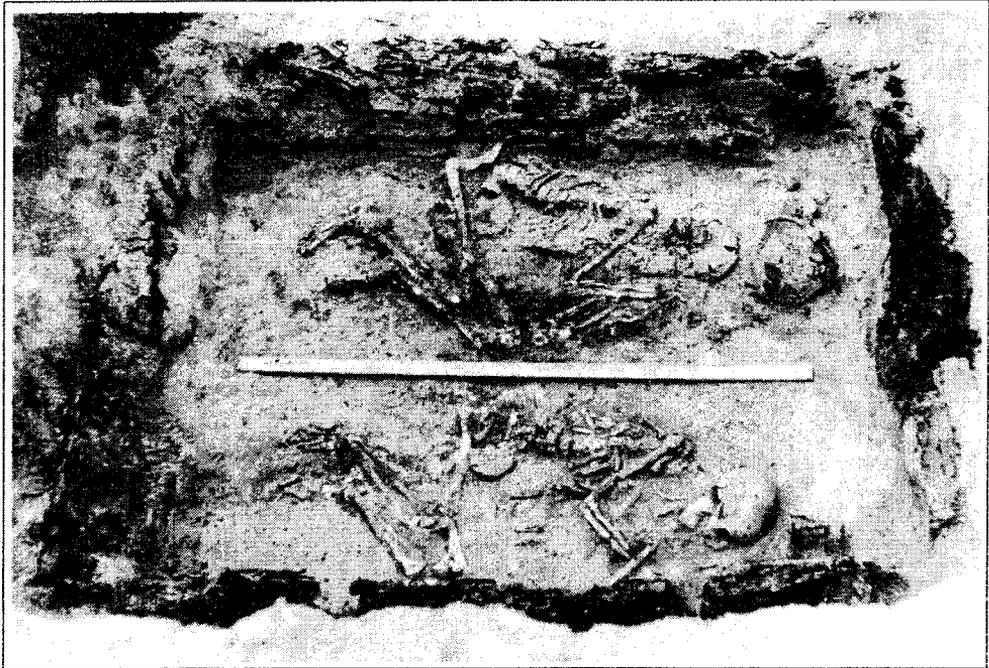

Рис. 39. Керамический сосуд 2 из могилы №23

На плане обозначены:

- 1 – бронзовые бусы; 2 – золотые подвески в полтора оборота; 3 – золотая серьга;
- 4 – бронзовая серьга

Рис. 40. Могила №24: 1 – вид на деревянный сруб и погребения в нем; 2 – план могилы

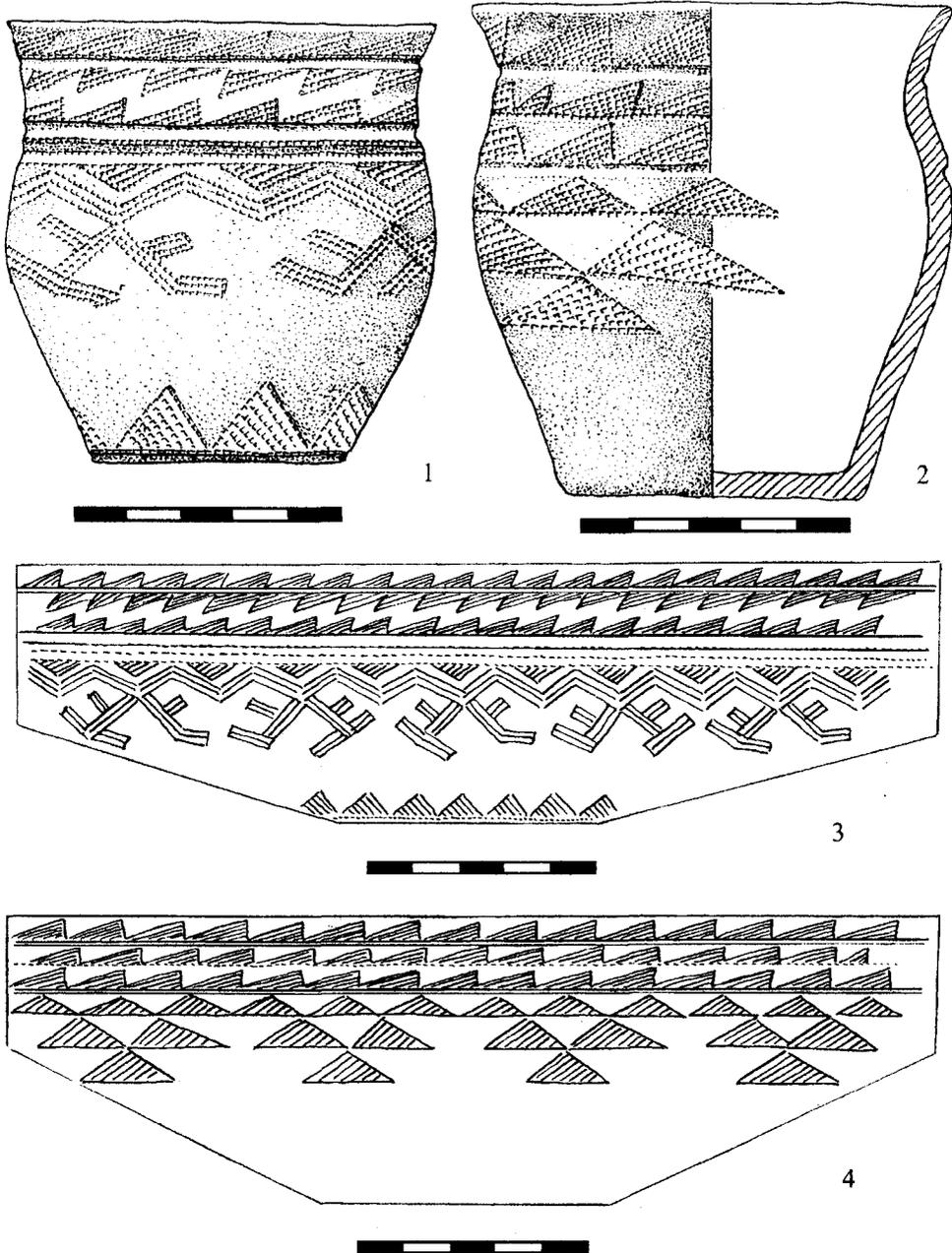

Рис. 41. Керамические сосуды из могилы №24: 1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2;
3 – развертка орнамента на сосуде 1; 4 – развертка орнамента на сосуде 2

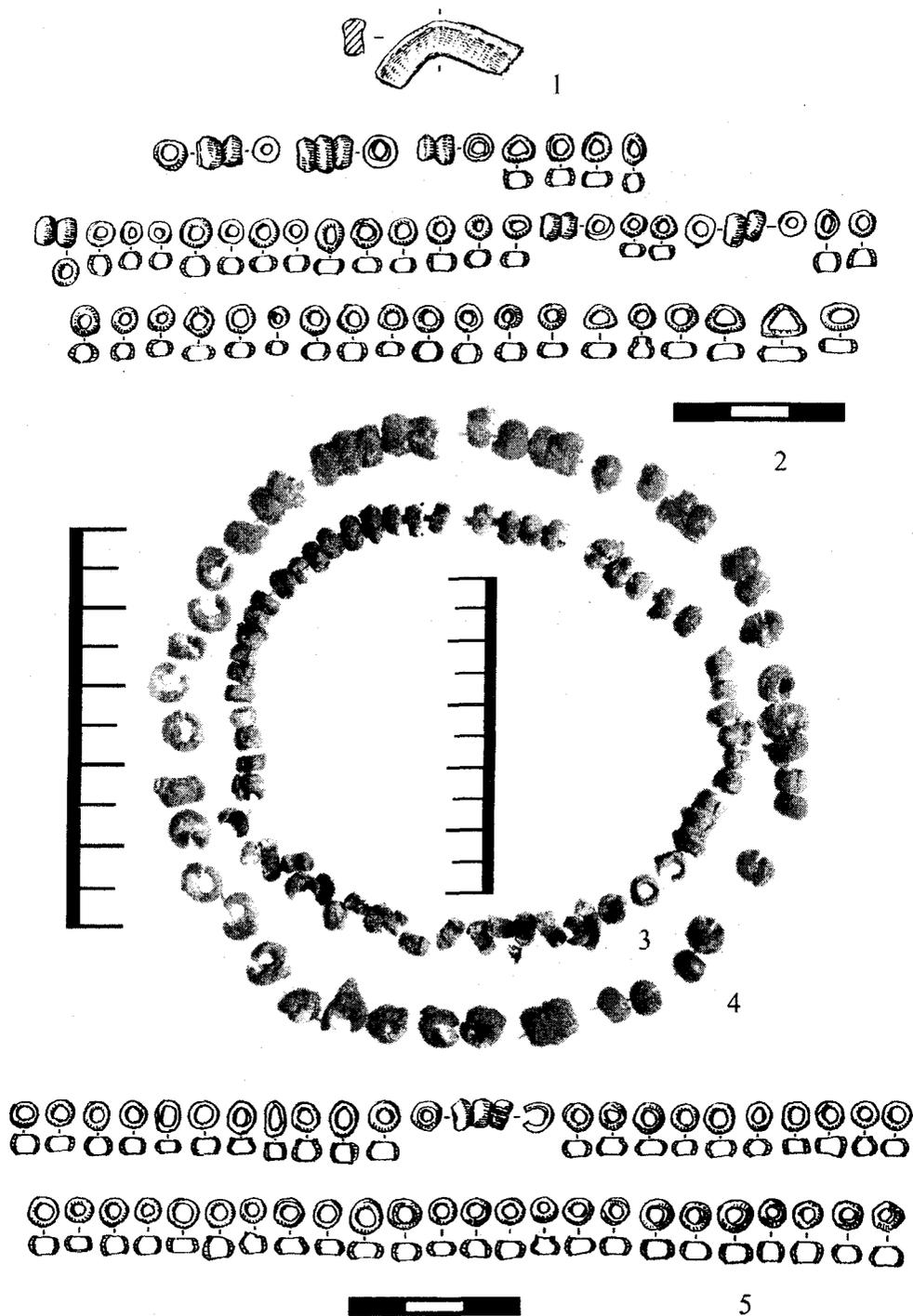

Рис. 42. Могила №24. Бронзовые бусы с костей ног скелета №1:
1 – фрагмент кожаного ремешка; 2, 4 – на левой ноге; 3, 5 – на правой ноге

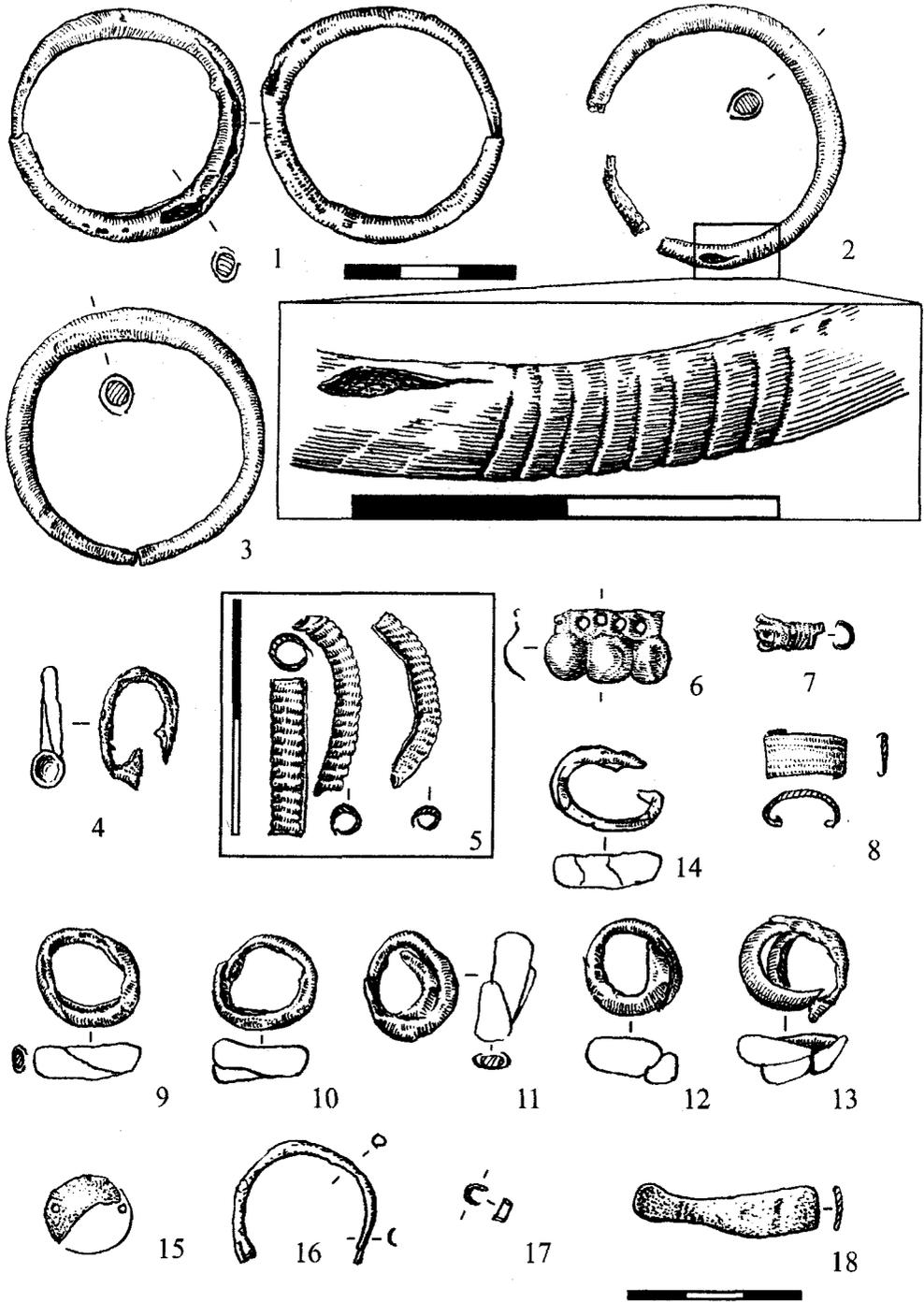

Рис. 43. Находки из могилы №24: 1-4, 16 - серьги; 5, 7 - пронизь; 6 - подвеска; 8 - обойма; 9-14 - подвески в полтора оборота; 15 - бляшка; 17 - бусина; 18 - фрагмент ремешка (1-3, 5-14 - золотая фольга на бронзовой основе; 4, 15-17 - бронза; 18 - кожа)

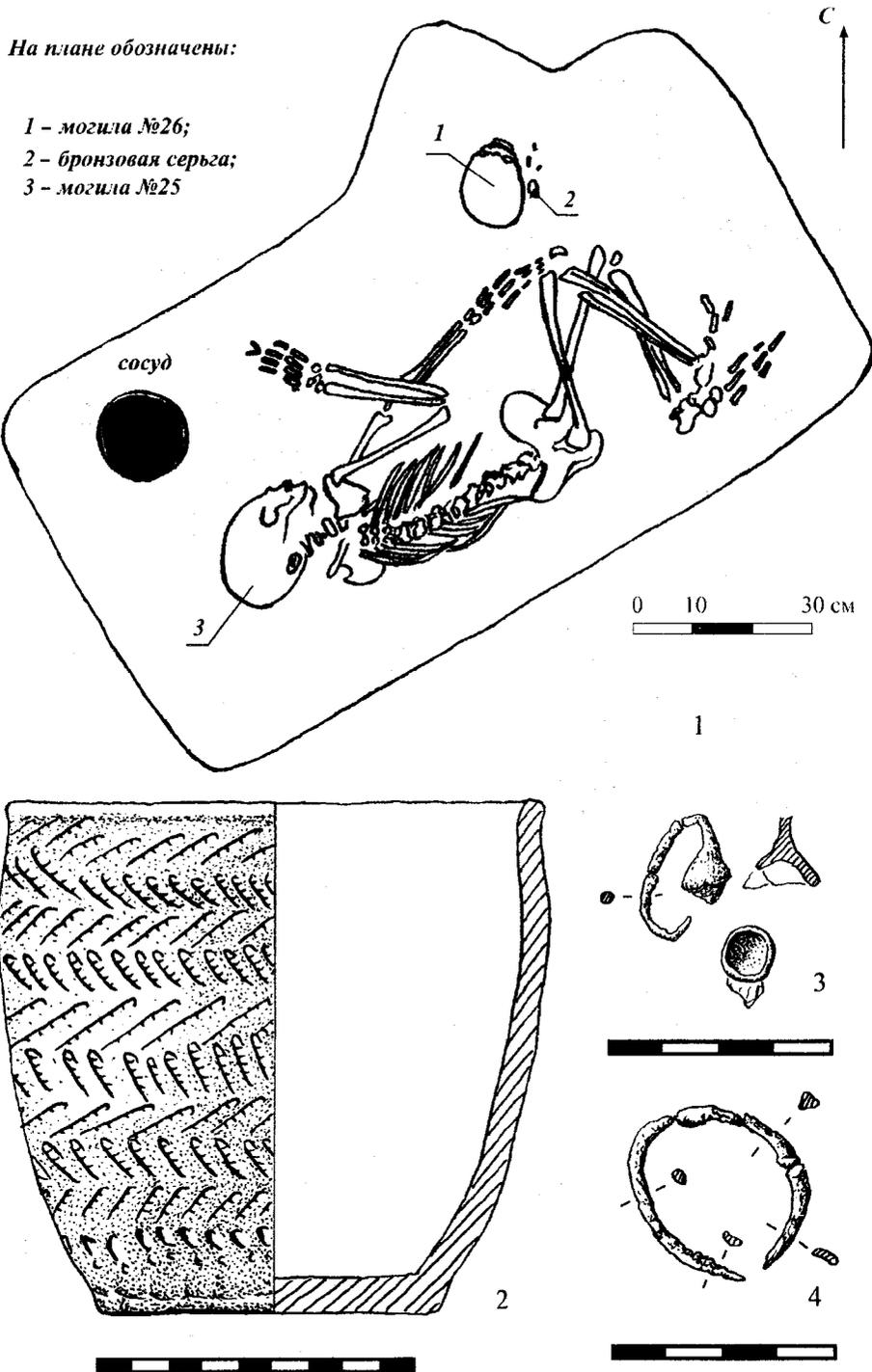

Рис. 44. Могилы №25-26: 1 - план; 2 - керамический сосуд; 3 - бронзовая серьга с раструбом; 4 - бронзовая серьга

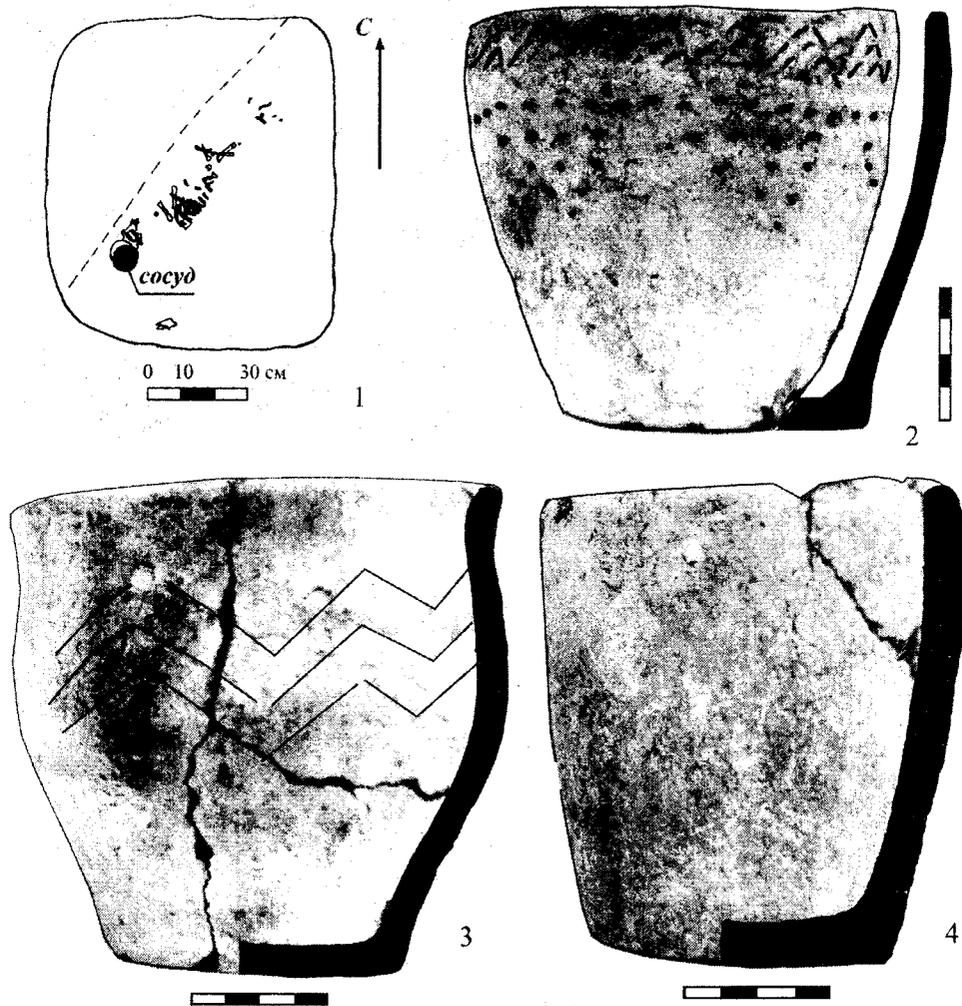
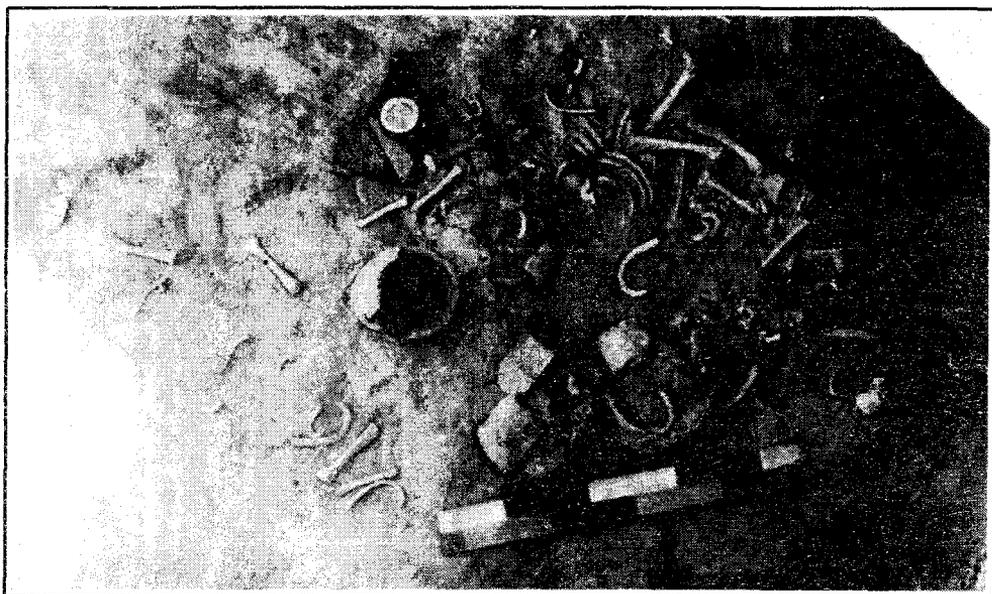

Рис. 45. 1 – план могилы №27; 2 – керамический сосуд из могилы №27;
3, 4 – керамические сосуды из могилы №28

На плане обозначены:

- 1 - скелет №1;
- 2 - скелет №2;
- 3 - керамический сосуд №1;
- 4 - керамический сосуд №2

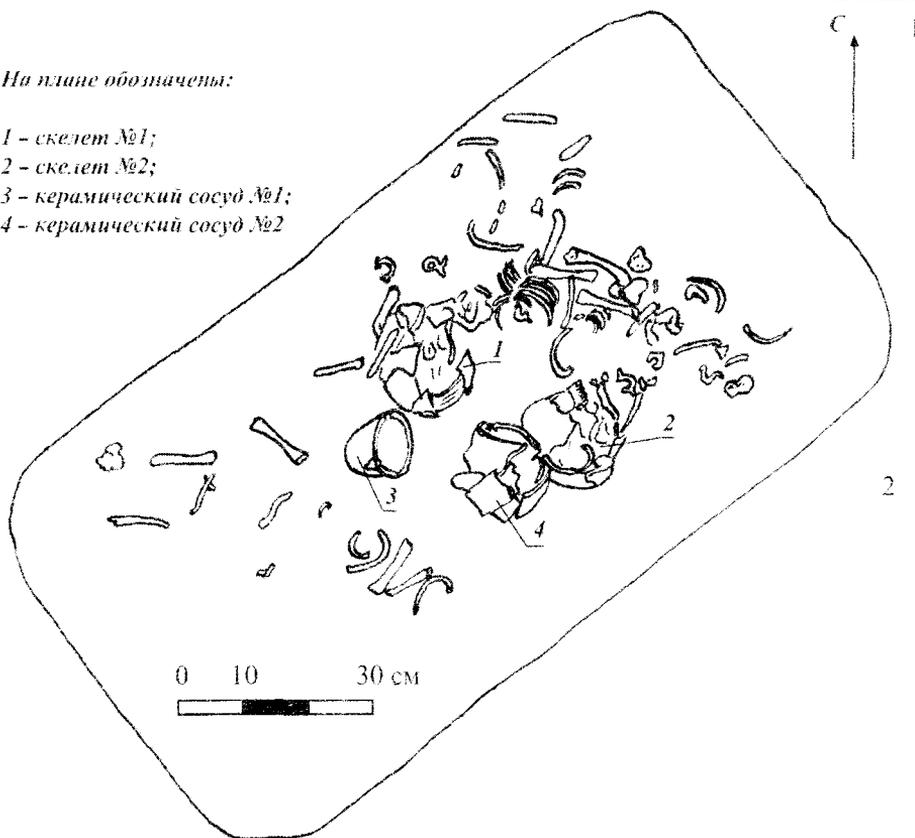

Рис. 46. Могила №28: 1 - вид на могилу; 2 - план могилы

На плане обозначены:

- 1 - обломок бронзового браслета;
- 2 - обломок золотой серьги;
- 3 - бронзовая бляшка;
- 4 - керамический сосуд №1;
- 5 - керамический сосуд №2;
- 6 - бронзовая ромбовидная бляшка;
- 7 - скелет ребенка

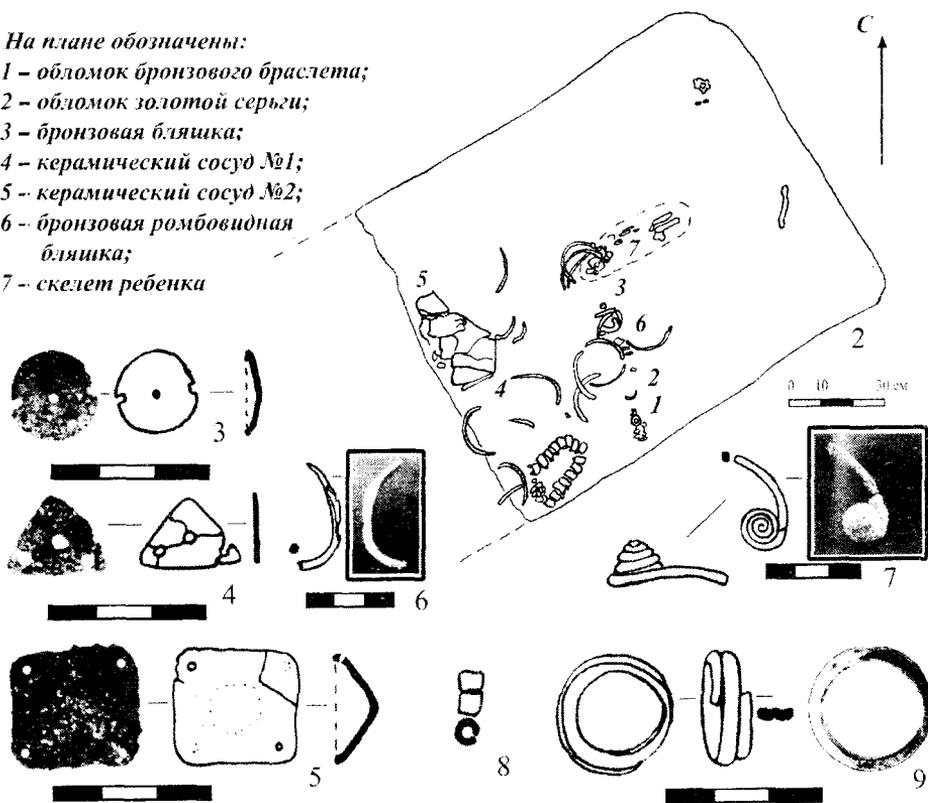

Рис. 47. Могила №29: 1 - вид на могилу; 2 - план могилы; 3-5 - бронзовые бляшки; 6 - обломок золотой серьги; 7 - обломок бронзового браслета; 8 - бронзовые бусы; 9 - бронзовая серьга в два оборота

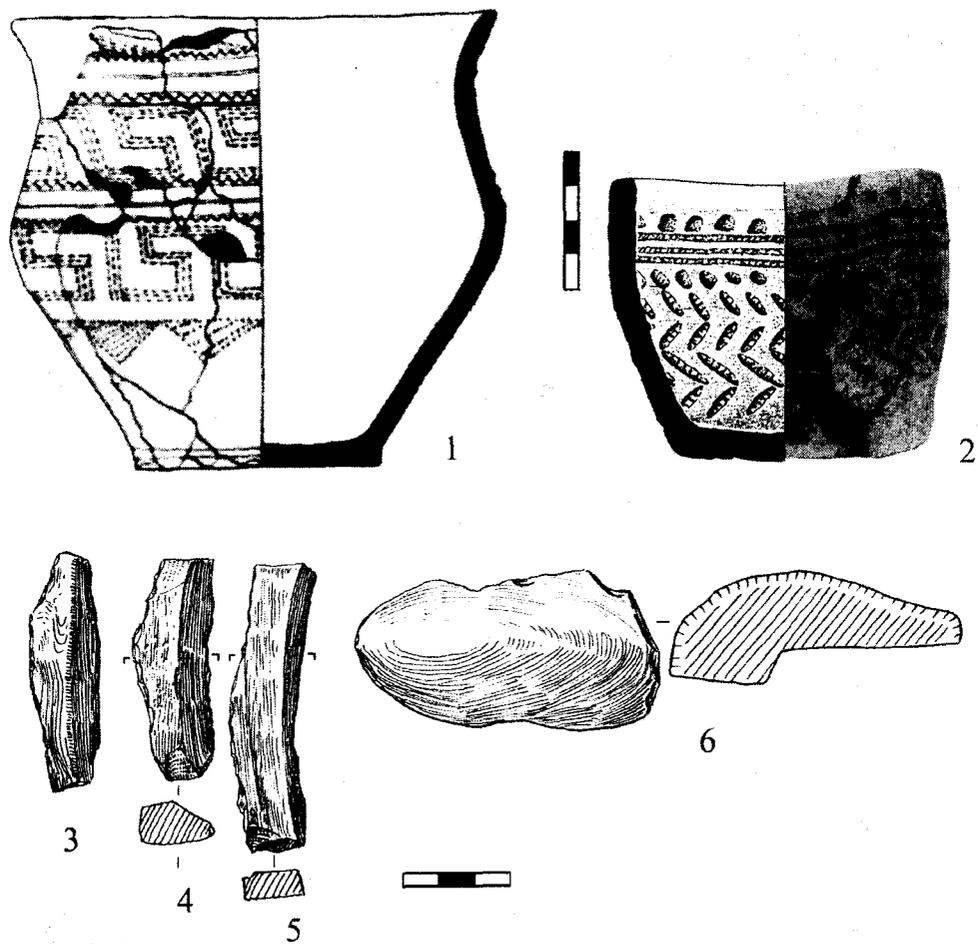

Рис. 48. Могилы №29: 1 – керамический сосуд 1; 2 – керамический сосуд 2; 3–6 – каменные предметы

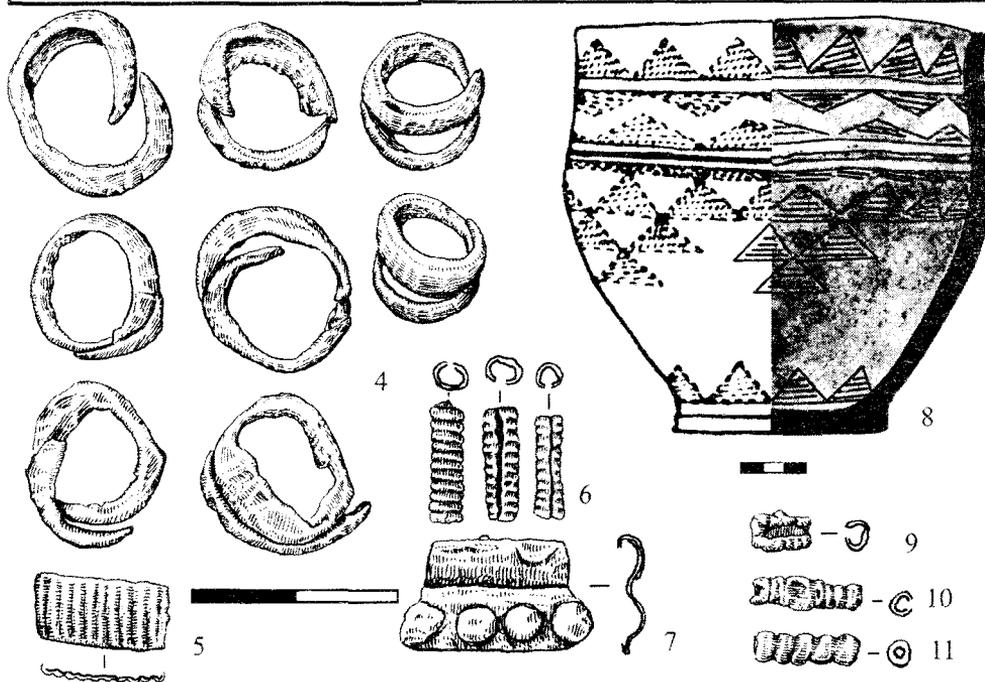
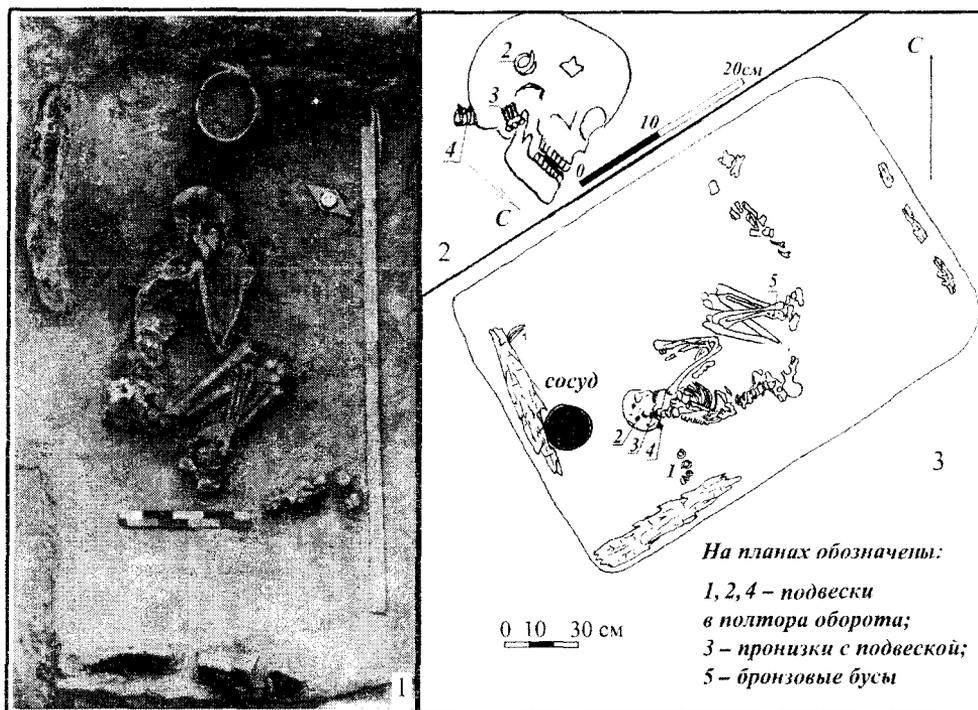

Рис. 49. Могила №30: 1 – вид на могилу; 2 – расположение украшений на черепе;
 3 – план могилы; 4 – подвески в полтора оборота; 5 – обойма; 6, 9, 10, 11 – пронизы;
 7 – подвеска; 8 – сосуд; 8–9, 10 – золотая фольга на бронзовой основе;
 8 – керамика; 11 – паста)

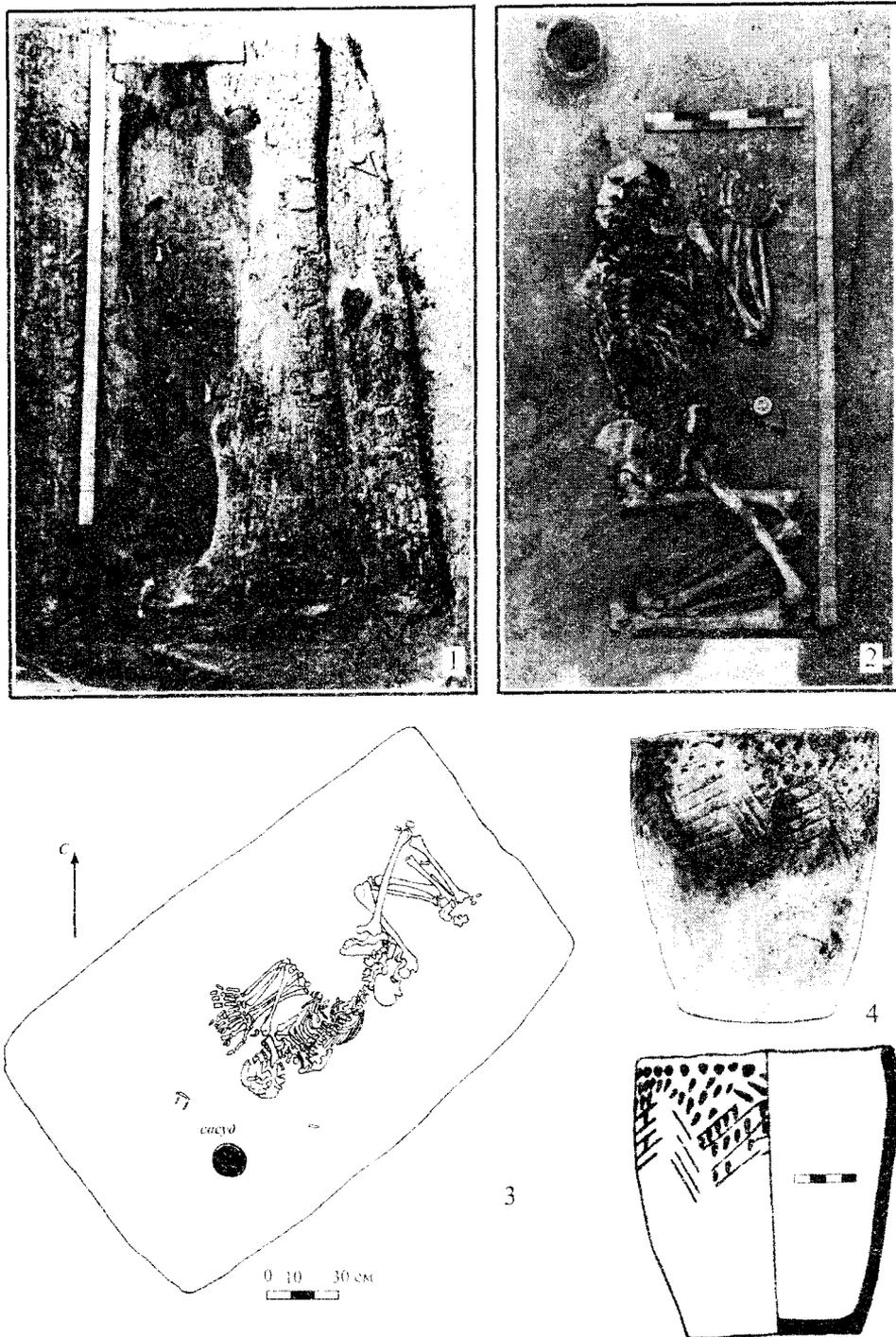

Рис. 50. Могила №31: 1 - вид на деревянный сруб; 2 - вид на могилу после разборки камеры; 3 - план могилы; 4 - керамический сосуд

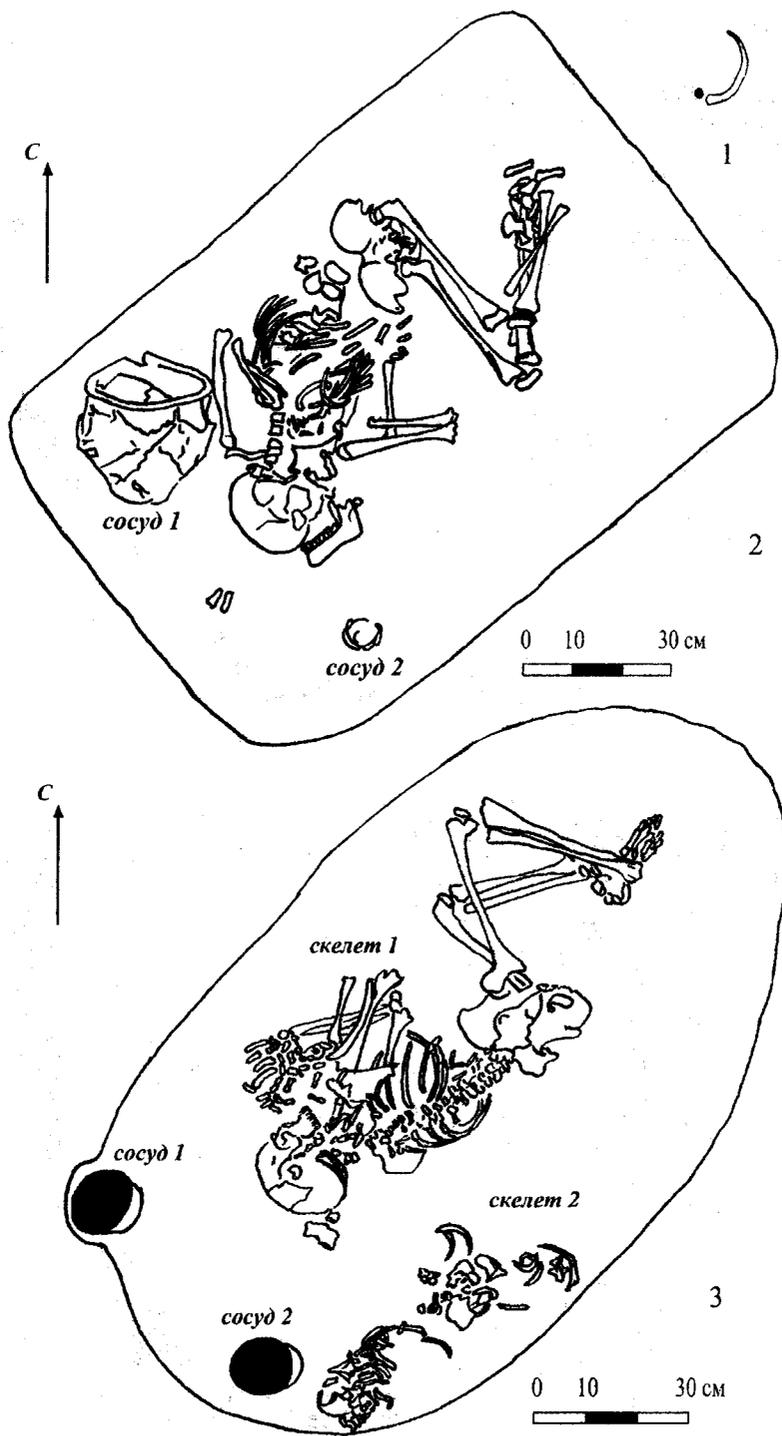

Рис. 51. 1 – обломок бронзовой серьги из могилы №32;
2 – план могилы №32; 3 – план могилы №33

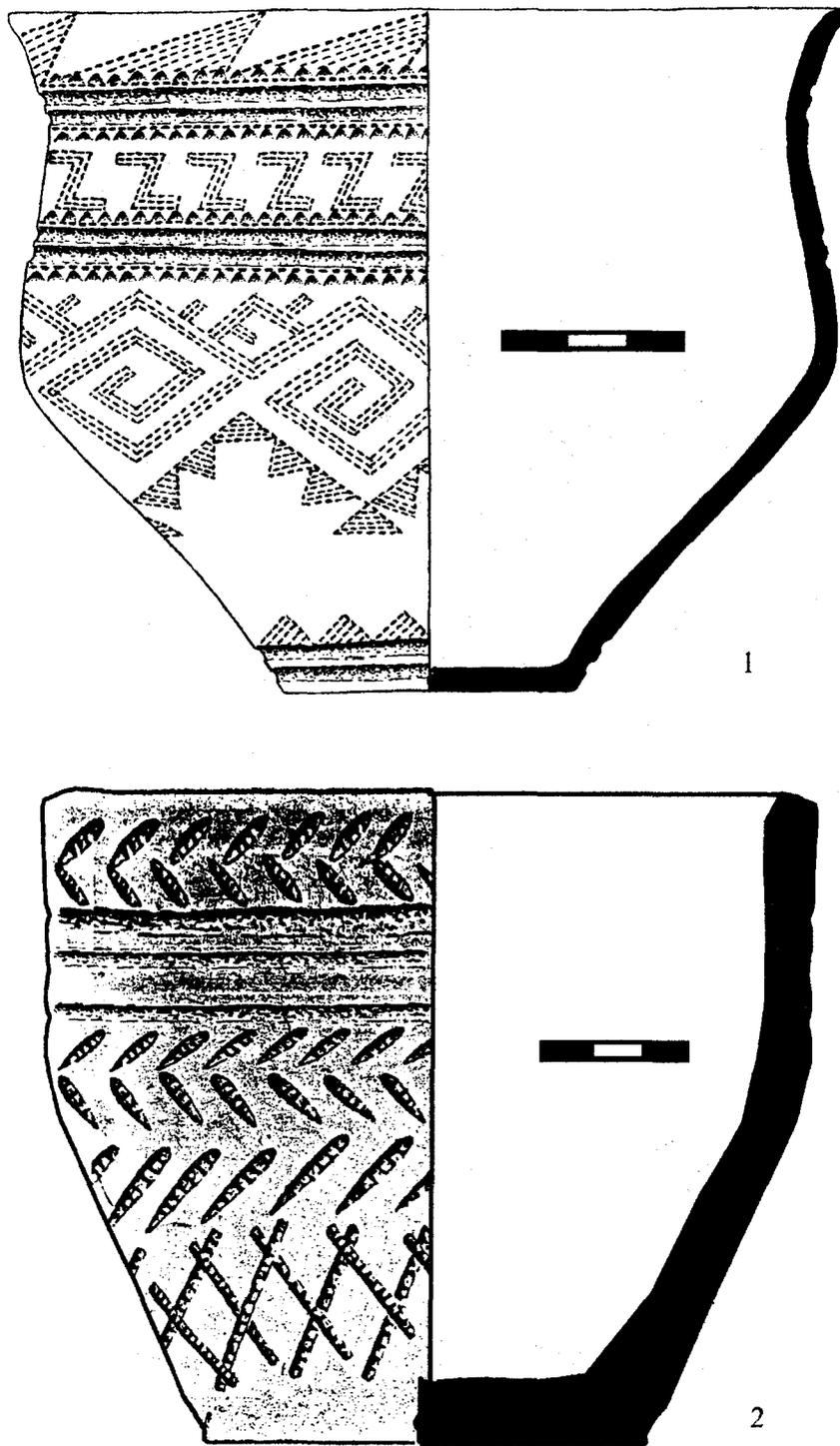

Рис. 52. Керамические сосуды из могилы №32: 1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2

Рис. 53. Керамические сосуды из могилы №33: 1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2

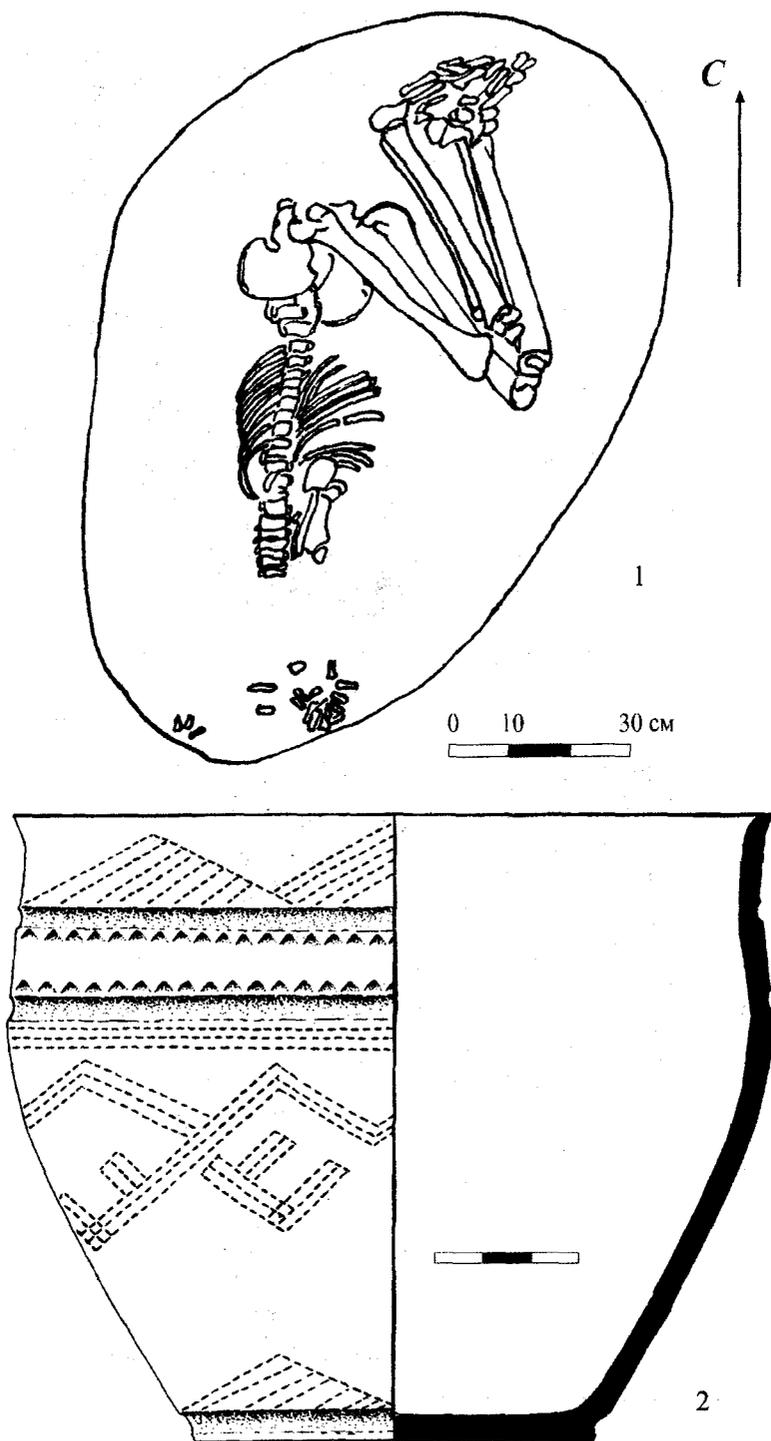

Рис. 54. Могила №34: 1 – план могилы; 2 – керамический сосуд

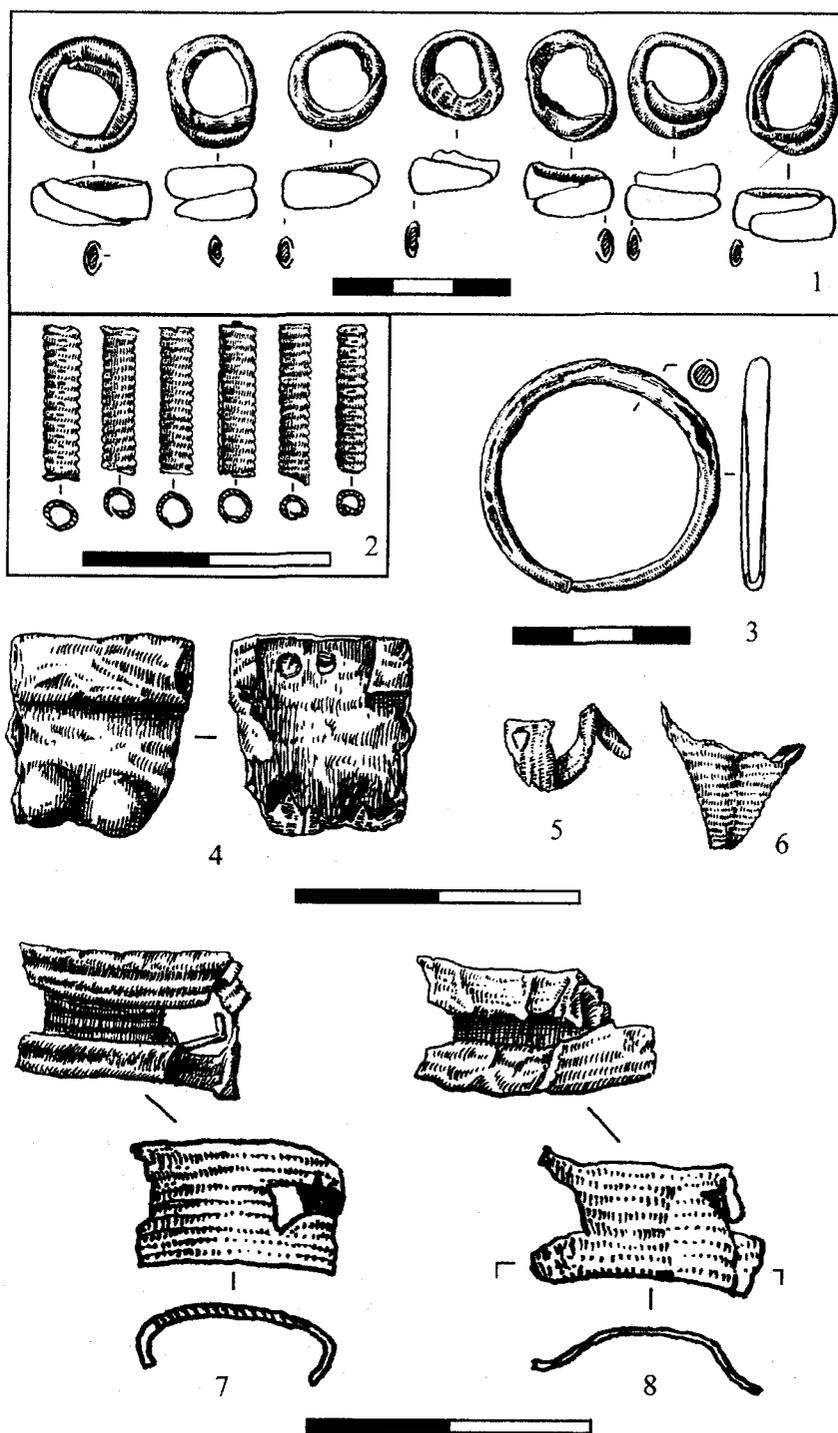

Рис. 55. Могила №35: 1 – подвески в полтора оборота; 2 – пронизи; 3 – серьга; 4 – подвеска; 5–7 – оковки (золотая фольга на бронзовой основе)

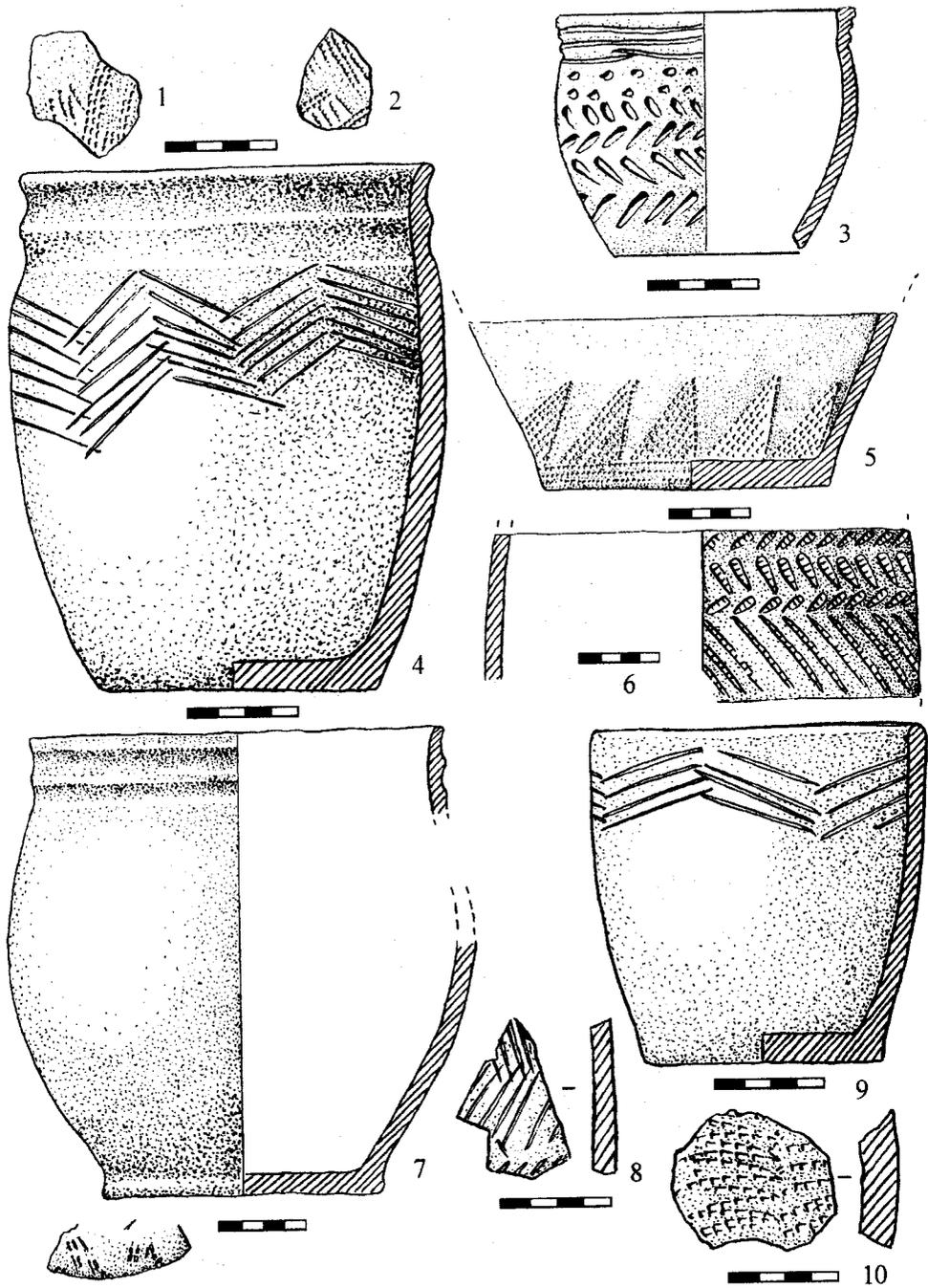

Рис. 56. Керамика из межмогильного пространства.
Раскопки 1962 г. А.П. Уманского

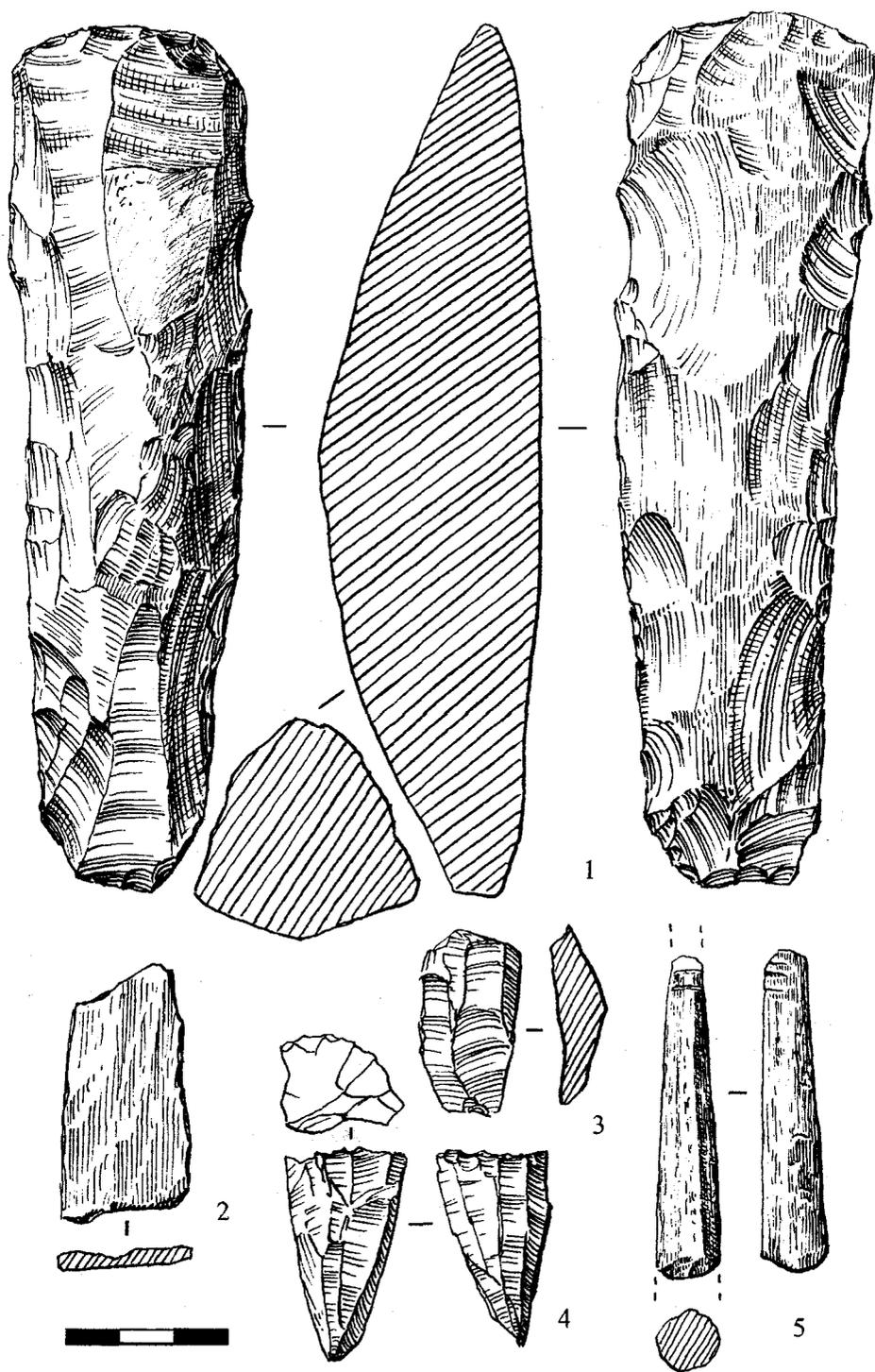

Рис. 57. Каменные орудия из межмогильного пространства.
Раскопки 1962 г. А.П. Уманского

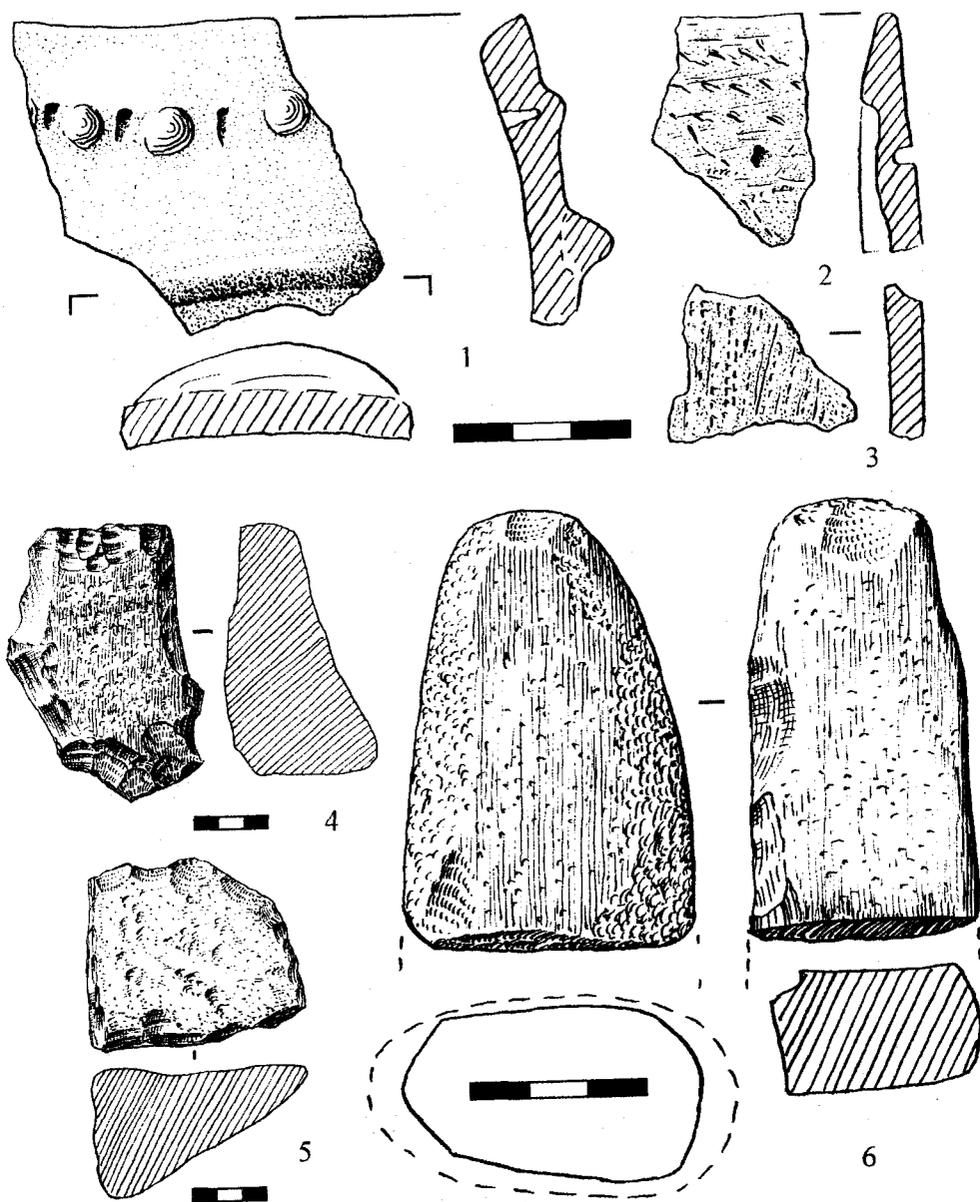

Рис. 58. Находки из межмогильного пространства.
Раскопки 1962 г. А.П. Уманского (1-3 - керамика; 4-6 - камень)

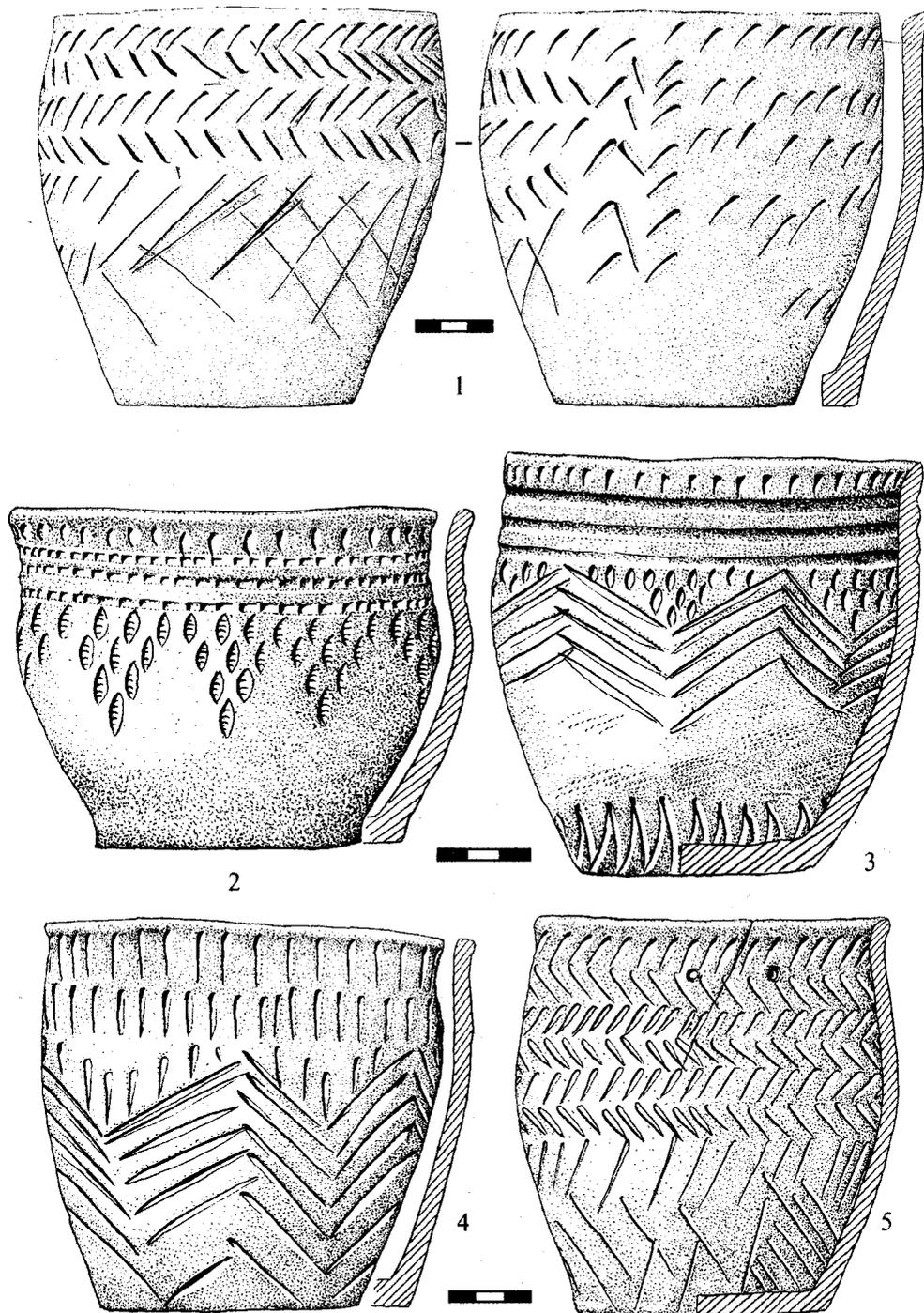

Рис. 59. Керамические сосуды из Кемеровского областного краеведческого музея.
Раскопки 1961–1962 гг. В.И. Каца на могильнике Кытманово

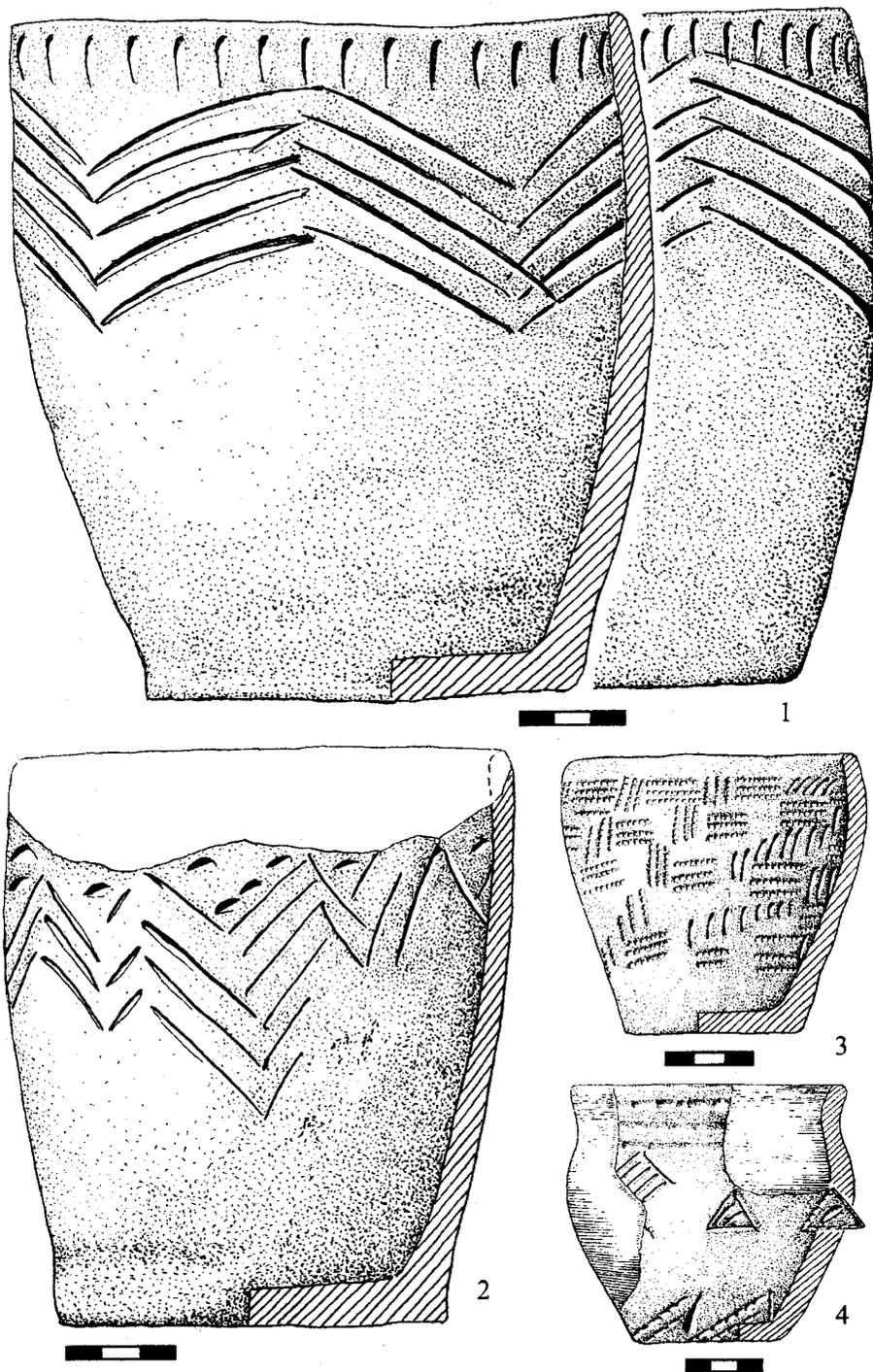

Рис. 60. Керамические сосуды из Кемеровского областного краеведческого музея. Раскопки 1961–1962 гг. В.И. Каца на могильнике Кытманово

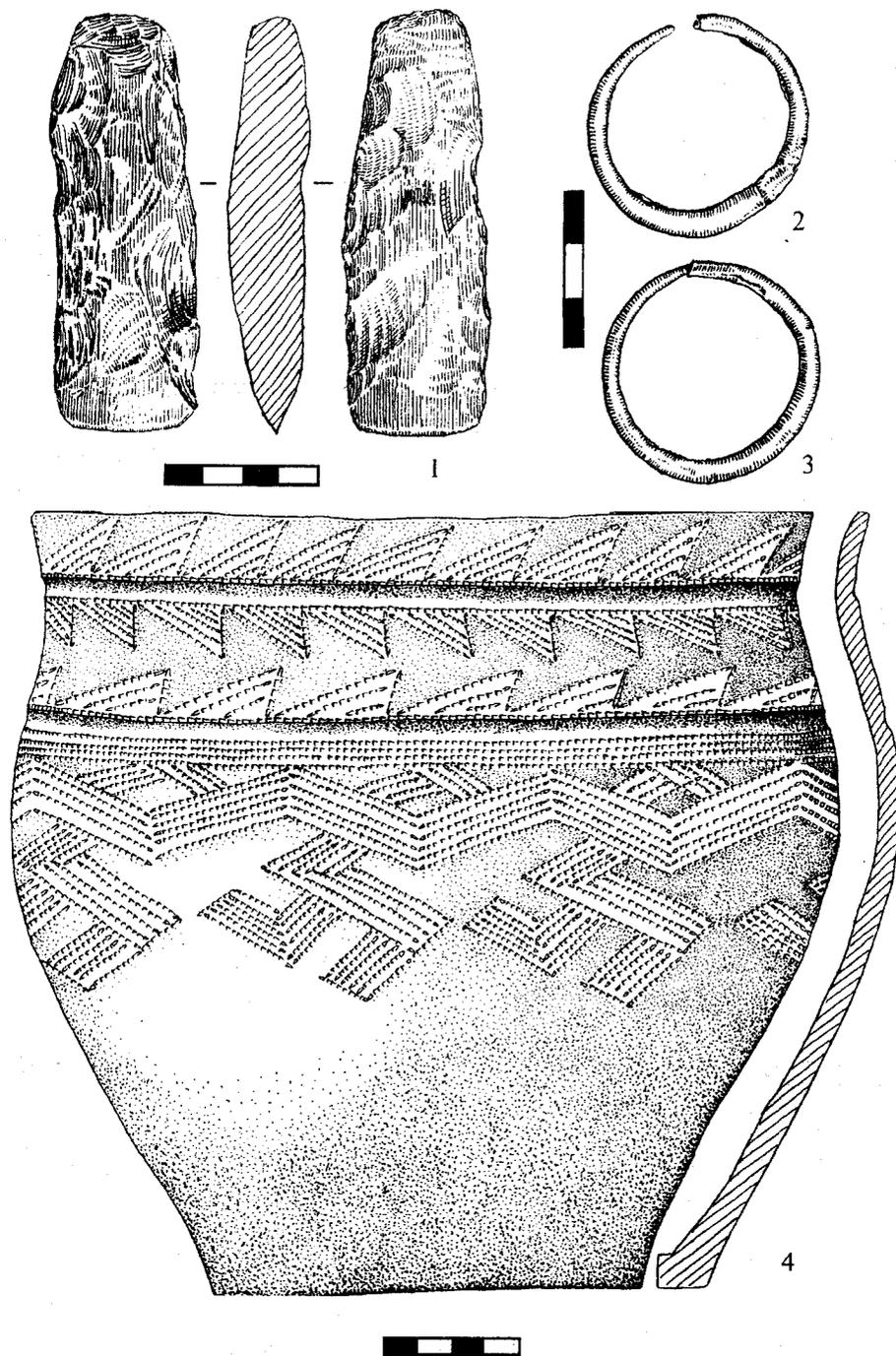

Рис. 61. Предметы из Кемеровского областного краеведческого музея.
 Раскопки 1961–1962 гг. В.И. Каца на могильнике Кытманово:
 1 – шлифованный топор; 2, 3 – серьги; 3 – сосуд
 (1 – камень; 2, 3 – золотая фольга на бронзовой основе; 4 – керамика)

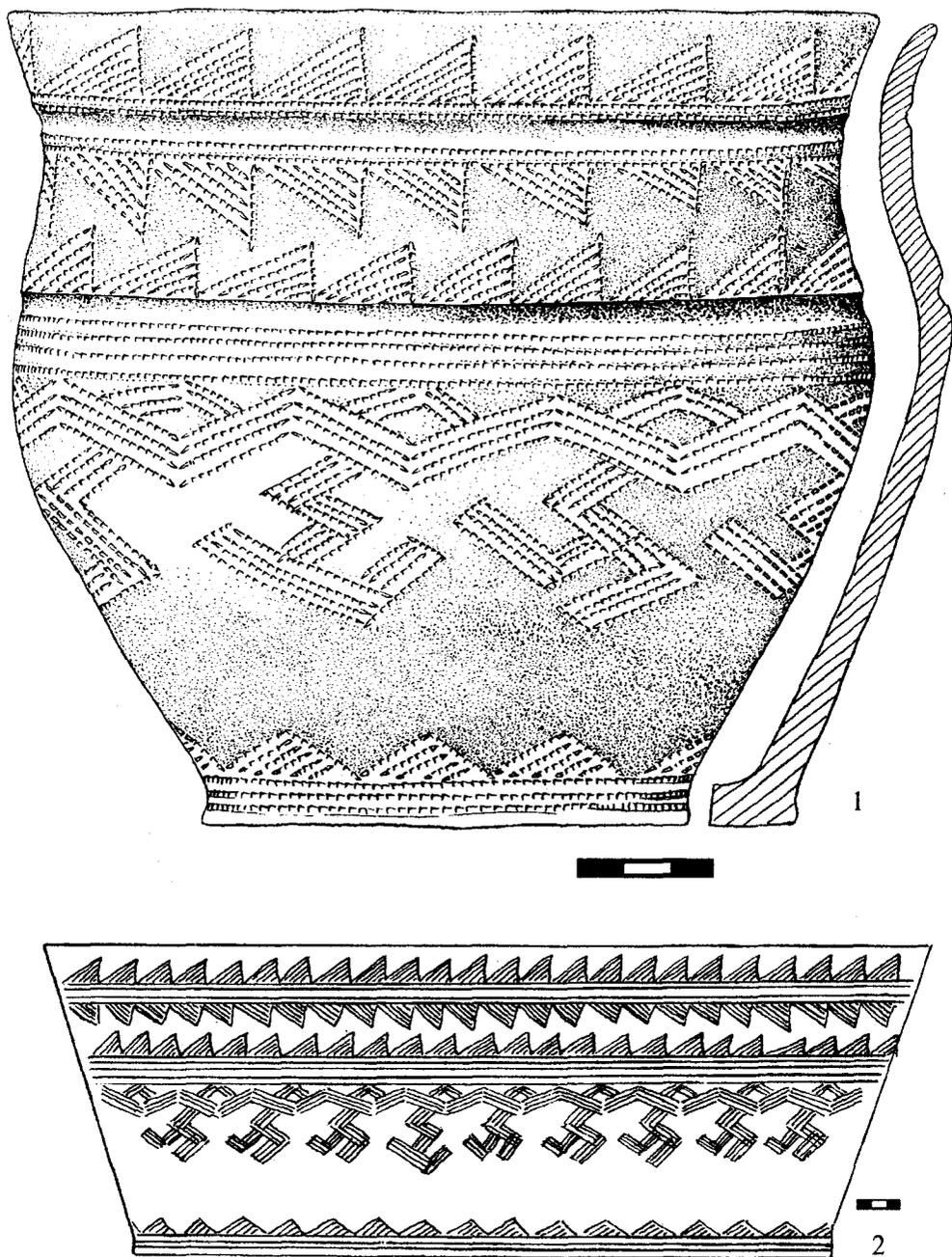

Рис. 62. Керамический сосуд из Кемеровского областного краеведческого музея.
Раскопки 1961–1962 гг. В.И. Каца на могильнике Кытманово:
1 – сосуд, 2 – развертка орнамента на сосуде

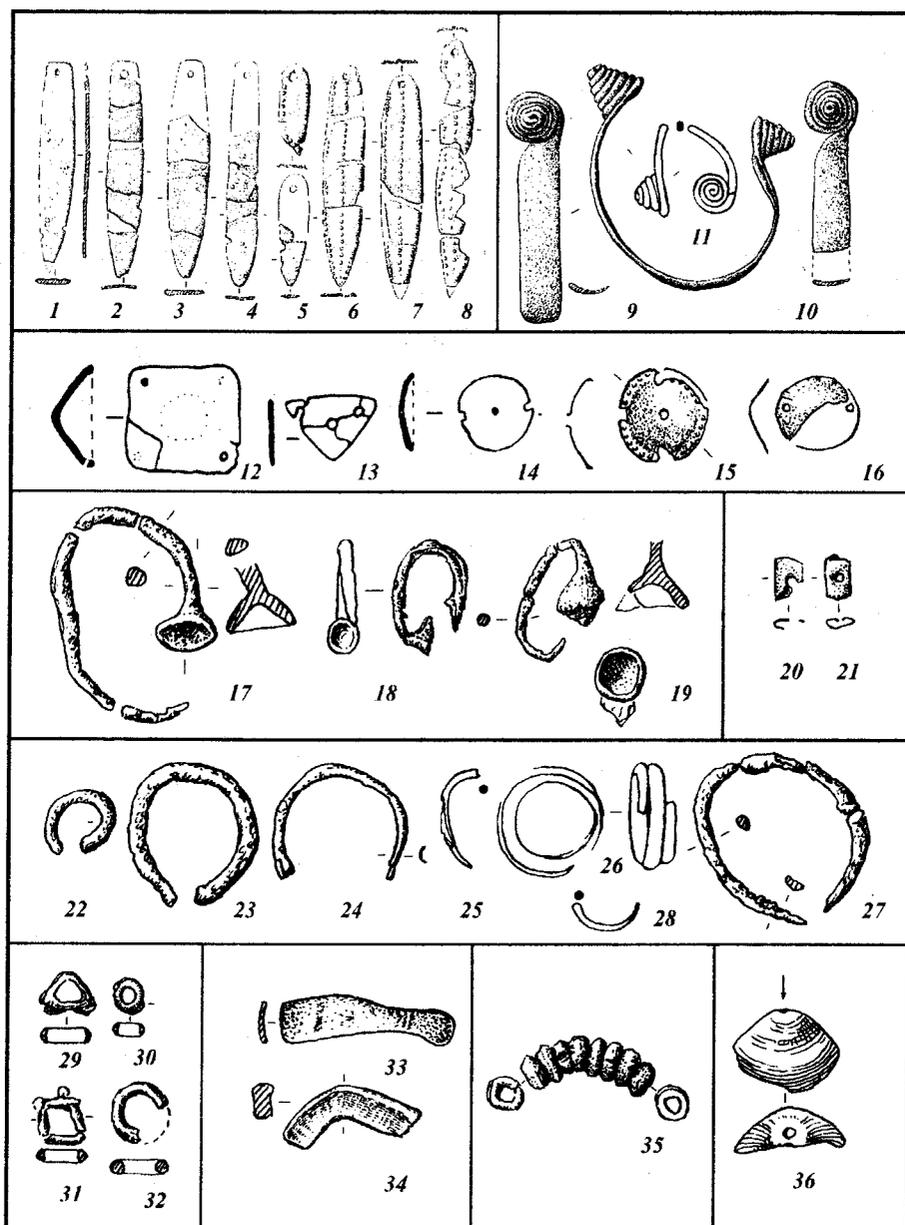

Рис. 63. Сводная таблица погребального инвентаря: 1-8 - «ножевидные» подвески; 9-11 - браслеты со спиралевидными окончаниями; 12-16 - бляшки; 17-19 - серьги с раструбом; 20, 21 - обоймы; 22-28 - серьги «кольчатые»; 29-32 - бусы; 33-34 - фрагменты ремешка; 35 - «спекшиеся» бусины; 36 - раковина с отверстием. Вещи происходят: 1-10, 36 - из могилы №1; 11-14, 25, 26 - могилы №29; 15, 21 - могилы №20; 16, 18, 24, 33, 34 - могилы №24; 17 - могилы №23; 19 - могилы №26; 20 - могилы №18; 22 - могилы №8; 23 - могилы №12; 27 - могилы №25; 28 - могилы №32 (1-32 - бронза, 33, 34 - кожа, 35 - паста, 36 - раковина *corbicula fluminalis*)

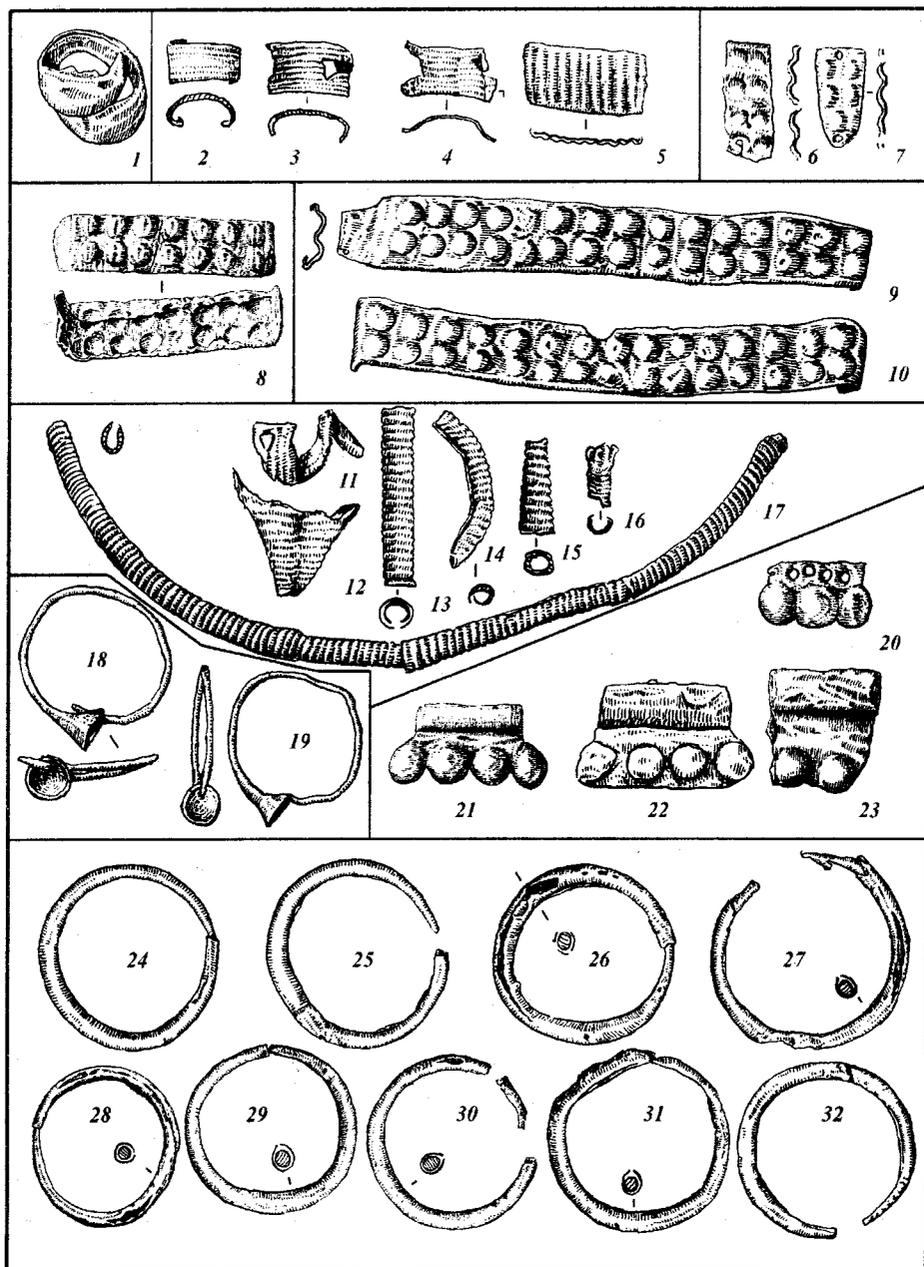

Рис. 64. Сводная таблица типов изделий на бронзовой основе, покрытой золотой фольгой: 1 – подвески в полтора оборота; 2–5 – «рубчатые» обоймы; 6–10 – нашивные пластинки; 11–17 – «рубчатые» пронизи; 18, 19 – серьги с раструбом; 20–23 – подвески; 24–32 – серьги. Вещи происходят из следующих комплексов: 1, 6–10, 13, 17, 21, 32 – могилы №1; 18, 19 – могилы №4; 15, 27, 31 – могилы №21; 2, 14, 16, 20, 26, 29, 30 – могилы №24; 5, 22 – могилы №30; 3, 4, 11, 12, 23, 28 – могилы №35; 24, 25 – раскопки В.И. Каца

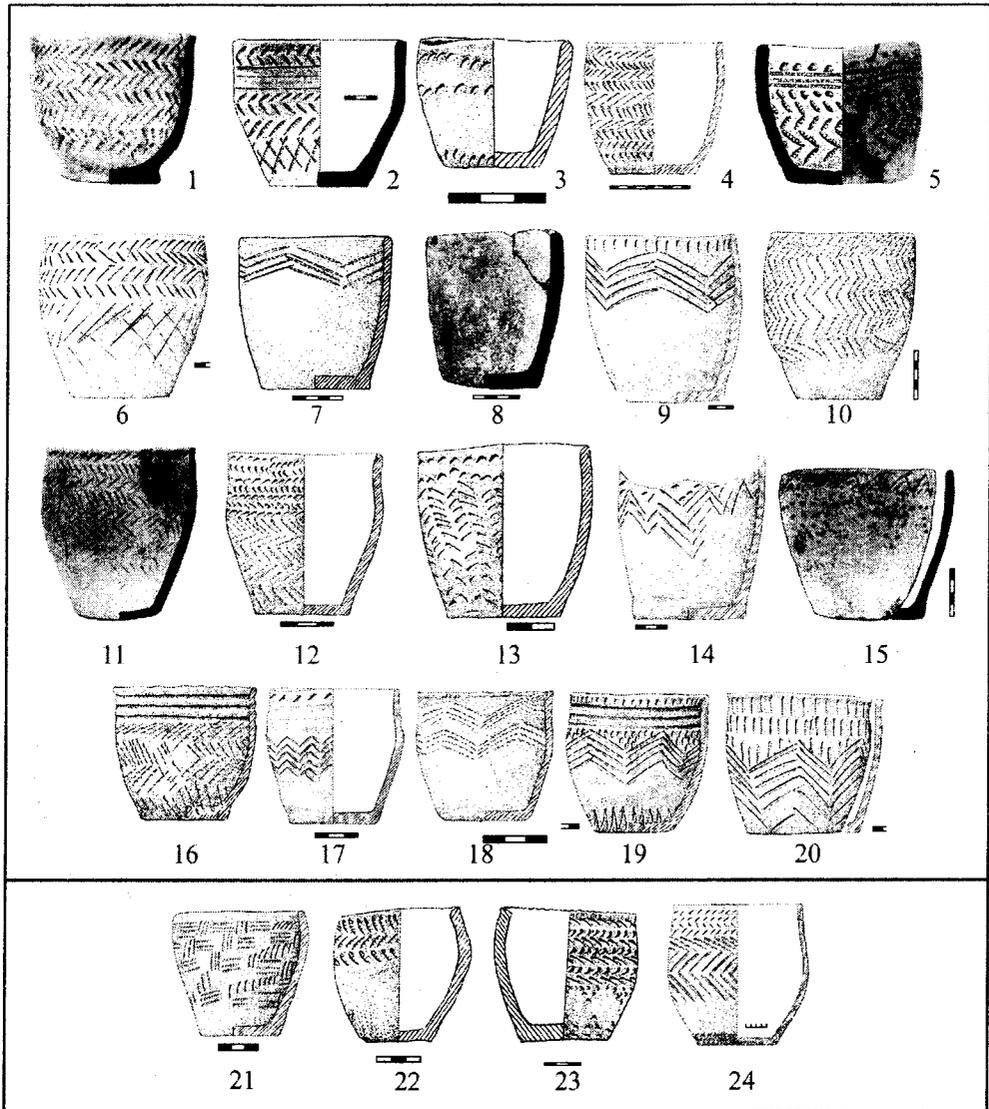

Рис. 65. Керамические сосуды баночной формы

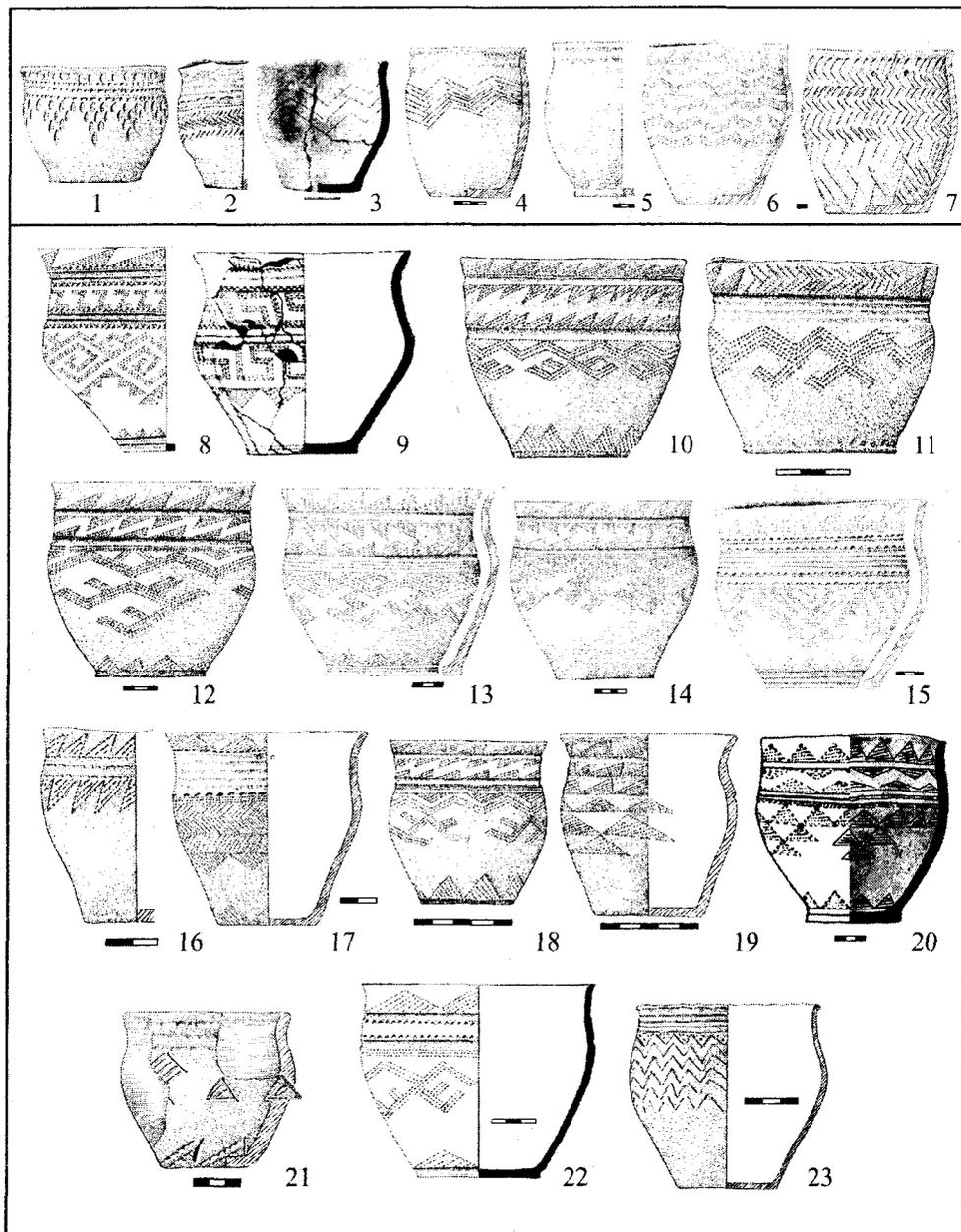

Рис. 66. Керамические сосуды горшковидной формы

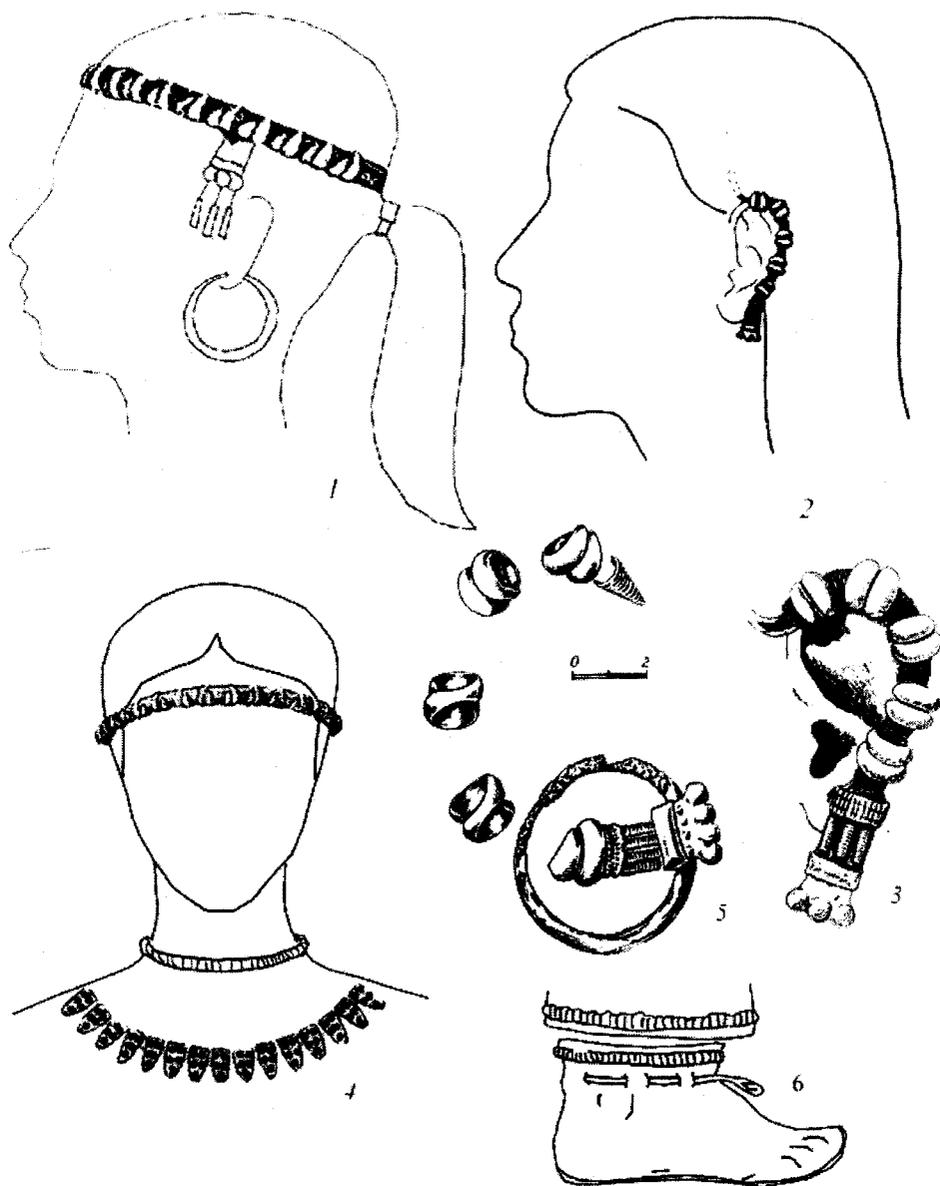

Рис. 67. Реконструкция способов ношения украшений: 1 – могила №30, Кытманово (по: Аванесова Н.А., 1991, рис. 58.-3); 2, 3 – могила №124, Фирсово-ХIV (по: Позднякова О.А., 2000, рис. 2.-3); 4 – могила №1, Кытманово (по: Аванесова Н.А., 1991, рис. 58.-1); 5 – расположение украшений в могиле №85, Рублево-VIII (по: Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2006, рис. 2.-2); 6 – могила №9, Улубай (по: Аванесова Н.А., 1991, рис. 61)

Таблица I

Основные параметры погребальных сооружений

№ могилы	Размеры, см*	Глубина	Деревянные конструкции	Погребение			Пол			Ориентация головы на	Полая	Керамические сосуды	Изделия				Кости животных	Раковины моллюсков	Ориентация длинной осью	Угли	Ямы вокруг могилы
				одиночное	парное	коллективное	М	Ж	Р				бронзовые	золотые	каменные	пастовые					
1	140x90	220	+	+	-	-	-	-	ЮЗЗ	ск.л.	-	+	-	-	+	ЮЗЗ-СВВ	-	-	-	-	
2	115x?	240	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	ЮЗ-СВ	-	-	-	-	-	
3	95x62	60	-	+	-	-	-	-	ЮЗЗ	ск.л.	+	-	-	-	ЮЗ-СВ	-	-	-	-	+	
4	230x120	230	+	+	-	-	+	-	ЮЗЗ	ск.л.	+	+	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-	-	-	-	
5	90x80	68	-	+	-	-	-	-	Ю	ск.пр.	-	-	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-	-	-	+	
6	80x55	70	+	+	-	-	-	-	ЮЗЗ	ск.пр.	+	-	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-	-	-	-	
7	90x55	80	-	+	-	-	-	-	3	ск.л.	+	-	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-	-	-	+	
8	100x80x110	90	-	-	-	-	-	-	ЮЗ-ЮЗЗ	ск.л.?	2	+	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-	-	-	кост-рище	
9	220x110	210	+	+	-	-	+	-	ЮЗЗ	ск.л.	-	-	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-	-	-	-	
10	80x50	120	-	-	-	-	-	-	СЗ?	ск.л.	+	-	-	-	ЗСЗ-ВЮВ	-	-	-	-	-	
11	70x50	220	-	+	-	-	-	-	3	ск.л.	-	-	-	-	3-В	-	-	-	-	-	
12	140x75	145	-	-	-	-	-	-	ЮЗ	ск.пр.	+	+	-	-	ЮЗ-СВ	-	-	-	-	+	
13	230x120	275	+	+	-	-	+	-	3	ск.л.	+	-	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-	-	-	-	
14	?	60	-	-	-	-	-	-	ЮЗ	ск.л.	-	-	-	-	?	-	-	-	-	-	
15	210x120	150	-	-	-	-	-	-	-	кре-ма-ция	+	-	-	-	3-В	-	-	-	-	+	

Продолжение таблицы I

№ могилы	Размеры, см*	Глубина	Деревянные конструкции	Погребение			Пол			Ориентация умерших на головной на	Пола	Керамические сосуды	Изделия				Кости животных	Раковины моллюсков	Ориентация длинной осью	Углы	Ямы вокруг могилы
				одиночное	парное	коллективное	М	Ж	Р				бронзовые	золотые	каменные	пастовые					
16	170x80	110	-	+	-	-	+	-	-	ЮЗ	ск.л.	+	-	+	-	-	ЮЗ-СВ	-	-		
17	160x100	100	-	+	-	-	-	-	-	-	ск.лр.	+	-	-	-	-	ЮЗ-СВ	-	-		
18	170x100	110	-	+	-	-	+	-	-	3	ск.л.	-	-	-	-	-	3-В	-	-		
19	210x120	215	+	+	-	-	+	-	-	ЮЗ	ск.л.	+	-	-	-	-	ЮЗ-СВ	+	-		
20	190x100	170	-	-	-	+	-	+	++	ЮЗ	ск.л., пр., л.	+++	+	+	-	-	ЮЗ-СВ	-	-		
21	250x130	175	+	-	-	-	+	+	+	ЮЗЗ-ЮЗЗ	ск.л.?	+	+	+	-	-	ЮЗ-СВ	-	-		
22	215x103	170	-	+	-	-	+	-	-	ЮЗЗ	ск.л.	+	-	-	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-		
23	215x120	170	+	-	-	-	+	-	+	-	ск.л.	+	-	-	-	-	ЮЗЗ-СВВ	+	-		
24	230x190	205	+	-	-	-	+	-	-	3	ск.л.	++	+	+	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-		
25	150x100	120	-	+	-	-	-	-	-	ЮЮЗ	ск.л.	+	-	-	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-		
26	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЮЮЗ-СВВ	-	-		
27	110x100	100	-	+	-	-	-	-	+	ЮЗ	ск.л.	+	-	-	-	-	С-Ю	-	-		
28	140x80	120	-	-	-	-	-	-	+	ЮЮЗ?	ск.л.	++	-	-	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-		
29	140x120	120	-	-	-	-	-	-	+	-	-	++	+	+	-	-	ЮЗЗ-СВВ	-	-		
30	200x130	225	+	+	-	-	-	-	-	ЮЗЗ	ск.л.	+	+	+	+	-	ЮЗ-СВ	-	-		
31	220x110	190	+	+	-	-	-	-	-	ЮЗ	ск.л.	+	-	-	-	-	ЮЗ-СВ	-	-		

Окончание таблицы 1

№ могилы	Размеры, см*	Глубина	Деревянные конструкции	Погребение			Пол			Ориентация умерших головой на	Пола	Керамические сосуды	Изделия				Кости животных	Раковины моллюсков	Ориентация длинной осью	Угли	Ямы вокруг могилы
				одиночное	парное	коллективное	М	Ж	Р				бронзовые	золотые	каменные	пастовые					
32	160x110	105	-	+	-	-	+	-	-	-	++	+	-	-	-	-	ЮЗ-СВ	-	-		
33	180x100	140	-	-	+	-	-	+	+	+	++	-	-	-	-	-	ЮЮЗ-ССВ	-	-		
34	150x98	150	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	ЮЮЗ-ССВ	-	-		
35	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
37	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание: * даны максимальные размеры

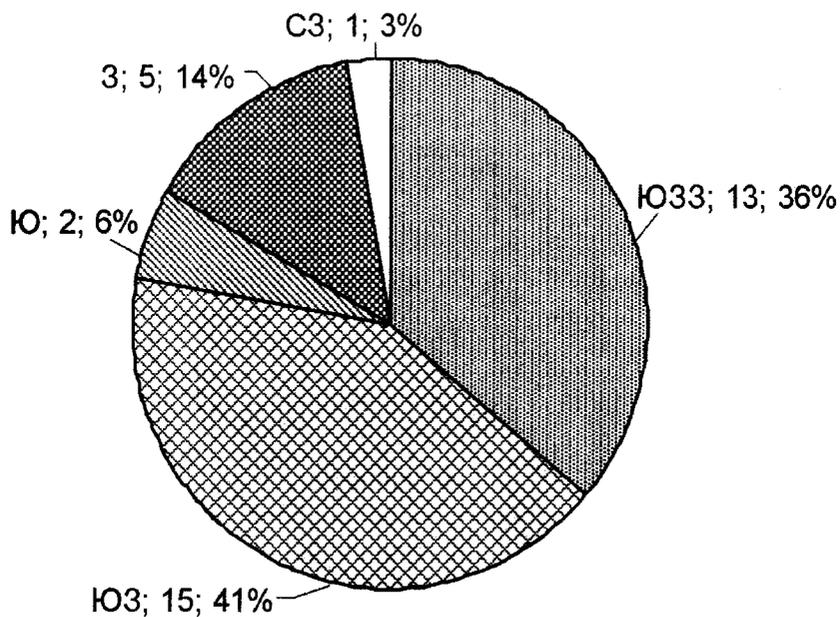

Диаграмма I. Ориентация погребенных людей в могилах по сторонам света

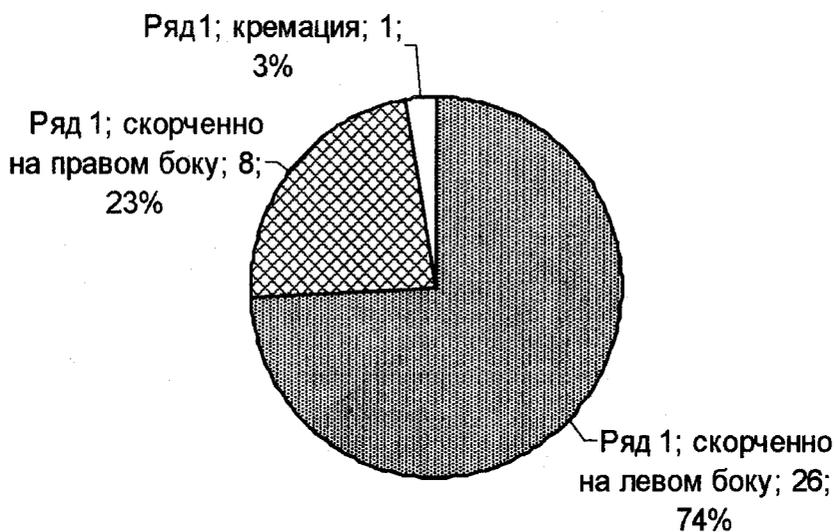

Диаграмма II. Положение погребенных людей в могилах

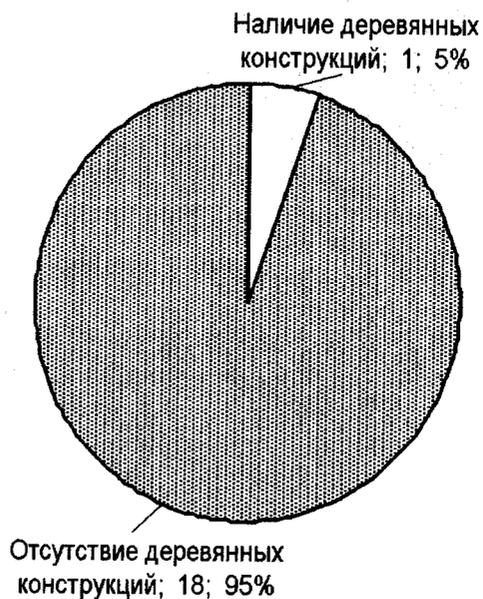

Диаграмма III. Наличие и отсутствие внутримогильной деревянной конструкции в могильных ямах глубиной менее 1,7 м

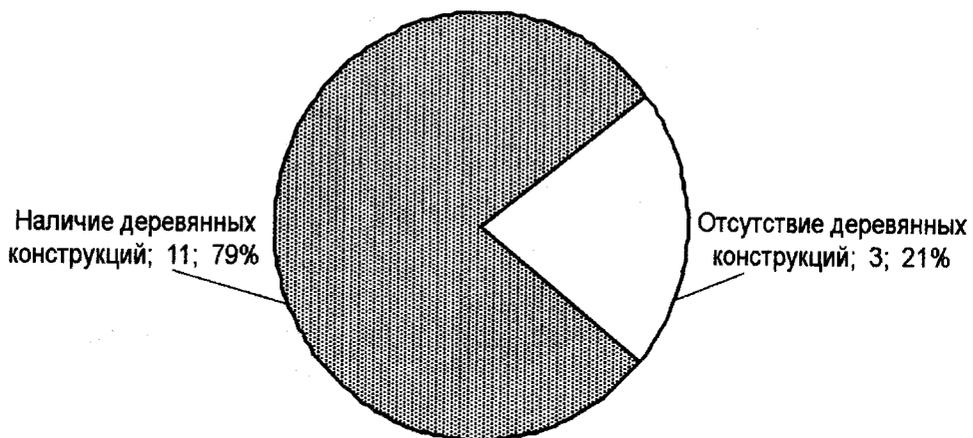

Диаграмма IV. Наличие и отсутствие внутримогильной деревянной конструкции в могильных ямах глубиной более 1,7 м

SUMMARY

Alongside with other necropolises dated back to the period of developed bronze such as Chekanovsky Log, Firsovo-XIV, Rublevo-VIII, Nizhnaya Suetka, **the burial ground Kytmanovskiy** attributed to the Androne epoch, is considered to be one of the largest burial grounds of this epoch in the forest-steppen and steppen Altai. Its territory is proved to be the site of at least 80 ancient burial places. Unfortunately, some of them were partly destroyed as a result of agricultural and economic development of the cape being the site of **the burial ground**. About 60 burial places were urgently researched by the archeologists from **the museums** of regional studies from Altai and Kemerovo regions. Previously, the burial ground had been subjected to several archeological excavations, i.e. V.I. Catz explored the **burial ground** in the period of 1961–1962, and later on, in 1962–1963, it was researched by A.P. Umanskyi. Scientific materials and archeological finds obtained in the course of **those excavations** have not been so far brought to the notice of scientific society by virtue of various objective and subjective reasons. We managed to find the materials of only 35 **objects** having been researched by A.P. Umanskyi that form the basis of this very book.

The burial ground is located in the upper terrace of the left shore of the river Chumysh, **about** a kilometer to the southeast from the regional center Kytmanovo (picture 1). Brickworks buildings are located at the bottom of a big cape that extends into the floodplain **terrace** in the form of a wide tongue (picture 2). Planigraphically burial constructions are **arranged** in small groups, whereas such spatial location of the burials does not exclude **the construction** of ancient burial mounds. The burial procedure of the population having left **the burial ground** Kytmanovskiy is characterized mainly by ingumation (corpse placement): **we recorded** the only example of corpse cremation (№15). Thereby, the cremation was **conducted** outside the grave, and thereafter the burnt fragments of bones, carbons and ashes **were pulled** into the burial pit. The two thirds of graves were marked by no traces of any **internal constructions**. Twelve burials contained the remnants of log and half-log coverings **along** the perimeter of their bottoms. In several burials, the coverings were complemented by **wooden overlappings**. The vast majority of graves did not preserve any traces of headstones, **burial hills** or fencing. The traces of wooden fence around the graves were found only in the **two cases** (№3 and № 5).

Five skeletons were defined as male and nine as the female ones. The skeleton from **the grave №9** belongs to the elderly woman; the male bones from the graves № 19 and № 22 **together** with the female skeletons from the graves № 2 and № 15 belong to the people of mature **age**, whereas all the rest are attributed to young adult subjects. Out of 35 graves having taken **into account**, 27 are reported to be individual burials, 7-paired and the only grave turned out **to be** the burial place of three people.

The overwhelming majority of graves is marked by the writhed lateral recumbent **position** of the dead with their legs bent differently, and the arms bent in elbows (74%). **Twenty three percent** of the dead (23%) were laid down in the right lateral position. It is a **great degree** of writhing that attracts our attention in some burials that gives an impression **that the deceased** were tired before the burial procedure. In most cases, if we consider the line **"skull-pelvis"** of the skeletons, the skulls were directed to the South-East (41%), and South-East-East (36%). Fourteen percent of the dead (14%) were buried with their skulls headed **to the western sector**, and only 6 % to the southern one.

The inventory of the burial ground is represented mainly by the two types of things: **figulines** and decorative items. The number of figulines in the grave depended on the number

of buried in the grave: the majority of individual burials contained only one figuline; two figulines were found in the paired graves, whereas grave № 20 contained three items. Some graves contained no figulines at all. Figulines in the graves were usually placed either behind the heads of the dead or in front of the facial parts of the skull.

Ornaments and separate items of clothes represent the largest group of metal inventory of monuments belonging to the Androne culture. The burial ground Kytmanovskiy is not an exception. Considerable part of its burial inventory is represented by decorative items. Objects and their separate constituent parts are made of bronze, bronze coated with gold foil or pure gold. The graves contained the pieces made of paste, shells and stone. **Bronze decorative items** are represented by the following categories: bracelets with spiral endings, "cultriform" bobs, funnel-shaped earrings, ring-shaped earrings, sewed-on platelets, holed rectangular casings, and beads. Among the finds of the burial place we can point out a relatively large number of **gold decorative items** (about 115 pieces). The majority of items there from are made of gold foil on the bronze substrate. These are the sewed-on plates in the form of trapezium or isosceles triangle decorated with five cambers in the form of large "pearls", "ribbed" pierced beads, hook bobs, ring-shaped earrings or pendants, funnel-shaped earrings, grooved pendants with one and a half convolutions, ribbed casings, etc.

Six parts of the shell *corbiculus flumenalis* can also be included into the category of decorative items, whereas the holes therein, as well as the items' location in the upper part of the skeleton's chest in the grave № 1 speak for the fact that they were arranged in the form of a necklace. Some graves contained paste beads and small plate fragments. Seven "piercings" made of white paste shaped in the form of "baked" 2–5 beads were found in the grave № 1. The analogous "piercings" made of 5 beads 1.3 centimeters long was found in the grave № 30.

Ceramic collection of the burial ground Kytmanovskiy comprises 49 archeologically-safe figulines. The two pieces are attributed to the epoch of late bronze, while others relate to the Androne culture. Considering the form of ceramic items, the Androne ceramics can be divided into two groups: the first one being represented by the jar-shaped figulines and the second one comprising the figulines of the pot-shaped form with its main characteristic feature lying in the occurrence of clearly-marked neck. Within the marked groups figulines vary considerably depending on their proportions and basic parameters. Relative the form, the above mentioned groups correlate to the peculiarities of ornamentation. On the whole, jar-shaped figulines are characterized by a more simple compositional design of decorative elements, up to its total lack. Most often the figulines of this group were decorated by 4–7 parallel horizontal zigzag lines along the body of the vessel, having been made by comb-type or plain instruments. The traces made by a short plain tool that can also be viewed as the rows of vertical herring-bone pattern are clearly fixed, while the traces of the tool with a long plain razor are fixed more often. In some cases the place between the zigzag lines and the upper edge of the vessel's ring was decorated by pit-like pressings, imprints of a smooth plate or flutes.

The majority of jar-like figulines is decorated by the rows of horizontal, vertical or diagonal herring-bone patterns. Such ornamental motifs were made by a comb-like or plain tool. The imprints usually covered the whole side of the figuline or its upper two thirds. The near-bottom part was not usually ornamented. In several cases this zone was decorated by a plain "shaker", pit-like or comb-like stamps. Ornamentation of the pot-like figulines includes the group of items decorated by ornamental motifs characteristic for the group

of the above described jar-like figulines. These samples of ceramics can relatively be included into a transitional group between the first and the second ones. The main part of the pot-like ceramics is marked by a good profiling and “rich” ornamental design. It is also characterized by the combination of various geometrical motifs including triangles, meanders, zigzags and scallops. Almost all figulines have flutes, and the so-called “carpet-like” ornaments. Some figulines are marked by a three-part zoning.

The majority of burial places belonging to the burial ground Kytmanovskiy are attributed to the Androno culture. This can be proved by the characteristic features and peculiarities of the burial ceremony and its inventory. On the whole, the burial ground Kytmanovskiy can be dated back to the chronological period of the existence of the Androno population on the territory of the forest-steppe Altai by the third quarter of the II thousand B.C.

Alongside the complexes representing the Androno culture the burial ground Kytmanovskiy appeared to be the site of one burial place belonging to the period of the late bronze – the grave number 17. The burial inventory including bronze pendants, plates, an earring, and what is most important the ceramics proves the above mentioned statement. One of the figulines, having been found in the grave, is considered to be typically Irmenian, whereas the other one, according to the opinion of A. V. Matveev, belongs to the early Bystrovsky period of the Irmenian culture. (A. V. Matveev., 1993, p 106). The construction of the grave №17 should be attributed to the XII–IX centuries B.C.

The territory of the burial place, namely the inter-grave spaces turned out to be the sites where several items related to the epoch of the late Stone Age were discovered. These are the axes, the queen cell, a detach and a stone fishing hook. Most probably, several fragments of ceramics can also be attributed to this period. The above mentioned finds does not exclude the traces of the layer belonging to the beginning of the late Stone Age on the territory of the burial place, with this fact requiring further research. The same assumption is justified also relative the early Iron Age, since the collection of the Kytmanovskiy necropolis includes the fragment of the ceramics most possibly attributed to this very period of the ancient history.

Научное издание

Уманский Алексей Павлович,
Кирюшин Юрий Федорович, Грушин Сергей Петрович

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ
АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИЧУМЫШЬЯ
(по материалам могильника Кытманово)**

МОНОГРАФИЯ

На обороте обложки:

*вверху – золотые украшения из могильника Кытманово в экспозиции «Золотой кладовой»
Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург); внизу – коллекция керамических
сосудов из фонда Кемеровского областного краеведческого музея. Фото С.П. Грушина*

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин
Дизайн обложки: Ю.И. Ткали

Подписано в печать 05.02. 2007. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 15,0.
Тираж 350 экз. Заказ 1409.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru